

Михаил Юрьевич Лермонтов
Собрание сочинений в 4 томах
Том I
Стихотворения

<Вступительная статья>

<Т. П. Голованова>

[1]

По своим общим принципам настоящее собрание сочинений следует за четырехтомным изданием. Справочный аппарат в нем облегчен: отсутствует полный свод вариантов и черновых редакций произведений (основные из них приводятся в примечаниях), отсутствует подробное описание рукописей Лермонтова и других источников текста, сокращены библиографические сведения. В то же время круг сведений, входящих в реальный и историко-литературный комментарий, расширен по сравнению с «малым академическим» изданием.

В примечаниях к произведениям Лермонтова сообщаются место первой публикации произведения, текст собственных примечаний и помет Лермонтова, если они имеются в автографе; время написания произведения; существенные факты его творческой истории: обстоятельства создания, имя адресата (для посланий, посвящений, некоторых лирических стихотворений), сведения о литературном источнике (если он имеется) и т. д. Здесь же приводятся наиболее важные с историко-литературной точки зрения оценки произведения; дается разъяснение авторского подтекста, игры слов, поддающихся раскрытию намеков; сообщаются краткие сведения о малоизвестных лицах и географических названиях.

Собрание состоит из четырех томов: в первый том входят стихотворения, во второй том – поэмы и повести в стихах, в третий – драмы, в четвертый – художественная проза, письма, планы и заметки. Внутри каждого тома произведения располагаются в хронологическом порядке. Перед разделом примечаний в конце тома дается краткая вступительная статья, характеризующая особенности произведений данного жанра.

Тексты Лермонтова печатаются по новой орфографии, но с сохранением особенностей языка, характерных для эпохи 30 – 40-х годов прошлого века.

Стихотворения, 1828–1841

Стихотворения, 1828

Осень

*Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит, меж цветов,
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь, отважный, поневоле
Скрыться где-нибудь спешит,
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.*

Заблуждение Купидона

*Однажды женщины Эроса отодрали;
Досадой раздражен, упрямое дитя,
Напрягши грозный лук и за обиду мстя,
Не смея к женщинам, к нам ярость острой стали,
Не слушая мольбы усерднейшей, стремится.
Ваш подлый род один! – безумный говорит.*

*С тех пор-то женщина любви не знает!..
И точно как рабов считает нас она...
Так в наказаниях всегда почти бывает:
Которые смирней, на тех падет вина!..*

Цевница

*На склоне гор, близ вод, прохожий, зрел ли ты
Беседку тайную, где грустные мечты
Сидят задумавшись? Над ними свод акаций:*

[2]

*И куст прелестных роз, взлелеянных весной.
Там некогда, кругом черемухи млечной
Струя свой аромат, шумя, с прибрежной ивой
Шутил подчас зефир и резвый и игривый.
Там некогда моя последняя любовь
Питала сердце мне и волновала кровь!..
Сокрылось всё теперь: так, поутру, туманы
От солнечных лучей редуют средь поляны.
Исчезло всё теперь; но ты осталось мне,
Утеха страждущих, спасенье в тишине,
О милое, души святое воспоминанье!
Тебе ж, о мирный кров, тех дней, когда страданье
Не ведало меня, я сохранил залог,
Который умертвить не может грозный рок,
Мое веселие, уж взятое гробницей,
И ржавый предков меч с задумчивой цевницей!*

Поэт

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал,
Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И утомленный и немой
Он забывал огонь небесный.
Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! Души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Всё тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.

Стихотворения, 1829

К. П...ну

Забудь, любезный П<етерсон>,
Мои минувшие сужденья;
Нет! Недостоин бедный свет презренья,
Хоть наша жизнь минута сновиденья,
Хоть наша смерть струны порванной звон.
Мой ум его теперь ценить иначе станет.
Навряд ли кто-нибудь из нас страну узрит,
Где дружба дружбы не обманет,
[3]

Зачем же всё в сем мире бросить,
Зачем и счастья не найти:
Есть розы, друг, и на земном пути!
Их время злобное не все покосит!..
Пусть добродетель в прах падет,
Пусть будут все мольбы творцу бесплодны,
Навеки гений пусть умрет, –
Везде утечи есть толпе простонародной;
Но тот, на ком лежит уныния печать,
Кто, юный, потерял лета златые,
Того не могут услаждать
Ни дружба, ни любовь, ни песни боевые!..

К Д...ву

*Я пробегал страны России,
Как бедный странник меж людей;
Везде шипят коварства змии;
Я думал: в свете нет друзей!
Нет дружбы нежно-постоянной,
И бескорыстной, и простой;
Но ты явился, гость незванный,
И вновь мне возвратил покой!
С тобою чувствами сливаюсь,
В речах веселых счастье пью;
Но дев коварных не терплю –
И больше им не доверяюсь!..*

Посвящение. N. N

*Вот, друг, плоды моей небрежной музыки!
Оттенок чувств тебе несу я в дар.
Хоть ты презрел священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринул жар...
Я знаю всё: ты ветрен, безрассуден,
И ложный друг уж в сеть тебя завлек;
Но вспоминай, что путь ко счастью труден
От той страны, где царствует порок!..
Готов на всё для твоего спасенья!
Я так клялся и к гибели летел;
Но ты молчал и, полный подозренья,
Словам моим поверить не хотел...
Но час придет, своим печальным взором
Ты всё прочтешь в немой душе моей;
Тогда: беги, не трать пустых речей, –
[4]*

Пир

Приди ко мне, любезный друг,

[5]

Чтоб разделить святой досуг

В объятьях мира, муз и граций.

Не мясо тучного тельца,

Не фрукты Греции счастливой

Увидишь ты; не мед, не пиво

Блеснут в стакане пришлеца;

Но за столом любимца Феба

Пирует дружба и она;

А снедь – кусок прекрасный хлеба

И рюмка красного вина.

Веселый час

(Стихи в оригинале найдены во Франции на стенах одной государственной темницы)

Зачем вы на меня,
Любезные друзья,
В решетку так глядите?
Не плачьте, не грустите!
Пускай умру сейчас,
Коль я в углу темницы
Смочил один хоть раз
Слезой мои ресницы!..
Ликуйте вы одне
И чаши осушайте,
Любви в безумном сне,
Как прежде, утопайте;
Но в пламенном вине
Меня воспоминайте!..
Я также в вашу честь,
Кляня любовь былую,
Хлеб черствый стану есть
И воду пить гнилую!..
Пред мной отличный стол,
И шаткий и старинный;
И музыкой ослиной
Скрыпит повсюду пол.
В окошко свет чуть льется;
Я на стене кругом
Пишу стихи углем,
Браню кого придется,
Хвалю кого хочу,
Нередко хохочу,
Что так мне удастся!
Иль если крыса в ночь
Колпак на мне сгрызает,
Я не гоняю прочь:
Меня увеселяет
Ее бесплодный труд.
Я повернусь – и тут!..
Послыша глас тревоги,
Она – давай бог ноги!..
Я сторожа дверей
Всегда увеселяю,

*Смешу – и тем сытей
Всегда почти бываю.*

.....

.....

Тогда я припеваю

.....

.....

*«Тот счастлив, в ком ни раз
Веселья дух не гас.
Хоть он всю жизнь страдает,
Но горесть забывает
В один веселый час!..»*

К друзьям

*Я рожден с душою пылкой,
Я люблю с друзьями быть,
А подчас и за бутылкой
Быстро время проводить.*

*

*Я не склонен к славе громкой,
Сердце греет лишь любовь;
Лиры звук дрожащий, звонкой
Мне волнует также кровь.*

*

*Но нередко средь веселья
Дух мой страдает и грустит,
В шуме буйного похмелья
[6]*

Эпиграмма («Дурак и старая кокетка – всё равно...»)

Дурак и старая кокетка – всё равно:

Румяны, горсть белил – всё знание его!..

Мадригал

«Душа телесна!» – ты всех уверяешь смело;

Я соглашусь, любовь дыша:

Твое прекраснейшее тело –

Не что иное, как душа!..

Романс («Коварной жизнью недовольный...»)

[7]

Обманут низкой клеветой,
Летел изгнанник самовольный
В страну Италии златой.
«Забуду ль вас, сказал он, други?
Тебя, о севера вино?
Забуду ль, в мирные досуги
Как веселило нас оно?

*

Снега и вихрь зимы холодной,
Горячий взор московских дев,
И балалайки звук народный,
И томный вечера припев?
Душа души моей! Тебя ли
Загладят в памяти моей
Страна далекая, печали,
Язык презрительных людей?

*

Нет! И под миртом изумрудным,
И на Гельвеции скалах,
И в граде Рима многолюдном
Всё будешь ты в моих очах!»

*

В коляску сел, дорогой скучной,
Закрывшись в плащ, он поскакал;
А колокольчик однозвучный
[8]

Портреты

1

*Он некрасив, он невысок,
Но взор горит, любовь сулит,
И на челе оставил рок
Средь юных дней печать страстей.
Власы на нем как смоль черны,
Бледны всегда его уста,
Открыты ль, сомкнуты ль они,
Лият без слов язык богов.
И пылок он, когда над ним
Грозит бедой перун земной.
Не любит он и славы дым.
Средь тайных мук, свободы друг,
Смеется редко, чаще вновь
Клянет он мир, где вечно сир,
Коварность, зависть и любовь,
Всё бросил он как лживый сон!
Не знал он друга меж людей,
Везде один, природы сын.
Так жертву средь сухих степей
Мчит бури ток сухой листок.*

2

*Довольно толст, довольно тучен
Наш полновесистый герой.
Нередко весел, чаще скучен,
Любезен, горд, сердит порой.
Он добр, член нашего Парнаса,
Красавицам Москвы смешон,
На крыльях дряхлого Пегаса
Летает в мир мечтанья он.
Глаза не слишком говорливы,
Всегда по моде он одет.
А щечки – полненькие сливы,
Так говорит докучный свет.*

3

Лукав, завистлив, зол и страстен,

*Отступник бога и людей;
Холоден, всем почти ужасен,
Своими ласками опасен,
А в заключение – злодей!..*

4

*Всё в мире суета, он мнит, или отравя,
Возвышенной души предмет стремленья – слава.*

5

*Всегда он с улыбкой веселой,
Жизнь любит и юность румяну,
Но чувства глубоки питает, –
Не знает он тайны природы.
Открытен всегда, постоянен;
Не знает горячих страстей.*

6

*Он любимец мягкой лени,
Сна и низких всех людей;
Он любимец наслаждений,
Враг губительных страстей!
Русы волосы кудрями
Упадают средь ланит.
Взор изнежен, и устами
Он лишь редко шевелит!..*

К гению

Когда во тьме ночей мой, не смыкаясь, взор
Без цели бродит вокруг, прошедших дней укор
Когда зовет меня, невольно, к воспоминанью:
Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!..
О сколько вдруг толпой теснится в грудь мою
И теней, и любви свидетелей!.. Люблю!
Твержу забывшись им. Но полный весь тоскою
Неверной девы лик мелькает предо мною...
Так, счастье ведал я, и сладкий миг исчез,
Как гаснет блеск звезды падучей средь небес!
Гений:

Дай раз еще любить! Дай жаром вдохновений
Согреться миг один, последний, и тогда
Пускай остынет пыл сердечный навсегда.
Но прежде там, где вы, души моей царицы,
Промчится звук моей задумчивой цевницы!
Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
Над яблоней мой тирс и с лирой золотой
Повесь и начерти: здесь жили вдохновенья!
Певец знавал любви живые упоенья...
...И я приду сюда, и не узнаю вас,
О струны звонкие!

.....

.....

Но ты забыла, друг! Когда порой ночной
Мы на балконе там сидели. Как немой,
Смотрел я на тебя с обычною печалью.
Не помнишь ты тот миг, как я, под длинной шалью
Сокрывши, голову на грудь твою склонял –
И был ответом вздох, твою я руку жал –
И был ответом взгляд и страстный и стыдливый!
И месяц был один свидетель молчаливый
Последних и невинных радостей моих!..
Их пламень на груди моей давно затих!..
Но, милая, зачем, как год прошел разлуки,
Как я почти забыл и радости и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня к себе?..
Забудь любовь мою! Покорна будь судьбе!
Кляни мой взор, кляни моих восторгов сладость!..
Забудь!.. Пускай другой твою украсит младость!..

Ты ж, чистый житель тех неизмеримых стран,
Где стелется эфир, как вечный океан,
И совесть чистая с беспечностью драгою,
Хранители души, оставайтесь ввек со мною!
И будет мне луны любезен томный свет,
Как смутный памятник прошедших, милых лет!..

Покаяние

Дева

– Я пришла, святой отец,
Исповедать грех сердечный,
Горесть, роковой конец
Счастья жизни скоротечной!..

Поп

– Если дух твой изнемог
И в сердечном покаянье
Излиешь свои страданья:
Грех простит великий бог!

Дева

– Нет, не в той я здесь надежде,
Чтобы сбросить тягость бед:
Всё прошло, что было прежде, –
Где ж найти уплывших лет?
Не хочу я пред небесным
О спасенье слезы лить
Иль спокойствием чудесным
Душу грешную омыть;
Я спешу перед тобою
Исповедать жизнь мою,
Чтоб не умертвить с собою
Всё, что в жизни я люблю!
Слушай, тверже будь... Скрепися,
Знай, что есть удар судьбы;
Но над мною не молися:
Не достойна я мольбы.
Я не знала, что такое
Счастье юных, нежных дней;
Я не знала о покое,
О невинности детей:
Пылкой страсти вожделенью
Я была посвящена,
И геенскому мученью
Предала меня она!..
Но любви тайна сладость
Укрывалася от глаз;
Вслед за ней бежала младость,
Как бежит за часом час.
Вскоре бедствие узнала

*И ничтожество свое:
Я любовью торговала;
И не ведала ее.
Исповедать грех сердечный
Я пришла, святой отец!
Счастья жизни скоротечной
Вечный роковой конец.*

Поп

*– Если таешь ты в страданье,
Если дух твой изнемог,
Но не молишь в покаянье:
Не простит великий бог!..*

Письмо

Свеча горит! Дрожащею рукою
Я окончал заветные черты,
Болезнь и парка мчались надо мною,
И много в грудь теснилось – и ты
Напрасно чашу мне несла здоровья,
(Так чудилось) с веселием в глазах,
Напрасно стала здесь у изголовья,
И поцелуй любви горел в устах.
Прости навек! – Но вот одно желанье:
Приди ко мне, приди в последний раз,
Чтоб усладить предсмертное страданье,
Чтоб потушить огонь сомкнутых глаз,
Чтоб сжать мою хладеющую руку...
Далеко ты! Не слышишь голос мой!
Не при тебе узнаю смерти муку!
Не при тебе оставлю мир земной!
Когда ж письмо в очах твоих печальных
Откроется... Прочтешь его... Тогда,
Быть может, я, при песнях погребальных,
Сойду в мой дом подземный навсегда!..
Но ты не плачь: мы ближе друг от друга,
Мой дух всегда готов к тебе летать
Или, в часы беспечного досуга,
Сокрыты прелести твои лобзать...
Настанет ночь; приедешь из собрания
И к ложу тайному придешь одна;
Посмотришь в зеркало и жар дыханья
Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пыхнет огонь на девственны ланиты,
К груди молодой прильнет безвестный дух,
И над главой мелькнет призрак забытый,
И звук влетит в твой удивленный слух.
Узнай в тот миг, что это я из гроба
На мрачное свиданье прилетел:
Так, душная земли немой утроба
Не всех теней презрительный удел!..
Когда ж в санях, в блистательном катанье,
Проедешь ты на паре вороных;
И за тобой в любви живом страданье
Стоит гусар безмолвен, мрачен, тих;

И по груди обоих вас промчится
Невольный хлад, и сердце закипит,
И ты вздохнешь, гусара взор затмится,
Он черный ус рукою закрутит;
Услышишь звук военного металла,
Увидишь бледный цвет его чела:
То тень моя безумная предстала
И мертвый взор на путь ваш навела!..
Ах! Много, много я сказать желаю;
Но медленно слабеет жизни дух.
Я чувствую, что к смерти подступаю,
И – падает перо из слабых рук...
Прости!.. Я бегал за лучами славы,
Несчастливо, но пламенно любил,
Всё изменило мне, везде отравы,
Лишь лиры звук мне неизменен был!..

Война

*Зажглась, друзья мои, война;
И развились знамена чести;
Трубой заветною она
Манит в поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напевы,
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны девы!
Забуду я тебя, любовь,
Сует и юности отравы,
И полечу, свободный, вновь
Ловить венок небренной славы!*

Русская мелодия

1

*В уме своем я создал мир иной
И образов иных существование;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья;
Вдруг зимних бурь раздался грозный вой, –
И рушилось неверное создание!*

2

*Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой,
И бескорыстный, и свободный!..*

3

*Он громкий звук внезапно раздает,
В честь девы, милой сердцу и прекрасной, –
И звук внезапно струны оборвет,
И слышится начало песни! – но напрасно! –
Никто конца ее не допоеет!..*

Песня («Светлый призрак дней минувших...»)

Светлый призрак дней минувших,

Для чего ты

Пробудил страстей уснувших

И заботы?

Ты питаешь сладострастья

Скоротечность!

Но где взять бывшее счастье

И беспечность?..

Где вы, дружески обеты

И отвага?

Поглотились бездной Леты

Эти блага!..

Щеки бледностью, хоть молод,

Уж покрылись;

В сердце ненависть и холод

Водворились!

К..... («Не привлекай меня красой!..»)

Не привлекай меня красой!

Мой дух погас и состарелся.

Ах! Много лет, как взгляд другой

В уме моем напечатлелся!..

Я для него забыл весь мир,

Для сей минуты незабвенной;

Но я теперь как нищий сир,

Брожу один, как отчужденный!

Так путник в темноте ночной,

Когда узрит огонь блудящий,

Бежит за ним... Схватил рукой...

И – пропасть под ногой скользящей!..

Романс («Невинный нежною душою...»)

*Невинный нежною душою,
Не зная в юности страстей прилив,
Ты можешь, друг, сказать с какой-то простотою:
Я был счастлив!..*

*Кто, слишком рано насладившись,
Живет, в душе негодование скрыв,
Тот может, друг, еще сказать забывшись;
Я был счастлив!..*

*Но я, в сей жизни скоротечной,
Так испытал отчаянья порыв,
Что не могу сказать чистосердечно:
Я был счастлив!*

Три ведьмы

(Из «Макбета» Ф. Шиллера)

Первая

*Попался мне один рыбак:
Чинил он весел сети!
Как будто в рубище, бедняк,
Имел златые горы!
И с песнью день и ночи мрак
Встречал беспечный мой рыбак.
Я ж поклялась ему давно,
Что всё сердит меня одно...
Однажды рыбу он ловил,
И клад ему попался;
Клад блеском очи ослепил,
Яд черный в нем скрывался.
Он взял его к себе на двор:
И песен не было с тех пор!*

Другие две

*Он взял врага к себе на двор:
И песен не было с тех пор!*

Первая

*И вот где он: там пир горой,
Толпа увеселений;
И прочь, как с крыльями, покой
Быстрее умчался тени.
Не знал безумец молодой,
Что деньги ведьмы – прах пустой!*

Вторая и третья

*Не знал, глупец, средь тех минут,
Что наши деньги в ад ведут!..*

Первая

*Но бедность скоро вновь бежит,
Друзья исчезли ложны;
Он прибегал, чтоб скрыть свой стыд,
К врагу людей, безбожный!
И на дороге уж большой
Творил убийство и разбой...
Я ныне близ реки иду
Свободною минутой:
Там он сидел на берегу,
Терзаясь мукой лютой!..*

Он говорил: «Мне жизнь пуста!
Вы отвращений полны,
Блаженства, злата!.. Вы мечта!..»
И забелели волны.

К Нине

(Из Шиллера)

*Ах! Сокрылась в мрак ненастный
Счастья прошлого мечта!..
По одной звезде прекрасной
Млею, бедный сирота.
Но, как блеск звезды моей,
Ложно счастье прежних дней.*

.....

*Пусть, навек с златым мечтаньем,
Пусть тебе глаза закрыть,
Сохраню тебя страданьем:
Ты для сердца будешь жить.
Но увы! Ты любишь свет:
И любви моей как нет!*

.....

*Может ли любви страданье,
Нина! Некогда пройти?
Бури света волнованье
Чувств горячих унести?
Иль умрет небесный жар,
Как земли ничтожный дар?..*

.....

К N. N

Ты не хотел! Но скоро волю рока
Узнаешь ты и в бездну упадешь;
Проколет грудь раскаяния нож.
Предстану я без горького упрека,
Но ты тогда совсем мой взор поймешь;
Но он тебе, как меч, как яд, опасен;
Захочешь ты проступку вновь помочь;
Нет, поздно, друг, твой будет труд напрасен:
Обратно взор тебя отгонит прочь!..
Я оттолкну униженную руку,
Я вспомню дружбу нашу как во сне;
Никто со мной делить не будет скуку;
Таких друзей не надо больше мне;
Ты хладен был, когда я зрел несчастье
Или удар печальной клеветы;
Но придет час: и будешь в горе ты,
И не пробудится в душе моей участие!..

Эпиграммы

1

*Есть люди странные, которые с друзьями
Обходятся как с сертуками:
Покуда нов сертук: в чести – а там
Забыт и подарен слугам!..*

2

*Тот самый человек пустой,
Кто весь наполнен сам собой.*

3

*Поэтом (хоть и это бремя)
Из журналиста быть тебе не суждено;
Ругать и льстить, и лгать в одно и то же время,
Признаться, – очень мудрено!*

4. Г-ну П...

*Аминт
Когда за счастьем бежит;
А под конец так крепко спит,
Что даже сон другим наводит.*

5

*Стыдить лжеца, шутить над дураком
И спорить с женщиной – всё то же,
Что черпать воду решетом:
От сих троих избавь нас, боже!..*

6

*Дамон, наш врач, о друге прослезился,
Когда тот кончил жизнь; поныне он грустит;
(Но не о том, что жизни друг лишился):
билеты за визит!..*

К Грузинову

*Скажу, любезный мой приятель,
Ты для меня такой смешной,
Ты муз прилежный обожатель,
Им даже жертвуешь собой!..
Напрасно, милый друг! Коварных
К себе не приманишь никак;
Ведь музы женщины – итак,
Кто ж видел женщин благодарных?..*

Наполеон

Где бьет волна о брег высокой,
Где дикий памятник небрежно положен,
В сырой земле и в яме неглубокой –
Там спит герой, друзья! – Наполеон!..
Вещают так: и камень одинокой,
И дуб возвышенный, и волн прибрежных стон!..
Но вот полночь свинцовый свой покров
По сводам неба распустила,
И влагу дремлющих валов
[9]

Над ней сюда пришел мечтать
Певец возвышенный, но юный;
Воспоминания стараясь пробуждать,
Он арфу взял, запел, ударил в струны...
«Не ты ли, островок уединенный,
Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? Не здесь ли звук мечей
Гремел, носился глас его священный?
Нет! Рок хотел отсюда удалить
И честолюбие, и кровь, и гул военный;
А твой удел благословенный:
Принять изгнанника и прах его хранить!
Зачем он так за славою гонялся?
Для чести счастье презирал?
С невинными народами сражался?
И скипетром стальным короны разбивал?
Зачем шутил граждан спокойных кровью,
Презрел и дружбой и любовью
И пред творцом не трепетал?..
Ему, погибельно войною принужденный,
Почти весь свет кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов – но... Воин дерзновенный!..
Творец смешал неколебимый ум,
Ты побежден московскими стенами...
Бежал!.. И скрыл за дальними морями
Следы печальные твоих высоких дум.

.....

Огнем снедаем угрызений,
Ты здесь безвременно погас:

Покоен ты; и в тихий утра час,
Как над тобой порхнет зефир весенний,
Безвестный гость, дубравный соловей,
Порою издает томительные звуки,
В них слышны: слава прежних дней,
И голос нег, и голос муки!..
Когда уже едва свет дневный отражен
Кристальною играющей волною
И гаснет день: усталою стопою
Идет рыбак берегов на тихий склон,
Несведущий, безмолвно попирает,
Таща изорванную сеть,
Ту землю, где твой прах забытый истлевает,
Не перестав простую песню петь...»

.....

Вдруг!.. Ветерок... Луна за тучи забежала...
Умолк певец. Струится в жилах хлад;
Он тайным ужасом объят...
И струны лопнули... И тень ему предстала.
«Умолкни, о певец! Спешి отсюда прочь,
С хвалой иль язвою упрека:
Мне всё равно; в могиле вечно ночь,
Там нет ни почестей, ни счастья, ни рока!
Пускай историю страстей
И дел моих хранят далекие потомки:
Я презрю песнопенья громки;
Я выше и похвал, и славы, и людей!..»

Пан

(В древнем роде)

*Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день,
Укрывшись лесов в таинственную сень
Или под ветвями пустынные рябины,
Смотреть на синие, туманные равнины.*

[10]

*И пляшут вокруг меня на бархате лугов.
Но чаще бог овец ко мне в уединенье
Является, ведя святое вдохновенье:
Главу рогатую ласкает легкий хмель,
В одной руке его стакан, в другой свирель!
Он учит петь меня; и я в тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.*

Жалобы турка

(Письмо. К другу, иностранцу)

Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,

[11]

Где хитрость и беспечность злобе дань несут?

Где сердце жителей волнуемо страстями?

И где являются порой

Умы и хладные и твердые как камень?

Но мощь их давится безвременной тоской,

И рано гаснет в них добра спокойный пламень.

Там рано жизнь тяжка бывает для людей,

Там за утехами несется укоризна,

Там стонет человек от рабства и цепей!..

Друг! Этот край... Моя отчизна!

P. S.

Прости свободные намеки;

Пусть истину скрывает ложь:

Что ж делать? – Все мы человеки!..

К N. N. ***

Не играй моей тоской,
И холодной, и немой.
Для меня бывает время:
Как о прошлом вспомню я,
Сердце (бог тому судья)
Жмет неведомое бремя!..

*

Я хладею и горю,
Сам с собою говорю;
Внемлю смертному напеву;
Я гляжу на бег реки,
На удар моей руки,
На поверженную деву!

*

Я ищу в ее глазах,
В изменившихся чертах
Искру муки, угрызенья;
Но напрасно! Злобный рок
Начертать сего не мог,
Чтоб мое покоить мщенье!..

Черкешенка

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый
И нравы тихой простоты!
Но там, где Терек протекает,
Черкешенку я увидал, –
Взор девы сердце приковал;
И мысль невольно улетаёт
Бродить средь милых, дальных скал.
Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть ещё небесный вид;
Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит.

Ответ

*Кто муки знал когда-нибудь
И чьи к любви закрылись вежды,
Того от страха и надежды
Вторично не забьется грудь.
Он любит мрак уединенья,
Он больше незнаком с слезой,
Пред ним исчезли упоенья
Мечты бесплодной и пустой.
Он чувств лишен: так пень лесной,
Постигнут молнией, догорает,
Погас – и скрылся жизни сок,
Он мертвых ветвей не питает, –
На нем печать оставил рок.*

Два сокола

Степь синяя расстилалась
Близ Азовских берегов;
Запад гас, и ночь спускалась;
Вихрь скользил между холмов.
И, трянувшись, в поле диком
Серый сокол тихо сел;
И к нему с ответным криком
Брат стрелою прилетел.
«Братец, братец, что ты видел?
Расскажи мне поскорей».
– Ах! Я свет возненавидел
И безжалостных людей.
«Что ж ты видел там худого?»
– Кучу каменных сердец:
Деве смех тоска милого,
Для детей тиран отец.
Девы мукой слез правдивых
Веселятся, как игрой;
И у ног самолюбивых
Гибнут юноши толпой!..
Братец, братец! Ты что ж видел?
Расскажи мне поскорей!
«Свет и я возненавидел
И изменчивых людей.
Ношею обманов скрытых
Юность там удручена;
Вспоминаний ядовитых
Старость мрачная полна.
Гордость, верь ты мне, прекрасной
Забывается порой;
Но измена девы страстной
Нож для сердца вековой!..»

Грузинская песня

Жила грузинка молодая,
В гареме душном увядая;
Случилось раз:
Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
Скатился;
Ах! Ею старый армянин
Гордился!..
Вокруг нее кристалл, рубины;
Но как не плакать от кручины
У старика?
Его рука
Ласкает деву всякий день:
И что же?
Скрываются красы как тень.
О боже!..
Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены;
Но всё любовь
Презрела. Вновь
Румянец на щеках живой
Явился.
И перл между ресниц порой
Не бился...
Но армянин открыл коварность.
Измену и неблагодарность
Как перенести!
Досада, месть,
Впервые вас он только сам
Изведал! –
И труп преступницы волнам
Он предал.

Мой демон (1829)

Собрание зол его стихия.

Носясь меж дымных облаков,

Он любит бури роковые,

И пену рек, и шум дубров.

Меж листьев желтых, облетевших

Стоит его недвижимый трон;

На нем, средь ветров онемевших,

Сидит уныл и мрачен он.

Он недоверчивость вселяет,

Он презрел чистую любовь,

Он все моленья отвергает,

Он равнодушно видит кровь,

И звук высоких ощущений

Он давит голосом страстей,

И муза кротких вдохновений

Страшится неземных очей.

Жена Севера

*Покрыта таинств легкой сеткой,
Меж скал полуночной страны,
Она являлася нередко
В года волшебной старины.
И Финна дикие сыны
Ей храмины сооружали,
Как грозной дочери богов;
И скальды северных лесов
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрел ее, тот умирал.
И слух в угрюмой полуночи
Бродил, что будто как металл
Язвили голубые очи.
И только скальды лишь могли
Смотреть на деву издали.
Они платили песнопеньем
За пламенный восторга час;
И пробужден немym виденьем
Был строен их невнятный глас!..*

К другу

Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкою душой,
Я не пленен небесной красотой,
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдет, как тень пустого сна.
Не буду я счастливым близ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:

[12]

Навек мы с ней разлучены судьбою,
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою;
Но я в любви моей закоренел.
Так вор седой заглохшая дубравы
Не кается еще в своих грехах;
Еще он путников, соседей страх,
И мил ему товарищ, нож кровавый!..
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самого от самой колыбели,
Игралищем и рока и страстей
К одной, святой, неизъяснимой цели.
И я к высокому, в порыве дум живых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставлю их...

Элегия («О! Если б дни мои текли...»)

*О! Если б дни мои текли
На лоне сладостном покоя и забвенья,
Свободно от сует земли
И далеко от светского волненья,
Когда бы, усмиря мое воображенье,
Мной игры младости любимы быть могли,
Тогда б я был с весельем неразлучен,
Тогда б я верно не искал
Ни наслаждения, ни славы, ни похвал.
Но для меня весь мир и пуст и скучен,
Любовь невинная не льстит душе моей:
Ищу измен и новых чувствований,
Которые живут хоть колкостью своей
Мне кровь, угасшую от грусти, от страданий,
От преждевременных страстей!..*

«Забывши волнения жизни мятежной...»

*Забывши волнения жизни мятежной,
Один жил в пустыне рыбак молодой.
Однажды на скале прибрежной,
Над тихой прозрачной рекой,
Он с удой беспечно
Сидел
И думой сердечной
К протекшему счастью летел.*

К *** («Глядися чаще в зеркала...»)

*Глядися чаще в зеркала,
Любуйся милыми очами,
И света шумная хвала
С моими скромными стихами
Тебе покажутся ясней...
Когда же вздох самодовольный
Из груди вырвется невольно,
Когда в молодой душе своей
Самолюбивые волненья
Не будешь в силах утаить,
Мою любовь, мои мученья
Ты оправдаешь, может быть!..*

В день рождения N. N

Чего тебе, мой милый, пожелать?

Учись быть счастливым на разные манеры

И продолжай беспечно пировать

Под сенью Марса и Венеры...

К *** («Мы снова встретились с тобой...»)

Мы снова встретились с тобой...

Но как мы оба изменились!..

Года унылой чередой

От нас невидимо сокрылись.

Ищу в глазах твоих огня,

Ищу в душе своей волненья.

Ах! Как тебя, так и меня

Убило жизни тяготенье!..

Монолог

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете.

К чему глубокие познания, жажда славы,

Талант и пылкая любовь свободы,

Когда мы их употребить не можем?

Мы, дети севера, как здешние растенья,

Цветем недолго, быстро увядаем...

Как солнце зимнее на сером небосклоне,

Так пасмурна жизнь наша. Так недолго

Ее однообразное течение...

И душно кажется на родине,

И сердцу тяжело, и душа тоскует...

Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,

Средь бурь пустых томится юность наша,

И быстро злобы яд ее мрачит,

И нам горька остылой жизни чаша;

И уж ничто души не веселит.

Встреча

(Из Шиллера)

1

*Она одна меж дев своих стояла,
Еще я зрю ее перед собой;
Как солнце вешнее, она блистала
И радостной и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрел на милый рой;
Но вдруг, как бы летучие перуны,
Мои персты ударились о струны.*

2

*Что я почувствовал в сей миг чудесный,
И что я пел, напрасно вновь пою.
Я звук нашел, дотоле не известный,
Я мыслей чистую излил струю.
Душе от чувств высоких стало тесно,
И вмиг она расторгла цепь свою,
В ней вспыхнули забытые виденья
И страсти юные и вдохновенья.*

Баллада («Над морем красавица-дева сидит...»)

Над морем красавица-дева сидит;
И, к другу ласкаясь, так говорит:
«Достань ожерелье, спустился на дно;
Сегодня в пучину упало оно!
Ты этим докажешь свою мне любовь!»
Вскипела лихая у юноши кровь,
И ум его обнял невольный недуг,
Он в пенную бездну кидается вдруг.
Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся и мчатся назад,
И снова приходят и о берег бьют,
Вот милого друга они принесут.
О счастье! Он жив, он скалу ухватил,
В руке ожерелье, но мрачен как был.
Он верить боится усталым ногам,
И влажные кудри бегут по плечам...
«Скажи, не люблю иль люблю я тебя,
Для перлов прекрасной и жизнь не щадя,
По слову спустился на черное дно,
В коралловом гроте лежало оно. –
Возьми!» – и печальный он взор устремил
На то, что дороже он жизни любил.
Ответ был: «О милый, о юноша мой!
Достань, если любишь, коралл дорогой».
С душой безнадежной молодой удалец
Прыгнул, чтоб найти иль коралл, иль конец.
Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся и мчатся назад,
И снова приходят и о берег бьют,
Но милого друга они не несут.

Перчатка

(Из Шиллера)

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
Меж них сидел
Король величаво на троне;
Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.
Вот царскому знаку внимают,
Скрыпучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
Тяжелой стопой.
И молча вдруг
Глядит вокруг.
Зевая лениво,
Трясет желтой гривой
И, всех обозрев,
Ложится лев.
И царь махнул снова,
И тигр суровый
С диким прыжком
Взлетел опасный
И, встретясь с львом,
Завыл ужасно;
Он бьет хвостом,
Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит...
Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится:
И невольно ложится
Он рядом с ним.
Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четою.
И к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь;
«Рыцарь, пытаться я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый час,

*То подымите перчатку мою!»
И рыцарь с балкона в минуту бежит,
И дерзко в круг он вступает,
На перчатку меж диких зверей он глядит
И смелой рукой подымает.*

*И зрители в робком вокруг ожиданье,
Трепеща, на юношу смотрят в молчанье.
Но вот он перчатку приносит назад.
Отсюду хвала вылетает,
И нежный, пылающий взгляд –
Недального счастья заклад –
С рукой девицы героя встречает.
Но с досады жестокой пылая в огне,
Перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надобно мне!»
И гордую тотчас покинул.*

Дитя в люльке

(Из Шиллера)

*Счастлив ребенок! И в люльке просторно ему: но дай время
Сделаться мужем, и тесен покажется мир.*

К * («Делись со мною тем, что знаешь...»)

(Из Шиллера)

Делись со мною тем, что знаешь,

И благодарен буду я.

Но ты мне душу предлагаешь;

На кой мне чёрт душа твоя!..

Молитва («Не обвиняй меня, всесильный...»)

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя,
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь.
Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращаюсь.

Стихотворения, 1830

«Один среди людского шума...»

Один среди людского шума,
Взрос под сенью чуждой я,
И гордо творческая дума
На сердце зрела у меня.
И вот прошли мои мученья,
Нашлись пылкие друзья,
Но я, лишенный вдохновенья,
Скучал судьбою бытия.
И снова муки посетили
Мою воскреснувшую грудь,
Изменой душу заразили
И не давали отдохнуть.
Я вспомнил прежние несчастья,
Но не найду в душе моей
Ни честолюбья, ни участия,
Ни слез, ни пламенных страстей.

Кавказ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..

К *** («Не говори: одним высоким...»)

*Не говори: одним высоким
Я на земле воспламенен,
К нему лишь с чувством я глубоким
Бужу забытой лиры звон;
Поверь: великое земное
Различно с мыслями людей.
Сверши с успехом дело злое –
Велик; не удалось – злодей;
Среди дружин необозримых
Был чуть не бог Наполеон;
Разбитый же в снегах родимых
Безумцем порицаем он;
Внимая шум воды прибрежной,
В изгнание дальном он погас –
И что ж? – Конец его мятежный
Не отуманил наших глаз!..*

Опасение

Страшись любви: она пройдет,
Она мечтой твой ум встревожит,
Тоска по ней тебя убьет,
Ничто воскреснуть не поможет.
Краса, любимая тобой,
Тебе отдаст, положим, руку...
Года мелькнут... Летун седой
Укажет вечную разлуку...
И беден, жалок будешь ты,
Глядящий с кресел иль подушки
На безобразные черты
Твоей докучливой старушки,
Коль мысли о былых летах
В твой ум закрадутся порою
И вспомнишь, как на сих щеках
Играло жизнью молодою...
Без друга лучше дни влачить
И к смерти радостней клониться,
Чем два удара выносить
И сердцем о двоих крушиться!..

Стансы («Люблю, когда борясь с душою...»)

*Люблю, когда, борясь с душою,
Краснеет девица моя:
Так перед вихрем и грозою
Красна вечерняя заря.
Люблю и вздох, что ночью лунной
В лесу из уст ее скользит:
Звук тихий арфы златострунной
Так с хладным ветром говорит.
Но слаще встретить средь моленья
Ее слезу очам моим:
Так, зря Спасителя мученья,
Невинный плакал херувим.*

Н. Ф. И...вой

Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;
Счастливы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.
Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страстями;
Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумленный,
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослепленный.
Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился,
К тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,
К тому, что обещал нам бог
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.
Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели...
И в жизни зло лишь испытав,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум, печальной цели.

«Ты помнишь ли, как мы с тобою...»

Ты помнишь ли, как мы с тобою
Прощались позднею порою?
Вечерний выстрел загремел,
И мы с волнением внимали...
Тогда лучи уж догорали
И на море туман густел;
Удар с усилием промчался
И вдруг за бездною скончался.
Окончив труд дневных работ,
Я часто о тебе мечтаю,
Бродя вблизи пустынных вод,
Вечерним выстрелам внимаю.
И между тем, как чередой
Глушит волнами их седыми,
Я плачу, я томим тоской,
Я умереть желаю с ними...

Весна

*Когда весной разбитый лед
Рекой взволнованной идет,
Когда среди полей местами
Чернеет голая земля
И мгла ложится облаками
На полуюнные поля,
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей.
Гляжу, природа молодеет,
Но молодеть лишь только ей;
Ланит спокойных пламень алый
С собою время уведет,
И тот, кто так страдал, бывало,
Любви к ней в сердце не найдет.*

Ночь. I

Я зрел во сне, что будто умер я;
Душа, не слыша на себе оков
Телесных, рассмотреть могла б яснее
Весь мир – но было ей не до того;
Боязненное чувство занимало
Ее; я мчался без дорог; пред мною
Не серое, не голубое небо
(И мнилось, не небо было то,
А тусклое, бездушное пространство)
Виднелось; и ничто вокруг меня
Различных теней кинуть не могло,
Которые по нем мелькали;
И два противных диких звуков,
Два отголоска целая природы,
Боролися – и ни один из них
Не мог назваться побежденным. Страх
Припомнить жизни гнусные деянья
Иль о добре свершенном возгордиться
Мешал мне мыслить; и летел, летел я
Далеко без желания и цели –
И встретился мне светозарный ангел;
И так, сверкнувши взором, мне сказал:
«Сын праха, ты грешил – и наказание
Должно тебя постигнуть, как других;
Спустишь на землю – где твой труп
Зарыт; ступай и там живи, и жди,
Пока придет Спаситель, – и молись...
Молись – страдай... И выстрадай прощенье.
И снова я увидел край земной;
Досадой вид его меня наполнил,
И боль душевных ран, на краткий миг
Лишь заглушенная боязнью, с новой силой
Огнем отчаянья возобновилась;
И (странно мне), когда увидел ту,
Которую любил так сильно прежде,
Я чувствовал один холодный трепет
Досады горькой – и толпа друзей
Ликующих меня не удержала,
С презрением на кубки я взглянул,
Где грех с вином кипел, – воспоминанье

В меня впилося когтями, – я вздохнул,
Так глубоко, как только может мертвый, –
И полетел к своей могиле. Ах!
Как беден тот, кто видит наконец
Свое ничтожество и в чьих глазах
Всё, для чего трудился долго он,
На воздух разлетелось...
И я сошел в темницу, узкий гроб,
Где гнил мой труп, – и там остался я;
Здесь кость была уже видна – здесь мясо
Кусками синее висело – жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью...
С отчаяньем сидел я и взираю,
Как быстро насекомые роились
И поедали жадно свою пищу;
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп,
И каждое его движение
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего ее земные муки –
И я помочь ему желал – но тщетно –
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем – и черви умножались;
Они дрались за пищу остальную
И смрадную сырую кожу грызли,
Остались кости – и они исчезли;
В гробу был прах... И больше ничего...
Одною полон мрачною заботой,
Я припадал на бранные останки,
Стараясь их дыханием согреть...
О сколько б я тогда отдал земных
Блаженств, чтоб хоть одну – одну минуту
Почувствовать в них теплоту. – Напрасно,
Они остались хладны – хладны, как презренье!..
Тогда я бросил дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех людей, –
И мне блеснула мысль (творенье ада):
Что если время совершит свой круг

*И погрузится в вечность невовратно,
И ничего меня не успокоит,
И не придут сюда простить меня?..
– И я хотел изречь хулы на небо –
Хотел сказать: ...
Но голос замер мой – и я проснулся.*

Разлука

Я виноват перед тобою,
Цены услуг твоих не знал.
Слезами горькими, тоскою
Я о прощенье умолял,
Готов был, ставши на колени,
Проступком называть мечты:
Мои мучительные пени
Бессмысленно отвергнул ты.
Зачем так рано, так ужасно
Я должен был узнать людей
И счастьем жертвовать напрасно
Холодной гордости твоей?..
Свершилось! Вечную разлуку
Трепеща вижу пред собой...
Ледяную встречаю руку
Моей пылающей рукой.
Желаю, чтоб воспоминанье
В чужих людях, в чужой стране
Не принесло тебе страданье
При сожаленье обо мне...

Ночь. II

Погаснул день! – и тьма ночная своды
Небесные, как саваном, покрыла.
Кой-где во тьме вертелись и мелькали
Светящиеся точки,
И между них земля вертелась наша;
На ней, спокойствием объятый тихим,
Уснуло всё – и я один лишь не спал.
Один я не спал... Страшным полусветом,
Меж радостью и горестью серединой,
Мое теснилось сердце – и желал я
Веселие или печаль умножить
Воспоминаньем о убитой жизни:
Последнее, однако, было легче!..

Скелет

По мрачным водам начал подниматься
И звезды заслонил собою...
И целые миры пред ним уничтожались,
И всё трещало под его шагами, –
Ничтожество за ними оставалось!
И вот приблизился к земному шару
Гигант всесильный – всё на ней уснуло,
Ничто встревожиться не мыслило – единый,
Единый смертный видел, что не дай бог
Созданию живому видеть...

он

он

Дрожащему – и мне они знакомы были –
И кинул взор на них я – и заплакал!..
И странный голос вдруг раздался: «Малодушный!
Сын праха и забвения, не ты ли,
Изнемогая в муках нестерпимых,
Ко мне взывал – я здесь: я смерть!..
Мое владычество безбрежно!..
Вот двое. – Ты их знаешь – ты любил их...
Один из них погибнет. – Позволяю
Определить неизбежный жребий...
И ты умрешь, и в вечности погибнешь –
И их нигде, нигде вторично не увидишь –
Знай, как исчезнет время, так и люди,
Его рождение, – только бог лишь вечен...

– Решись, несчастный!..»
Тут невольный трепет
По мне мгновенно начал разливаться,
И зубы, крепко застучав, мешали
Словам жестоким вырваться из груди;
И наконец, преодолев свой ужас,
К скелету я воскликнул: «Оба, оба!..
Я верю: нет свиданья – нет разлуки!..
Они довольно жили, чтобы вечно
Продлилось их наказание.
Ах! – и меня возьми, земного червя, –
И землю раздробь, гнездо разврата,
Безумства и печали!..
Всё, всё берет она у нас обманом
И не дарит нам ничего – кроме рожденья!..
Проклятье этому подарку!..
Мы без него тебя бы не знавали,
Поэтому и тщетной, бедной жизни,
Где нет надежд – и всюду опасенья.
Да гибнут же друзья мои, да гибнут!..
Лишь об одном я буду плакать:
Зачем они не дети!..»
И видел я, как руки костяные
Моих друзей сдавили, – их не стало –
Не стало даже призраков и теней...
Туманом облачился образ смерти,
И – так пошел на север. Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на творца роптал, страшась молиться!..

«В старинны годы жили-были...»

В старинны годы жили-были

Два рыцаря, друзья;

Не раз они в Сион ходили,

Желанием горя,

С огромной ратью, с королями

Его освободить

И крест священный знаменами

Своими осенить...

Незабудка

(Сказка)

В старинны годы люди были
Совсем не то, что в наши дни;
(Коль в мире есть любовь) любили
Чистосердечнее они.
О древней верности, конечно,
Слыхали как-нибудь и вы,
Но как сказания молвы
Всё дело перепортят вечно,
То я вам точный образец
Хочу представить наконец.
У влаги ручейка холодной,
Под тенью липовых ветвей,
Не опасаясь злых очей,
Однажды рыцарь благородный
Сидел с любезною своей...
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла.
Полна невинной простотою,
Беседа мирная текла.
«Друг, не клянися мне напрасно, –
Сказала дева: верю я,
Ясна, чиста любовь твоя,
Как эта звонкая струя,
Как этот свод над нами ясный;
Но как она в тебе сильна,
Еще не знаю. – Посмотри-ка,
Там рдеет пышная гвоздика,
Но нет: гвоздика не нужна;
Подалее, как ты унылый,
Чуть виден голубой цветок...
Сорви же мне его, мой милый:
Он для любви не так далек!»
Вскочил мой рыцарь, восхищенный
Ее душевной простотой;
Через ручей прыгнув, стрелой
Летит он цветик драгоценный
Сорвать поспешною рукой...
Уж близко цель его стремленья,
Как вдруг под ним (ужасный вид)

Земля неверная дрожит,
Он вязнет, нет ему спасенья!..
Взор кинув полный весь огня
Своей красавице безгласной,
«Прости, не позабудь меня!»
Воскликнул юноша несчастный;
И мигом пагубный цветок
Схватил рукою безнадёжной;
И сердца пылкого в залог
Его он кинул деве нежной.
Цветок печальный с этих пор
Любови дорог; сердце бьется,
Когда его приметит взор.
Он незабудкою зовется;
В местах сырых, вблизи болот,
Как бы страхась прикосновенья,
Он ищет там уединенья;
неба
Где смерти нет и нет забвенья...
Вот повести конец моей;
Судите: была иль небылица.
А виновата ли девица –
Сказала, верно, совесть ей!

Совет

Если, друг, тебе сгрустнется,
Ты не дуйся, не сердись:
Всё с годами пронесется –
Улыбнись и разгрустись.
Дев измены молодые,
И неверный путь честей,
И мгновенья скуки злые
Стоят ли тоски твоей?
Не ищи страстей тяжелых;
И покуда бог дает,
Нектар пей часов веселых;
А печаль сама придет.
И, людей не презирая,
Не берись учить других;
Лучшим быть не вображая,
Скоро ты полюбишь их.
Сердце глупое творенье,
Но и с сердцем можно жить,
И безумное волненье
Можно также укротить...
Беден! Кто, судьбы в ненастье
Все надежды испытал,
Наконец находит счастье,
Чувство счастья потеряв.

Одиночество

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье все готовы –
Никто не хочет грусть делить.
Один я здесь, как царь воздушный,
Страдания в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушно,
Года уходят, будто сны;
И вновь приходят с позлащенной,
Но той же старою мечтой,
И вижу гроб уединенный,
Он ждет; что ж медлить над землей?
Никто о том не покрушится,
И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моем...

В альбом («Нет! – я не требую вниманья...»)

1

*Нет! – я не требую вниманья
На грустный бред души моей,
Не открывать свои желанья
Привыкнул я с давнишних дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтоб здесь чрез много скучных лет
От жизни краткой, но мятежной
Какой-нибудь остался след.*

2

*Быть может, некогда случится,
Что, все страницы пробежав,
На эту взор ваш устремится,
И вы промолвите: он прав;
Быть может, долго стих унылый
Тот взгляд удержит над собой,
Как близ дороги столбовой
Пришельца – памятник могилы!..*

Гроза

Ревет гроза, дымятся тучи
Над темной бездною морской,
И хлещут пеною кипучей,
Толпяся, волны меж собой.
Вкруг скал огнистой лентой вьется
Печальной молнии змея,
Стихий тревожный рой мятется –
И здесь стою недвижим я.
Стою – ужель тому ужасно
Стремленье всех надземных сил,
Кто в жизни чувствовал напрасно
И жизнь обманут был?
Вокруг кого, сей яд сердечный,
Вились сужденья клеветы,
Как вкруг скалы остроконечной,
Губитель-пламень, вьешься ты?
О нет! – летай, огонь воздушный,
Свистите, ветры, над головой;
Я здесь, холодный, равнодушный,
И трепет не знаком со мной.

«Гроза шумит в морях с конца в конец...»

Гроза шумит в морях с конца в конец.

Корабль летит по воле бурных вод,

Один на нем спокоен лишь пловец,

Чело печать глубоких дум несет,

Угасший взор на тучи устремлен –

Не ведают, ни кто, ни что здесь он!..

Конечно, он жила между людей

И знает жизнь от сердца своего;

Крик ужаса, моленья, скрип снастей

Не трогают молчания его.

Звезда («Светись, светись, далекая звезда...»)

*Светись, светись, далекая звезда,
Чтоб я в ночи встречал тебя всегда;
Твой слабый луч, сражаясь с темнотой,
Несет мечты душе моей больной;
Она к тебе летает высоко;
И груди сей свободно и легко...
Я видел взгляд, исполненный огня
(Уж он давно закрылся для меня),
Но, как к тебе, к нему еще лечу;
И хоть нельзя, – смотреть его хочу...*

Еврейская мелодия («Я видал иногда, как ночная звезда...»)

*Я видал иногда, как ночная звезда
В зеркальном заливе блестит;
Как трепещет в струях, и серебряный прах
От нее рассыпаясь бежит.
Но поймать ты не льстись и ловить не берись:
Обманчивы луч и волна.
Мрак тени твоей только ляжет на ней,
Отойди ж – и заблещет она.
Светлой радости так беспокойный призрак
Нас манит под хладною мглой;
Ты схватить – он шутя убежит от тебя!
Ты обманут – он вновь пред тобой.*

Вечер после дождя

*Гляжу в окно: уж гаснет небосклон,
Прощальный луч на вышине колонн,
На куполах, на трубах и крестах
Блестит, горит в обманутых очах;
И мрачных туч огнистые края
Рисуются на небе, как змея,
И ветерок, по саду пробежав,
Волнует стебли омоченных трав...
Один меж них приметил я цветок,
Как будто перл, покинувший восток,
На нем вода блистаючи дрожит,
Главу свою склонивши, он стоит,
Как девушка в печали роковой:
Душа убита, радость над душой;
Хоть слезы льет из пламенных очей,
Но помнит всё о красоте своей.*

Наполеон

(Дума)

*В неверный час, меж днем и темнотой,
Когда туман синеет над водой,
В час грешных дум, видений, тайн и дел,
Которых луч узреть бы не хотел,
А тьма укрыть, чья тень, чей образ там,
На берегу, склонивши взор к волнам,
Стоит вблизи нагбенного креста?
Он не живой. Но также не мечта:
Сей острый взгляд с возвышенным челом
И две руки, сложенные крестом.*

*

*Пред ним лепечут волны и бегут,
И вновь приходят, и о скалы бьют;
Как легкие ветрилы, облака
Над морем носятся издалека.
И вот глядит неведомая тень
На тот восток, где новый брезжит день;
Там Франция! – там край ее родной
И славы след, быть может скрытый мглой;
Там, средь войны, ее неслися дни...
О! Для чего так кончились они!..*

*

*Прости, о слава! Обманувший друг.
Опасный ты, но чудный, мощный звук;
И скиптр... О вас забыл Наполеон;
Хотя давно умерший, любит он
Сей малый остров, брошенный в морях,
Где сгнил его и червем съеден прах,
Где он страдал, покинут от друзей,
Презрев судьбу с гордыней прежних дней,
Где стаивал он на берегу морском,
Как ныне грустен, руки сжав крестом.*

*

*О! Как в лице его еще видны
Следы забот и внутренней войны,*

И быстрый взор, дивящий слабый ум,
Хоть чужд страстей, всё полон прежних дум;
Сей взор как трепет в сердце проникал,
И тайные желанья узнавал,
Он тот же всё; и той же шляпой он,
Сопутницею жизни, осенен.
Но – посмотри – уж день блеснул в струях...
Призрака нет, всё пусто на скалах.

*

Нередко внимлет житель сих берегов
Чудесные рассказы рыбаков.
Когда гроза бунтует и шумит,
И блещет молния, и гром гремит,
Мгновенный луч нередко озарял
Печальну тень, стоящую меж скал.
Один пловец, как не был страх велик,
Мог различить недвижный смуглый лик,
Под шляпою, с нахмуренным челом,
И две руки, сложенные крестом.

Эпитафия Наполеона

*Да тень твою никто не порицает,
Муж рока! Ты с людьми, что над тобою рок;
Кто знал тебя возвесть, лишь тот низвергнуть мог:
Великое ж ничто не изменяет.*

К глупой красавице

*Тобой пленяться издали
Мое всё зрение готово,
Но слышать, боже сохрани,
Мне от тебя одно хоть слово.
Иль смех, иль страх в душе моей
Заменит сладкое мечтанье,
И глупый смысл твоих речей
Оледенит очарованье...
Так смерть красна издалика;
Пускай она летит стрелою.
За ней я следую пока;
Лишь только б не она за мною...
За ней я всюду полечу
И наслажуся в созерцанье.
Но сам привлечь ее вниманье
Ни за полмира не хочу.*

ОЧИ. N. N

*Нет смерти здесь; и сердце вторит нет;
Для смерти слишком весел этот свет.
И не твоим глазам творец судил
Гореть, играть для тленья и могил...
Хоть всё возьмет могильная доска,
Их пожалеет смерти злой рука;
Их луч с небес, и, как в родных краях,
Они блеснут звездами в небесах!*

Кавказу

Кавказ! Далекая страна!

Жилище вольности простой!

И ты несчастьями полна

И окровавлена войной!..

Ужель пещеры и скалы

Под дикой пеленою мглы

Услышат также крик страстей,

Звон славы, злата и цепей?..

Нет! Прошлых лет не ожидай,

Черкес, в отечество свое:

Свободе прежде милый край

Приметно гибнет для нее.

Утро на Кавказе

*Светает – вьется дикой пеленой
Вокруг лесистых гор туман ночной;
Еще у ног Кавказа тишина;
Молчит табун, река журчит одна.
Вот на скале новорожденный луч
Зарделся вдруг, прорезавшись меж туч,
И розовый по речке и шатрам
Разлился блеск и светит там и там:
Так девушки, купаясь в тени,
Когда увидят юношу они,
Краснеют все, к земле склоняют взор:
Но как бежать, коль близок милый вор!..*

Стансы («Я не крушуся о былом...»)

Я не крушуся о былом,
Оно меня не усладило.
Мне нечего запомнить в нем,
Чего б тоской не отравило!
Как настоящее, оно
Страстями чудными облито
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забытый!
Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою.
И если о любви пою –
Она была моей мечтою.
Я к одиночеству привык,
Я б не умел ужиться с другом;
Я б с ним препровожденный миг
Почел потерянным досугом.
Мне кручно в день, мне скучно в ночь.
Надежды нету в утешенье;
Она навек умчалась прочь,
Как жизни каждое мгновенье.
На светлый запад удалюсь,
Вид моря грусть мою рассеет.
Ни с кем в отчизне не прощусь –
Никто о мне не пожалеет!..
Быть может, будет мне о ком
Тогда вздохнуть, – и провиденье
Заплатит мне спокойным днем
За долгое мое мученье.

«Прости, мой друг!.. Как призрак я лечу...»

Прости, мой друг!.. Как призрак, я лечу
В далекий край: печали я ищу;
Хочу грустить, но лишь не пред тобой,
Ты можешь жить, не слыша голос мой;
Из всех блаженств, отнятых у меня,
Осталось мне одно: видать тебя,
Тот взор, что небо жалостью загло.
Всё кончено! – ни бледное чело,
Ни пасмурный и недовольный взгляд
Ничем, ничем его не омрачат!..
Меня забыть прекрасной нет труда, –
И я тебя забуду навсегда;
Я мучусь, если мысль ко мне придет,
Что и тебя несчастье убьет,
Что некогда с ланит и с уст мечта
Как дым слетит, завянет красота,
Забьется сердце медленней, свинец
Тоски на нем – и что всему конец!..
Однако ж я желал бы увидеть
Твой хладный труп, чтобы себе сказать:
«Чего еще! Желанья отняты,
Бедняк – теперь совсем, совсем оставлен ты!»

Челнок («Воет ветер и свистит пред недалёкой грозой...»)

*Воет ветер и свистит пред недалёкой грозой;
По морю, на темный восток,
Озаряемый молнией, кидаем волной,
Несется неверный челнок.
Два гребца в нем сидят с беспокойным челом
И что-то у ног их под белым холстом.*

*

*И вихорь сильнее по волнам пробежал,
И сорван летучий покров.
Под ним человек неподвижно лежал
И бледный, как жертва гробов;
Взор мрачен и дик, как сражения дым,
Как тучи на небе иль волны под ним.*

*

*В чалме он богатой, с обритой главой,
И цепь на руках и ногах,
И рана близ сердца, и ток кровяной
Не держит опасности страх;
Он смерть равнодушнее спутников ждет,
Хотя его прежде она уведет.*

*

*Так с смертью вечно: чем ближе она,
Тем менее жалко нам свет;
Две могилы не так нам страшны, как одна,
Потому что надежды здесь нет.
И если б не ждал я счастливого дня,
Давно не дышала бы грудь у меня!..*

Отрывок («На жизнь надеяться страшась...»)

На жизнь надеяться страшась,
Живу, как камень меж камней,
Излить страдания скупясь:
Пускай сгниют в груди моей.
Рассказ моих сердечных мук
Не возмутит ушей людских.
Ужель при сшибке камней звук
Проникнет в середину их?

*

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне.
Но велено ему судьбой,
Как жил, погибнуть в тишине.
Я твердо ждал его плодов,
С собой беседовать любя.
Утихнет звук сердечных слов:
Один, один останусь я.

*

Для тайных дум я пренебрег
И путь любви и славы путь,
Всё, чем хоть мало в свете мог
Иль отличиться, иль блеснуть;
Беднейший средь существ земных,
Останусь я в кругу людей,
Навек лишась достоинств их
И добродетели своей!

*

Две жизни в нас до гроба есть,
Есть грозный дух: он чужд уму;
Любовь, надежда, скорбь и месть:
Всё, всё подвержено ему.
Он основал жилище там,
Где можем память сохранять,
И предвещает гибель нам,
Когда уж поздно избегать.

*

Терзать и мучить любит он;
В его речах нередко ложь;
Он точит жизнь, как скорпион.
Ему поверил я – и что ж!
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь в очи, в бледный цвет;
Лицо мое вам не могло
Сказать, что мне пятнадцать лет.

*

И скоро старость приведет
Меня к могиле – я взгляну
На жизнь, на весь ничтожный плод –
И о прошедшем вспомяну:
Придет сей верный друг могил,
С своей холодной красотой:
Об чем страдал, что я любил,
Тогда лишь будет мне мечтой.

*

Ужель единый гроб для всех
Уничтожением грозит?
Как знать: тогда, быть может, смех
Полмертвого воспламенит!
Придет веселость, звук чужой
Поныне в словаре моем:
И я об юности златой
Не погорюю пред концом.

*

Теперь я вижу: пышный свет
Не для людей был сотворен.
Мы сгибнем, наш сотрется след,
Таков наш рок, таков закон;
Наш дух вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторонам.
Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существам.

*

Не будут проклинять они;
Меж них ни злата, ни честей
Не будет. Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей;
Меж них ни дружбу, ни любовь
Приличья цепи не сожмут,
И братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!..

*

К ним станут (как всегда могли)
Слетаться ангелы. – А мы
Увидим этот рай земли,
Окованы над бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вечность с целию одной:
Вот казнь за целые века
Злодейств, кипевших под луной.

«Оставленная пустынь предо мной...»

1

Оставленная пустынь предо мной
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней еще горит;
Но колокол растреснувший молчит.
Его (бывало) заунывный глас
Звал братий к всенощне в сей мирный час!
Зеленый мох, растущий над окном,
Заржавленные ставни – и кругом
Высокая полынь, – всё, всё без слов
Нам говорит о таинствах гробов.

.....

Таков старик, под грузом тяжких лет
Еще хранящий жизни первый цвет;
Хотя он свеж, на нем печать могил
Тех юношей, которых пережил.

2

Пред мной готическое зданье
Стоит, как тень былых годов;
При нем теснится чувствованьё
К нам в грудь того, чему нет слов,
Что выше теплого участия,
Святей любви, спокойней счастья.
Быть может, через много лет
Сия священная обитель
Оставит только мрачный след,
И любопытный посетитель
В развалинах людей искать
Напрасно станет, чтоб узнать,
Где образ божеской могилы
Между златых колонн стоял,
Где теплились паникадилы,
Где лик отшельников звучал
И где пред богом изливали
Свои грехи, свои печали.
И там (как знать) найдет прошлец
Пергамент пыльный. Он увидит,

Как сердце любит по конец
И бесконечно ненавидит,
Как ни вериги, ни кlobук
Не облегчают наших мук.
Он тех людей узрит гробницы,
Их эпитафии пройдет,
Времен тогдашних небылицы
За речи истинны почтет,
Не мысля, что в сем месте сгнили
Сердца, которые любили!..

К... («Простите мне, что я решился к вам...»)

«Простите мне, что я решился к вам
Писать. Перо в руке, могила –
Передо мной. – Но что ж? Всё пусто там.
Всё прах, что некогда она манила
К себе. – Вокруг меня толпа родных,
Слезами жалости покрыты лица.
И я пишу – пишу – но не для них.
Любви моей не холодит гробница.
Любви – но вы не знали мук моих.
Я чувствую, что это труд ничтожный:
Не усладит последних он минут.
Но так и быть – пишу – пока возможно –
Сей труд, души моей любимый труд!
Прими письмо мое. – Твой взор увидит,
Что я не мог стеснить души своей
К молчанью, – так ужасна власть страстей!
Тебя письмо страдальца не обидит...
Я в жизни – много – много испытал,
Ошибся в дружбе – о! Храни моих мучений
Слова – прости – и больше нет волнений,
Прости, мой друг» – и подписал: «Евгений».

Ночь. III

Темно. Всё спит. Лишь только жук ночной
Жужжа в долине пролетит порой;
Из-под травы блистает червячок,
От наших дум, от наших бурь далек.
Высоких лип стал пасмурней навес,
Когда луна взошла среди небес...
Нет, в первый раз прелестна так она!

Он

Тень от него чернеет по стене.
Недвижный взор поднят, но не к луне;
Он полон всем, чем только яд страстей
Ужасен был и мил сердцам людей.
Свеча горит, забыта на столе,
И блеск ее с лучом луны в стекле
Мешается, играет, как любви
Огонь живой с презрением в крови!

он

Чем эта грудь мятежная полна?
О если б вы умели угадать
В его очах, что хочет он скрывать!
О если б мог единый бедный друг
Хотя смягчить души его недуг!

[13]

(Из Байрона)

*Прости! Коль могут к небесам
Взлетать молитвы о других,
Моя молитва будет там,
И даже улетит за них!
Что пользы плакать и вздыхать?
Слеза кровавая порой
Не может более сказать,
Чем звук прощанья роковой!..
Нет слез в очах, уста молчат,
От тайных дум томится грудь,
И эти думы вечный яд, –
Им не пройти, им не уснуть!
Не мне о счастье бредить вновь, –
Лишь знаю я (и мог снести),
Что тщетно в нас жила любовь, –
Лишь чувствую – прости! – прости!*

Элегия («Дробись, дробись, волна ночная...»)

*Дробись, дробись, волна ночная,
И пеной орошай брега в туманной мгле.
Я здесь, стою близ моря на скале;
Стою, задумчивость питаю.
Один; покинув свет и чуждый для людей
И никому тоски поверить не желая.
Вблизи меня палатки рыбарей;
Меж них блестит огонь гостеприимный;
Семья беспечная сидит вокруг огонька;
И, внемля повесть старика,
Себе готовит ужин дымный!
Но я далек от счастья их душой,
Я помню блеск обманчивой столицы,
Веселий пагубных невозвратимый рой.
И что ж? – слеза бежит с ресницы,
И сожаление мою тревожит грудь,
Года погибшие являются всечасно;
И этот взор, задумчивый и ясный –
Твержу, твержу душе: забудь.
Он всё передо мной: я всё твержу напрасно!..
О если б я в сем месте был рожден,
Где не живет среди людей коварность:
Как много бы я был судьбою одолжен –
Теперь у ней нет прав на благодарность!
Как жалок тот, чья младость принесла
Морщину лишнюю для старого чела
И, отобрав все милые желанья,
Одно печальное раскаянье дала;
Кто чувствовал, как я, – чтоб чувствовать страданья,
Кто рано свет узнал – и с страшной пустотой,
Как я, оставил брег земли своей родной*

[14]

Эпитафия («Простосердечный сын свободы...»)

*Простосердечный сын свободы,
Для чувств он жизни не щадил;
И верные черты природы
Он часто списывать любил.
Он верил темным предсказаниям,
И талисманам, и любви,
И неестественным желаньям
Он отдал в жертву дни свои.
И в нем душа запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.*

[15]

*Когда бы мог весь свет узнать,
Что жизнь с надеждами, мечтами –
Не что иное, как тетрадь
С давно известными стихами.*

Гроб Оссиана

Под занавесою тумана,

Под небом бурь, среди степей,

[16]

В горах Шотландии моей.

Летит к ней дух мой усыпленный

Родимым ветром подышать

И от могилы сей забвенной

Вторично жизнь свою занять!..

Посвящение («Прими, прими мой грустный труд...»)

[17]

И, если можешь, плачь над ним;

Я много плакал – не придут

Вновь эти слезы – вечно им

Не освежать моих очей.

Когда катилися они,

Я думал, думал всё об ней.

Жалел и ждал другие дни!

[18]

И нет надежд – передо мной

Блестит надменный, глупый свет

С своей красивой пустотой!

Ужель я для него писал?

Ужели важному шуту

Я вдохновенье посвящал,

Являя сердца полноту?

Ценить он только злато мог

И гордых дум не постигал;

Мой гений сплел себе венок

В ущелинах кавказских скал.

Одним высоким увлечен,

Он только жертвует любви:

Принести тебе лишь может он

Любимые труды свои.

Кладбище

Вчера до самой ночи просидел
Я на кладбище, всё смотрел, смотрел
Вокруг себя; – полстертые слова
Я разбирал. Невольно голова
Наполнилась мечтами; – вновь очей
Я не был в силах оторвать с камней.
Один ушел уж в землю, и на нем
Всё стерлося; там крест к кресту челом
Нагнулся, будто любит, будто сон
Земных страстей узнал в сем месте он...
ней;
Краснеючи волнуется пырей
На солнце вечера. Над головой
Жужжа со днем прощаются игрой
Толпящиеся мошки, как народ
Существ с душой, уставших от работ!..
Стократ велик, кто создал мир! Велик!..
Сих мелких тварей надмогильный крик
Творца не больше ль славит иногда,
Чем в пепел обращенные стада?
Чем человек, сей царь над общим злом,
С коварным сердцем, с ложным языком?..

Посвящение («Тебе я некогда вверял...»)

Тебе я некогда вверял
Души взволнованной мечты;
Я беден был – ты это знал –
И бедняка не кинул ты.
Ты примирил меня с судьбой,
С мятежной властью страстей;
Тобой, единственно тобой,
Я стал, чем был с давнишних дней.
И муза по моей мольбе
Сошла опять с святой горы. –
Но верь, принадлежат тебе
Ее венок, ее дары!..

Моя мольба

*Да охранюся я от мушек,
От дев, не знающих любви,
От дружбы слишком нежной и –
От романтических старушек.*

К Су<шковой>

Вблизи тебя до этих пор
Я не слышал в груди огня.
Встречал ли твой прелестный взор –
Не билось сердце у меня.
И что ж? – разлуки первый звук
Меня заставил трепетать;
Нет, нет, он не предвестник мук;
Я не люблю – зачем скрывать!
Однако же хоть день, хоть час
Еще желал бы здесь пробыть,
Чтоб блеском этих чудных глаз
Души тревоги усмирить.

Гость («Как прошлец иноплеменный...»)

Как прошлец иноплеменный,
В облаках луна скользит.
Колокольчик отдаленный
То замолкнет, то звенит.
«Что за гость в ночи морозной?» –
Мужу говорит жена,
Сидя рядом, в вечер поздний
Возле тусклого окна...
Вот кибитка подъезжает...
На высокое крыльцо
Из кибитки вылезает
Незнакомое лицо.
И слуга вошел с свечою,
Бедный вслед за ним монах:
Ныне позднею порою
Заплутался он в лесах.
И ему ночлег дается –
Что ж стоишь, отшельник, ты?
Свечки луч печально льется
На печальные черты.
Чудным взор огнем светился,
Он хозяйку вдруг узнал,
Он дрожит – и вот забылся
И к ногам ее упал.
Муж ушел тогда. О! Прежде
Жил чернец лишь для нее,
Обманулся он в надежде,
Погубил он с нею всё.
Но промчалось исступленье;
Путник в комнате своей,
Чтоб рыдания и мученье
Схоронить от глаз людей.
Но рыдания звучали
Вплоть до белая зари,
Наконец и замолчали.
Поутру к нему вошли:
На полу он посинелый
Как замученный лежал;
И бесчувственное тело
Плащ печальный покрывал!..

1830. Маия. 16 число

Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет;
Хочу – и снова затрудненье!
Зачем? Что пользы будет мне?
Мое свершится разрушенье
В чужой, неведомой стране.
вами
По разрушении! – Творец,
На то ли я звучал струнами,
На то ли создан был певец?
На то ли вдохновенье, страсти
Меня к могиле привели?
И нет в душе довольно власти –
Люблю мучения земли.
И этот образ, он за мною
В могилу силится бежать,
Туда, где обещал мне дать
Ты место к вечному покою.
Но чувствую: покоя нет –
И там, и там его не будет;
Тех длинных, тех жестоких лет
Страдалец вечно не забудет!..

К *** («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...»)

*Не думай, чтоб я был достоин сожаленья,
Хотя теперь слова мои печальны; – нет;
Нет! Все мои жестокие мученья –
Одно предчувствие гораздо больших бед.
Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел;
У нас одна душа, одни и те же муки;*

[19]

*Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой,*

[20]

*И бурь земных и бурь небесных вой.
Как он, ищу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслию одной.
Гляжу назад – прошедшее ужасно;
Гляжу вперед – там нет души родной!*

Эпитафия («Кто яму для других копать трудился...»)

(Утонувшему игроку)

*Кто яму для других копать трудился,
Тот сам в нее упал – гласит писанье так.
Ты это оправдал, бостонный мой чудак,
Топил людей – и утопился.*

Дереву

Давно ли с зеленью радушной
Передо мной стояло ты,
И я коре твоей послушной
Вверял любимые мечты;
Лишь год назад два талисмана
Светилися в тени твоей,
И ниже замысла обмана
Не скрылося в душе детей!..
Детей! – о! Да, я был ребенок! –
Промчался легкой страсти сон;
Дремоты флёр был слишком тонок –
В единый миг прорвался он.
И деревцо с моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвести;
Я жизнь его купил бы кровью, –
есть?
Ужели также вдохновенье
Умрет невозвратно с ним?
Иль шуму светского волненья
Бороться с сердцем молодым?
Нет, нет, – мой дух бессмертен силой,
Мой гений веки пролетит;
И эти ветви над могилой
Певца-страдальца освятит.

Предсказание

[21]

Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

«Всё тихо – полная луна...»

Всё тихо – полная луна

Блестит меж ветел над прудом,

И возле берега волна

С холодным резвится лучом.

«Никто, никто, никто не усладил...»

Никто, никто, никто не усладил

В изгнание сем тоски мятежной!

Любить? – три раза я любил,

Любил три раза безнадежно.

1830 год. Июля 15-го

(Москва)

Зачем семьи родной безвестный круг
Я покидал? Всё сердце грело там,
Всё было мне наставник или друг,
Всё верило младенческим мечтам.
Как ужасы пленяли юный дух,
Как я рвался на волю к облакам!
Готов лобзать уста друзей был я,
Не посмотрев, не скрыта ль в них змея.
Но в общество иное я вступил,
Узнал людей и дружеский обман,
Стал подозрителен и погубил
Беспечности душевный талисман.
Чтобы никто теперь не говорил:
Он будет друг мне! – боль старинных ран
Из груди извлечет не речь, но стон;
И не привет, упрек услышит он.
Ах! Я любил, когда я был счастлив,
Когда лишь от любви мог слезы лить.
Но эту грудь, страданьем напоив,
Скажите мне, возможно ли любить?
Страшусь, в объятья деву заключив,
Живую душу ядом отравить
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенник, сгоревший от огня.
Но лучше я, чем для людей кажусь,
Они в лице не могут чувств прочесть;
И что молва кричит о мне... Боюсь! –
Когда б я знал, не мог бы перенести.
Противу них во мне горит, клянусь,
Не злоба, не презрение, не месть.
Но... Для чего старались они
Так отравить ребяческие дни?..
Согбенный лук, порвавши тетиву,
Гремит – но вновь не будет прям, как был.
Чтоб цепь их сбросить, я, подняв главу,
Последнее усилие свершил;
Что ж. – Ныне жалкий, грустный я живу
Без дружбы, без надежд, без дум, без сил,
Бледней, чем луч бесчувственной луны,

Когда в окно скользит он вдоль стены.

Булевар

С минуту лишь с бульвара прибежав,
Я взял перо – и, право, очень рад,
Что плод над ним моих привычных прав
Узнает вновь бульварный маскарад;
Сатиров я для помощи призвав –
Подговорю, – и всё пойдет на лад.
Ругай людей, но лишь ругай остро;
Не то –...ко всем чертям твое перо!..
Приди же из подземного огня,
Чертенок мой, взъерошенный остряк,
И попугаем сядь вблизи меня.
«Дурак» скажу – и ты кричи «дурак».
Не устоит бульварная семья –
Хоть морщи лоб, хотя сожми кулак,
Невинная красотка в 40 лет –
Пятнадцати тебе всё нет как нет!
И ты, мой старец с рыжим париком,
Ты, депутат столетий и могил,
Дрожащий весь и схожий с жеребцом,
Как кровь ему из всех пускают жил,
Ты здесь бредешь и смотришь сентябрем,
Хоть там княжна лепечет: как он мил!
А для того и силится хвалить,
Чтоб свой порок в Ч**** извинить!..
Подальше на креслах там другой;
Едва сидит согбенный сын земли;
Он как знаток глядит в лорнет двойной;
Власы его в серебряной пыли.
Он одарен восточною душой,
Коль душу в нем в сто лет найти могли.
Но я клянусь (пусть кончив – буду прах),
Она тонка, когда в его ногах.
И что ж? – Он прав, он прав, друзья мои.
Глупец, кто жил, чтоб на диете быть;
Умен, кто отдал дни свои любви;
И этот муж копил: чтобы любить.
Замен души он находил в крови.
Но тот блажен, кто может говорить,
Что он вкушал до капли мед земной,
Что он любил и телом и душой!..

И я любил! – Опять к своим страстям!
Брось, брось свои безумные мечты!
Пора склонить внимание на дам,
На этих кандидатов красоты,
На их наряд – как описать всё вам?
В наряде их нет милой простоты,
Всё так высоко, так взгромождено,
Как бурю на них нанесено.
Приметна спесь в их пошлой болтовне,
нет.
И холодны они, как при луне
Нам кажется прабабушки портрет;
Когда гляжу, то, право, жалко мне,
Что вкус такой имеет модный свет.
Ведь думают тенетом лент, кисей,
Как зайчиков, поймать моих друзей.
Сидел я раз случайно под окном,
И вдруг головка вышла из окна,
Незавита, и в чепчике простом –
Но как божественна была она.
Уста и взор – стыжусь! В уме моем
Головка та ничем не изгнана;
Как некий сон младенческих ночей
Или как песня матери моей.
И сколько лет уже прошло с тех пор!..
О, верьте мне, красавицы Москвы,
Блистательный ваш головной убор
Вскружить не в силах нашей головы.
Все платья, шляпы, букли ваши вздор.
Такой же вздор, какой твердите вы,
Когда идете здесь толпой комет,
А маменьки бегут за вами вслед.
Но для чего кометами я вас
Назвал, глупец тупейший то поймет
И сам Башуцкий объяснит тотчас.
Комета за собою хвост влечет;
И это всеми признано у нас,
Хотя – что в нем, никто не разберет:
За вами ж хвост оставленных мужьев,
Вздыхателей и бедных женихов!
О женихи! О бедный Мосолов;

Как не вздохнуть, когда тебя найду,
Педантика, из рода петушков,
Средь юных дев как будто бы в чаду;
Хотя и держишься размеру слов,
Но ты согласен на свою беду,
Что лучше всё не думав говорить,
Чем глупо думать и глупей судить.
Он чванится, что точно русский он;
Но если бы таков был весь народ,
То я бы из Руси пустился вон.
И то сказать, чудесный патриот;
Лишь своему языку обучен,
Он этим край родной не выдает:
А то б узнали всей земли концы,
Что есть у нас подобные глупцы.

Песнь барда

I

*Я долго был в чужой стране,
Дружин Днепра седой певец,
И вдруг пришло на мысли мне
К ним возвратиться наконец.
Пришел – с гусями за спиной –
Былую песню заиграл...
Напрасно! – князь земли родной
Приказу ханскому внимал...*

II

*В пустыни, где являлся враг,
Понес я старую главу,
И попираю мой каждый шаг
Окровавленную траву.
Сходились к брошенным костям
Толпы зверей и птиц лесных,
Затем что больше было там
Число убитых, чем живых.*

III

*Кто мог бы песню спеть одну?
Отчаянным движеньем рук
Задев дрожащую струну,
Случалось, исторгал я звук;
Но умирал так скоро он!
И если б слышал сын цепей,
То гибнущей свободы стон
Не тронул бы его ушей.*

IV

*Вдруг кто-то у меня спросил:
Зачем я часто слезы лью,
Где человек так вольно жил?
О ком бренчу, о ком пою?
Пронзила эта речь меня –
Надежд пропал последний рой;
На землю гусли бросил я*

И молча раздавил ногой.

10 Июля. (1830)

Опять вы, гордые, восстали

За независимость страны,

И снова перед вами пали

Самодержавия сыны,

[22]

[23]

Оно любимо было прежде славой:

Суворов был его сильнейший враг.

Благодарю!

*Благодарю!.. Вчера мое признание
И стих мой ты без смеха приняла;
Хоть ты страстей моих не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!*

*

*В другом краю ты некогда пленяла,
Твой чудный взор и острота речей
Останутся навек в душе моей,
Но не хочу, чтобы ты мне сказала:
Благодарю!*

*

*Я б не желал умножить в цвете жизни
Печальную толпу твоих рабов
И от тебя услышать, вместо слов
Язвительной, жестокой укоризны:
Благодарю!*

*

*О, пусть холодность мне твой взор укажет,
Пусть он убьет надежды и мечты
И всё, что в сердце возродила ты;
Душа моя тебе тогда лишь скажет:
Благодарю!*

Нищий

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.
Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.
Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

К... («Не говори: я трус, глупец!...»)

Не говори: я трус, глупец!..

О! Если так меня терзало

Сей жизни мрачное начало,

Какой же должен быть конец?..

Чума в Саратове

I

*Чума явилась в наш предел;
Хоть страхом сердце стеснено,
Из миллиона мертвых тел
Мне будет дорого одно.
Его земле не отдадут,
И крест его не осенит;
И пламень, где его сожгут,
Навек мне сердце охладит.*

II

*Никто не прикоснется к ней,
Чтоб облегчить последний миг;
Уста волшебницы очей
Не приманят к себе других;
Лобзая их, я б был счастлив,
Когда б в себя яд смерти впил,
Затем что, сладость их испив...
Я деву некогда забыл.*

«Плачь! Плачь! Израиля народ...»

*Плачь! Плачь! Израиля народ,
Ты потерял звезду свою;
Она вторично не взойдет –
И будет мрак в земном краю;
один,
Который всё с ней потерял;
Без дум, без чувств среди долин
Он тень следов ее искал!..*

30 Июля. – (Париж). 1830 года

Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел. – Ты полагал
Народ унижить под ярмом.
Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей.
Провозгласил он твой конец;
С дрожащей головы твоей
[24]

И загорелся страшный бой,
И знамя вольности как дух
Идет пред гордою толпой.
И звук один наполнил слух;
И брызнула в Париже кровь.
О! Чем заплотишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан.
Когда последняя труба
Разрежет звуком синий свод;
Когда откроются гроба
И прах свой прежний вид возьмет;
Когда появятся весы
И их подымет судия...
Не встанут у тебя власы?
Не задрожит рука твоя?..
Глупец! Что будешь ты в тот день,
Коль ныне стыд уж над тобой?
Предмет насмешек ада, тень,
Призрак, обманутый судьбой!
Бессмертной раною убит,
Ты обернешь молящий взгляд,
И строй кровавый закричит:
Он виноват! Он виноват!

Стансы («Взгляни, как мой спокоен взор...»)

I

*Взгляни, как мой спокоен взор,
Хотя звезда судьбы моей
Померкнула с давнишних пор
И с нею думы светлых дней.
Слеза, которая не раз
Рвалась блеснуть перед тобой,
Уж не придет, как этот час,
На смех подосланный судьбой.*

II

*Смеялась надо мною ты,
И я презреньем отвечал –
С тех пор сердечной пустоты
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой...
Хоть в сердце шепчет чудный глас:
Я не могу любить другой.*

III

*Я жертвовал другим страстям,
Но если первые мечты
Служить не могут снова нам, –
То чем же их заменишь ты?..
Чем успокоишь жизнь мою,
Когда уж обратила в прах
Мои надежды в сем краю,
А может быть и в небесах?..*

Чума

(Отрывок)

79

*Два человека в этот страшный год,
Когда всех занимала смерть одна,
Хранили чувство дружбы. Жизнь их, род
Незнания хранила тишина.
Толпами гиб отчаянный народ,
Вкруг них валялись трупы – и страна
Веселья – стала гроб – и в эти дни
Без страха обнимались они!..*

80

*Один был юн годами и душой,
Имел блистающий и быстрый взор,
Играла кровь в щеках его порой,
В движениях и в мыслях он был скор
И мужествен с лица. Но он с тоской
И ужасом глядел на гладный мор,
Молился, плакал он, и день и ночь
Отталкивал и сон и пищу прочь!*

81

*Другой узнал, казалось, жизни зло;
И разорвал свои надежды сам.
Высокое и бледное чело
Являло наблюдательным очам,
Что сердце много мук перенесло
И было прежде отдано страстям.
Но, несмотря на мрачный сей удел,
И он как бы невольно жить хотел.*

82

*Безмолвствуя, на друга он взирал,
И в жилах останавливалась кровь;
Он вздрагивал, садился. Он вставал,
Ходил, бледнел и вдруг садился вновь,
Ломал в безумье руки – но молчал.
Он подавлял в груди своей любовь*

*И сердца беспокойный вещий глас,
Что скоро бьет неизбежный час!*

83

*И час пробил! Его нежнейший друг
Стал медленно слабеть. Хоть говорить
Не мог уж юноша, его недуг
Не отнимал еще надежду жить;
Казалось, судрожным движеньем рук
Старался он кончину удалить.
Но вот утих... Взор ясный поднял он,
Закрыл – хотя б один последний стон!*

84

*Как сумасшедший, руки сжав крестом,
Стоял его товарищ. Он хотел
Смеяться... И с открытым ртом
Остался – взгляд его оцепенел.
Пришли к ним люди: зацепив крючком
Холодный труп, к высокой груде тел
Они без сожаленья повлекли,
И подложили бревен, и зажгли...*

«Нередко люди и бранили...»

*Нередко люди и бранили,
И мучили меня за то,
Что часто им прощал я то,
Чего б они мне не простили.
И начал рок меня томить.
Карал безвинно и за дело –
От сердца чувство отлетело:
И я не мог ему простить.
Я снова меж людей явился
С холодным, сумрачным челом;
Но взгляд, куда б ни обратился,
Встречался с радостным лицом!*

Романс («В те дни, когда уж нет надежд...»)

В те дни, когда уж нет надежд,

А есть одно воспоминанье,

Веселье чуждо наших вежд

И легче на груди страданье.

Отрывок («Приметив юной девы грудь...»)

Приметив юной девы грудь,
Судьбой случайной, как-нибудь,
Иль взор, исполненный огнем,
Недвижно сердце было в нем,
Как сокол, на скале морской
Сидящий позднею порой,
Хоть недалеко и блестят
(Седой пустыни вод наряд)
Ветрила бедных челноков,
Движенья дальних облаков
Следит его прилежный глаз.
И так проходит скучный час!
Он знает: эти челноки,
Что гонят мимо ветерки,
Не для него сюда плывут,
Они блеснут, они пройдут!..

Баллада

(Из Байрона)

[25]

Сидит один черный монах;
Он бормочет молитву во мраке ночном,
Панихиду о прошлых годах.

Мавр

[26]

Оскверняячи церкви порог,
Он без дальних слов выгнал всех чернецов;
Одного только выгнать не мог.
Для добра или зла (я слышал не один,
И не мне бы о том говорить),
Когда возвратился тех мест господин,
Он никак не хотел уходить.
Хоть никто не видал, как по замку блуждал
Монах, но зачем возражать?
Ибо слышал не раз я старинный рассказ,
Который страшусь повторять.
Рождался ли сын, он рыдал в тишине,
Когда ж прекратился сей род,
Он по звучным полам при бледной луне
Бродил и взад и вперед.

Ночь («Один я в тишине ночной...»)

Один я в тишине ночной;
Свеча сгоревшая трещит,
Перо в тетрадке записной
Головку женскую чертит;
Воспоминанье о былом,
Как тень, в кровавой пелене,
Спешит указывать перстом
На то, что было мило мне.
Слова, которые могли
Меня тревожить в те года,
Пылают предо мной вдали,
Хоть мной забыты навсегда.
И там скелеты прошлых лет
Стоят унылою толпой;
Меж ними есть один скелет –
Он обладал моей душой.
Как мог я не любить тот взор?
Презренья женского кинжал
Меня пронзил... Но нет – с тех пор
Я всё любил – я всё страдал.
Сей взор невыносимый, он
Бежит за мною, как призрак;
И я до гроба осужден
Другого не любить никак.
О! Я завидую другим!
В кругу семейственном, в тиши,
Смеяться просто можно им
И веселиться от души.
Мой смех тяжел мне, как свинец:
Он плод сердечной пустоты.
О боже! Вот что наконец,
Я вижу, мне готовил ты.
Возможно ль! Первую любовь
Такою горечью облить;
Притворством взволновав мне кровь,
Хотеть насмешкой остудить?
Желал я на другой предмет
Излить огонь страстей своих.
Но память, слезы первых лет!
Кто устоит противу них?

К *** («Когда к тебе молвы рассказ...»)

Когда к тебе молвы рассказ
Мое названье принесет
И моего рожденья час
Перед полмиром проклянет,
Когда мне пищей будет кровь
И стану жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей;
Тогда раскаянья кинжал
Пронзит тебя; и вспомнишь ты,
Что при разлуке я сказал.
Увы! То были не мечты!
И если, если наконец
Моя лишь грудь поражена,
То, верно, прежде знал творец,
Что ты терпеть не рождена.

«Передо мной лежит листок...»

*Передо мной лежит листок
Совсем ничтожный для других,
Но в нем сковал случайно рок
Толпу надежд и дум моих.
Исписан он твоей рукой,
И я вчера его украл,
И для добычи дорогой
Готов страдать – как уж страдал!*

«Свершилось! Полно ожидать...»

*Свершилось! Полно ожидать
Последней встречи и прощанья!
Разлуки час и час страданья
Придут – зачем их отклонять!
Ах, я не знал, когда глядел
На чудные глаза прекрасной,
Что час прощанья, час ужасный,
Ко мне внезапно подлетел.
Свершилось! Голосом бесценным
Мне больше сердца не питать,
Запрусь в углу уединенном
И буду плакать... Вспоминать!*

«Итак, прощай! Впервые этот звук...»

Итак, прощай! Впервые этот звук

Тревожит так жестоко грудь мою.

Прощай!

Уносят всё, что я теперь люблю!

Я встречу взор ее прекрасных глаз,

И, может быть, как знать... В последний раз!

Новгород

Сыны снегов, сыны славян,

Зачем вы мужеством упали?

Зачем?.. Погибнет ваш тиран,

Как все тираны погибали!..

До наших дней при имени свободы

Трепещет ваше сердце и кипит!..

[27]

Всё то, к чему теперь ваш дух летит.

Глупой красавице

1

*Амур спросил меня однажды,
Хочу ль испить его вина, –
Я не имел в то время жажды,
Но выпил кубок весь до дна.*

2

*Теперь желал бы я напрасно
Смочить горящие уста,
Затем что чаша влаги страстной,
Как голова твоя, – пуста.*

Могила бойца

(Дума)

I

*Он спит последним сном давно,
Он спит последним сном,
Над ним бугор насыпан был,
Зеленый дерн кругом.*

II

*Седые кудри старика
Смешались с землей;
Они взвевались по плечам,
За чашей пировой,*

III

*Они белы, как пена волн,
Биющихся у скал;
Уста, любимицы бесед,
Впервые хлад сковал.*

IV

*И бледны щеки мертвеца,
Как лик его врагов
Бледнел, когда являлся он
Один средь их рядов.*

V

*Сырой землей покрыта грудь,
Но ей не тяжело,
И червь, движенья не боясь,
Ползет через чело.*

VI

*На то ль он жил и меч носил,
Чтоб в час вечерней мглы
Слетались на курган его
Пустынные орлы?*

VII

Хотя певец земли родной

Не раз уж пел об нем,

Но песнь – всё песнь; а жизнь – всё жизнь!

Он спит последним сном.

Смерть («Закат горит огнистой полосой...»)

*Закат горит огнистой полосой,
Любуюсь им безмолвно под окном,
Быть может, завтра он заблещет надо мною,
Безжизненным, холодным мертвецом;
Одна лишь дума в сердце опустелом,
ней.*

*И над моим недвижимым, бледным телом
Не упадет слеза ее одна.*

*Ни друг, ни брат прощальными устами
Не поцелуют здесь моих ланит;*

*И сожаленью чуждыми руками
В сырую землю буду я зарыт.*

Мой дух утонет в бездне бесконечной!..

Но ты! – О, пожалей о мне, краса моя!

*Никто не мог тебя любить, как я,
Так пламенно и так чистосердечно.*

Русская песня

1

*Клоками белый снег валится,
Что ж дева красная боится
С крыльца сойти
Воды снести?
Как поп, когда он гроб несет,
Так песнь метелица поет,
Играет,
И у тесовых у ворот
Дворовый пес всё цепь грызет
И лает...*

2

*Но не собаки лай печальный,
Не вой метели погребальный
Рождают страх
В ее глазах:
Недавно милый схоронен,
Бледней снегов предстанет он
И скажет:
«Ты изменила» – ей в лицо
И ей заветное кольцо
Покажет!..*

Стихотворения, 1831

1831-го января

*Редют бледные туманы
Над бездной смерти роковой.
И вновь стоят передо мной
Веков протекших великаны.
Они зовут, они манят,
Поют – и я пою за ними,
И, полный чувствами живыми,
Страшуся поглядеть назад, –
Чтоб бытия земного звуки
Не замешались в песнь мою,
Чтоб лучшей жизни на краю
Не вспомнил я людей и муки;
Чтоб я не вспомнил этот свет,
Где носит всё печать проклятья,
Где полны ядом все объятья,
Где счастья без обмана нет.*

«Послушай! Вспомни обо мне...»

*Послушай! Вспомни обо мне,
Когда, законом осужденный,
В чужой я буду стороне –
Изгнанник мрачный и презренный.
И будешь ты когда-нибудь
Один, в бессонный час полночи,
Сидеть с свечой... И тайно грудь
Вздохнет – и вдруг заплачут очи;
И молвишь ты: когда-то он,
Здесь, в это самое мгновенье,
Сидел тоскою удручен
И ждал судьбы своей решение!*

1831-го июня 11 дня

1

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала. Я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я минутами лишь жил;
И те мгновенья были мук полны,
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями. Но сон,
Как мир, не мог быть ими омрачен.

2

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизнию иной
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакал; но все образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных.
О нет! Всё было ад иль небо в них.

3

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье дум. Нет звуков у людей
Довольно сильных, чтоб изобразить
Желание блаженства. Пыл страстей
Возвышенных я чувствую, но слов
Не нахожу, и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь
Хоть тень их перелить в другую грудь.

4

Известность, слава, что они? – а есть
У них над мною власть; и мне они
Велят себе на жертву всё принести,
И я влачу мучительные дни
Без цели, оклеветан, одинок;
Но верю им! – неведомый пророк
Мне обещал бессмертье, и живой

Я смерти отдал всё, что дар земной.

5

*Но для небесного могилы нет.
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный свет
Благословит; и ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь;
С моим названьем станут повторять
Твое: на что им мертвых разлучать?*

6

*К погибшим люди справедливы; сын
Боготворит, что проклинал отец.
Чтоб в этом убедиться, до седин
Дожить не нужно. Есть всему конец;
Не много долголетней человек
Цветка; в сравненье с вечностью их век
Равно ничтожен. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою должна.*

7

*Так и ее созданья. Иногда,
На берегу реки, один, забыт,
Я наблюдал, как быстрая вода
Синея гнется в волны, как шипит
Над ними пена белой полосой;
И я глядел, и мыслию иной
Я не был занят, и пустынный шум
Рассеивал толпу глубоких дум.*

8

*Тут был я счастлив... О, когда б я мог
Забыть, что незабвенно! Женский взор!
Причину стольких слез, безумств, тревог!
Другой владеет ею с давних пор,
И я другую с нежностью люблю,
Хочу любить, – и небеса молю
О новых муках: но в груди моей*

Всё жив печальный призрак прежних дней.

9

*Никто не дорожит мной на земле,
И сам себе я в тягость, как другим;
Тоска блуждает на моем челе,
Я холоден и горд; и даже злым
Толпе кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко в сердце мне должна?
Зачем ей знать, что в нем заключено?
Огонь иль сумрак там – ей всё равно.*

10

*Темна проходит туча в небесах,
И в ней таится пламень роковой;
Он вырываясь обращает в прах
Всё, что ни встретит. С дивной быстротой
Блеснет и снова в облаке укрыт;
И кто его источник объяснит,
И кто заглянет в недра облаков?
Зачем? Они исчезнут без следов.*

11

*Грядущее тревожит грудь мою.
Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком краю
Любезные предметы встречу я?
Но кто меня любил, кто голос мой
Услышит и узнает? И с тоской
Я вижу, что любить, как я, порок,
И вижу, я слабей любить не мог.*

12

*Не верят в мире многие любви
И тем счастливы; для иных она
Желанье, порожденное в крови,
Расстройство мозга иль виденье сна.
Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! – любить
Необходимость мне; и я любил*

Всем напряжением душевных сил.

13

*И отучить не мог меня обман;
Пустое сердце ныло без страстей,
И в глубине моих сердечных ран
Жила любовь, богиня юных дней;
Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает молода
И зелена, и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит.*

14

*И о судьбе ее чужой пришлец
Жалеет. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконец
Увянет преждевременно она;
Но с корнем не исторгнет никогда
Мою березу вихрь: она тверда;
Так лишь в разбитом сердце может страсть
Иметь неограниченную власть.*

15

*Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа;
Судьба ее так скоро не убьет,
А лишь взбунтует; мщением дыша
Против непобедимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
С такой душой ты бог или злодей...*

16

*Как нравились всегда пустыни мне.
Люблю я ветер меж нагих холмов,
И коршуна в небесной вышине,
И на равнине тени облаков.
Ярма не знает резвый здесь табун,
И кровожадный тешится летун
Под синевой, и облако степей*

Свободней как-то мчится и светлей.

17

*И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами; каждый звук
Гармонии вселенной, каждый час
Страдания или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей судьбе.*

18

*Кто посещал вершины диких гор
В тот свежий час, когда садится день,
На западе светило видит взор
И на востоке близкой ночи тень,
Внизу туман, уступы и кусты,
Кругом всё горы чудной высоты,
Как после бури облака, стоят
И странные верхи в лучах горят.*

19

*И сердце полно, полно прежних лет
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводит в жизнь минувшего скелет,
И в нем почти всё та же красота.
Так любим мы глядеть на свой портрет,
Хоть с нами в нем уж сходства больше нет,
Хоть на холсте хранится блеск очей,
Погаснувших от время и страстей.*

20

*Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их позор;
О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал; ничто не вредно им.*

Кто близ небес, тот не сражен земным.

21

*Печален степи вид, где без препон,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучий аквилон
И пред собой свободно гонит пыль;
И где кругом, как зорко ни смотри,
Встречает взгляд березы две иль три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой.*

22

*Так жизнь скучна, когда боренья нет.
В минувшее проникнув, различить
В ней мало дел мы можем, в цвете лет
Она души не будет веселить.
Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.*

23

*Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что ж? Мне жизнь всё как-то коротка
И всё боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! – жажда бытия
Во мне сильнее страданий роковых,
Хотя я презираю жизнь других.*

24

*Есть время – леденеет быстрый ум;
Есть сумерки души, когда предмет
Желаний мрачен: усыпление дум;
Меж радостью и горем полусвет;
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна.
Находишь корень мук в себе самом,*

И небо обвинить нельзя ни в чем.

25

*Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский язык:
Они таких не ведают тревог,
В одном всё чисто, а в другом всё зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.*

26

*Никто не получал, чего хотел
И что любил, и если даже тот,
Кому счастливый небом дан удел,
В уме своем минувшее пройдет,
Увидит он, что мог счастливей быть,
Когда бы не умела отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко берегу возвратиться не сильна.*

27

*Когда, гонима бурей роковой,
Шипит и мчится с пеною своей,
Она всё помнит тот залив родной,
Где пенилась в приютах камышей,
И, может быть, она опять придет
В другой залив, но там уж не найдет
Себе покоя: кто в морях блуждал,
Тот не заснет в тени прибрежных скал.*

28

*Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь творец;
Но равнодушный мир не должен знать.
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране*

Все проклянут и память обо мне.

29

*Все. Нет, не все: создание есть одно,
Способное любить, – хоть не меня;
До этих пор не верит мне оно,
Однако сердце, полное огня,
Не увлечется мнением, и мое
Пророчество припомнит ум ее,
И взор, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.*

30

*Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота
Кругом. Лишь чужестранец молодой,
Невольным сожаленьем и молвой
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда.*

31

*И скажет: отчего не понял свет
Великого, и как он не нашел
Себе друзей, и как любви привет
К нему надежду снова не привел?
Он был ее достоин. И печаль
Его встревожит, он посмотрит вдаль,
Увидит облака с лазурью волн,
И белый парус, и бегучий челн.*

32

*И мой курган! – любимые мечты
Мои подобны этим. Сладость есть
Во всем, что не сбылось, – есть красоты
В таких картинах; только перенести
Их на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда размером слов не стеснена,
Когда свободна, как игра детей,*

Как арфы звук в молчании ночей!

Романс к И...

Когда я унесу в чужбину
Под небо южной стороны
Мою жестокою кручину,
Мои обманчивые сны
И люди с злобой ядовитой
Осудят жизнь мою порой,
Ты будешь ли моей защитой
Перед бесчувственной толпой?

*

О, будь!.. О, вспомни нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися в том! Чтоб вовсе радость
Не умерла в моей груди,
Чтоб я сказал в земле изгнания:
Есть сердце, лучших дней залог,
Где почтены мои страдания,
Где мир их очернить не мог.

Завещание («Есть место: близ тропы глухой...»)

1

*Есть место: близ тропы глухой,
В лесу пустынном, средь поляны,
Где вьются вечером туманы,
Осеребренные луной...
Мой друг! Ты знаешь ту поляну;
Там труп мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану!*

2

*Могиле той не откажи
Ни в чем, последуя закону;
Поставь над нею крест из клену
И дикий камень положи;
Когда гроза тот лес встревожит,
Мой крест пришельца привлечет;
И добрый человек, быть может,
На диком камне отдохнет.*

«Сию я в комнате старинной...»

Сию я в комнате старинной
Один с товарищем моим,
Фонарь горит, и тенью длинной
Пол омрачен. Как легкий дым,
Туман окрестность одевает,
И хладный ветер по листьям
Высоких лип перебегает.
Я у окна. Опасно нам
Заснуть. – А как узнать? Быть может,
Приход нежданный нас встревожит!
Готов мой верный пистолет,
В стволе свинец, на полке порох.
У двери слушаю... Чу! – Шорох
В развалинах... И крик! – Но нет!
То мышь летучая промчалась!
То птица ночи испугалась!
На темной синеве небес
Луна меж тучками ныряет.
Спокоен я. Душа пылает
Отвагой: ни мертвец, ни бес,
Ничто меня не испугает.
Ничто... Волшебный талисман
Я на груди ношу с тоскою;
Хоть не твоей любовью дан,
твоей

К *** («Всевышний произнес свой приговор...»)

Всевышний произнес свой приговор,
Его ничто не переменит;
Меж нами руку мести он простер
И беспристрастно всё оценит.
Он знает, и ему лишь можно знать,
Как нежно, пламенно любил я,
Как безответно всё, что мог отдать,
Тебе на жертву приносил я.
Во зло употребила ты права,
Приобретенные над мною,
И мне, польстив любовию сперва,
Ты изменила – бог с тобою!
О нет! Я б не решился проклянуть!
Всё для меня в тебе святое:
Волшебные глаза и эта грудь,
Где бьется сердце молодое.
Я помню, сорвал я обманом раз
Цветок, хранивший яд страданья, –
С невинных уст твоих в прощальный час
Непринужденное лобзание;
Я знал: то не любовь – и перенес;
Но отгадать не мог я тоже,
Что всех моих надежд и мук и слез
Веселый миг тебе дороже!
Будь счастлива несчастьем моим,
И, услышав, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньем пустым.
Прости! – вот всё, что я желаю...
Чем заслужил я, чтоб твоих очей
Затмился свежий блеск слезами?
Ко смеху приучать себя нужней:
Ведь жизнь смеется же над нами!

Желание

*Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?
На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.
На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом
И смахнул бы я пыль с них крылом;
И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он.
Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.
Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
О! Зачем я не ворон степной?..*

К де́ве небесной

Когда бы встретил я в раю
На третьем небе образ твой,
Он душу бы пленил мою
Своей небесной красотой;
И я б в тот миг (не утаю)
Забыл о радости земной.
Спокоен твой лазурный взор,
Как воспоминание об нем;
Как дальный отзыв дальных гор,
Твой голос нравится во всем;
И твой привет, и твой укор,
Всё полно, дышит божеством.
Не для земли ты создана,
И я могу ль тебя любить?
Другая женщина должна
Надежды юноши манить;
Ты превосходней, чем она,
Но так мила не можешь быть!

[28]

*Почтим приветом остров одинокой,
Где часто, в думу погружен,
На берегу о Франции далекой
Вспоминал Наполеон!
Сын моря, средь морей твоя могила!
Вот мщение за муки стольких дней!
Порочная страна не заслужила,
[29]*

*

*Изгнанник мрачный, жертва вероломства
И рока прихоти слепой,
Погиб как жил – без предков и потомства –
Хоть побежденный, но герой!
Родился он игрой судьбы случайной
И пролетел, как буря, мимо нас;
Он миру чужд был. Всё в нем было тайной,
День возвышенья – и паденья час!*

К другу В. Ш

«До лучших дней!» – перед прощанием,
Пожав мне руку, ты сказал;
И долго эти дни я ждал,
Но был обманут ожиданием!..
Мой милый! Не придут они,
В грядущем счастья так мало!..
Я помню радостные дни,
Но всё, что помню, то пропало.
Былое бесполезно нам.
Таков маяк, порой ночью
Над бурной бездною морскою
Манящий к верным берегам,
Когда на лодке, одинокий,
Несется трепетный пловец
И видит – берег недалекий
И ближе видит свой конец.
Нет! Обольстить мечтой напрасной
Больное сердце мудрено;
Едва нисходит сон прекрасный,
Уж просыпается оно!

«Блистая пробегают облака...»

Блистая пробегают облака
По голубому небу. Холм крутой
Осенним солнцем озарен. Река
Бежит внизу по камням с быстротой.
И на холме пришелец молодой,
Завернут в плащ, недвижимо сидит
Под старою березой. Он молчит,
Но грудь его подымлется порой;
Но бледный лик меняет часто цвет;
Чего он ищет здесь? – спокойствия? – о нет!
Он смотрит вдаль: тут лес пестреет, там
Поля и степи, там встречает взгляд
Опять дубраву или по кустам
Рассеянные сосны. Мир, как сад,
Цветет, надев могильный свой наряд:
Поблекнувшие листья; жалок мир!
В нем каждый средь толпы забыт и сир;
И люди все к ничтожеству спешат, –
Но, хоть природа презирает их,
Любимцы есть у ней, как у царей других.
И тот, на ком лежит ее печать,
Пускай не ропщет на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смел сказать,
Что у груди своей она змею
Согрела. – «О! Когда б одно люблю
Из уст прекрасной мог подслушать я,
Тогда бы люди, даже жизнь моя
В однообразном северном краю,
Всё б в новый блеск оделось!» – так мечтал
Беспечный... Но просить он неба не желал!

Атаман

1

*Горе тебе, город Казань,
Едет толпа удальцов
Сбирать невольную дань
С твоих беззаботных купцов.
Вдоль по Волге широкой
На лодке плывут;
И веслами дружными плещут,
И песни поют.*

2

*Горе тебе, русская земля,
Атаман между ними сидит;
Хоть его лихая семья,
Как волны, шумна, – он молчит;
И краса молодая,
Как саван, бледна
Перед ним стоит на коленях.
И молвит она:*

3

*«Горе мне, бедной девице!
Чем виновна я пред тобой?
Ты поверил злой клеветнице;
Любим мною не был другой.
Мне жребий неволи
Судьбинушкой дан;
Не губи, не губи мою душу,
Лихой атаман».*

4

*– Горе девице лукавой, –
Атаман ей нахмурясь в ответ, –
У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нет;
От глаз моих трудно
Проступок укрыть,
Всё знаю!.. И вновь не могу я,*

Девница, любить!..

5

*Но лекарство чудесное есть
У меня для сердечных ран...
Прости же! – лекарство то: месть!
На что же я здесь атаман?
И заплачу ль, как плачет
Любовник другой?..
И смягчишь ли меня ты, девица,
Своею слезой?*

6

*Горе тебе, гроза-атаман,
Ты свой произнес приговор.
Средь пожаров ограбленных стран
Ты забудешь ли пламенный взор!..
Остался ль ты хладен
И тверд, как в бою,
Когда бросили в пенные волны
Красотку твою?*

7

*Горе тебе, удалой!
Как совесть совсем удалить?
Отныне он чистой водой
Боится руки умыть.
Умывать он их любит
С дружиной своей
Слезами вдовиц беззащитных
И кровью детей!*

Исповедь («Я верю, обещаю верить...»)

Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал;
Что поцелуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближних малые ошибки
Они прощают иногда,
Что время лечит от страданья,
Что мир для счастья сотворен,
Что добродетель не название
И жизнь поболее, чем сон!..
Но вере теплой опыт хладный
Противуречит каждый миг,
И ум, как прежде безотрадный,
Желанной цели не достиг;
И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших, но святых видений –
И тени чувств, каких уж нет;
Его ничто не испугает,
И то, что было б яд другим,
Его живит, его питает
Огнем язвительным своим.

Надежда

*Есть птичка рая у меня,
На кипарисе молодом
Она сидит во время дня,
Но петь никак не станет днем;
Лазурь небес – ее спина,
Головка – пурпур, на крылах
Пыль золотистая видна,
Как отблеск утра в облаках.
И только что земля уснет,
Одета мглой в ночной тиши,
Она на ветке уж поет
Так сладко, сладко для души,
Что поневоле тягость мук
Забудешь, внемля песни той,
И сердцу каждый тихий звук
Как гость приятен дорогой;
И часто в бурю я слышал
Тот звук, который так люблю;
И я всегда надеждой звал
Певицу мирную мою!*

Видение

Я видел юношу: он был верхом
На серой, борзой лошади – и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечер
Погас уж на багряном небосклоне,
И месяц в облаках блистал и в волнах;
Но юный всадник не боялся, видно,
Ни ночи, ни росы холодной; жарко
Пылали смуглые его ланиты,
И черный взор искал чего-то всё
В туманном отдаленье – темно, смутно
Являлось минувшее ему –
Призрак остерегающий, который
Пугает сердце страшным предсказаньем,
Но верил он – одной своей любви.
Он мчится. Звучный топот по полям
Разносит ветер; вот идет прохожий;
Он путника остановил, и этот
Ему дорогу молча указал
И скрылся, удаляясь в дубраве.
И всадник примечает огонек,
Трепещущий на берегу противном,
И различил окно и дом, но мост
Изломан... И несется быстро Клязьма.
Как воротиться, не прижав к устам
Пленительную руку, не слыхав
Волшебный голос тот, хотя б укор
Произнесли ее уста? О! Нет! –
Он вздрогнул, натянул бразды, толкнул
Коня – и шумные плеснули воды
И с пеною раздвинулись они;
Плывет могучий конь – и ближе – ближе...
И вот уж он на берегу другом
И на гору летит. – И на крыльцо
Соскакивает юноша – и входит
В старинные покои... Нет ее!
Он проникает в длинный коридор,
Трепещет... Нет нигде... Ее сестра
Идет к нему навстречу. – О! Когда б
Я мог изобразить его страданье!
Как мрамор бледный и безгласный, он

Стоял... Века ужасных мук равны
Такой минуте. – Долго он стоял,
Вдруг стон тяжелый вырвался из груди,
Как будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Он вышел мрачно, твердо,
Прыгнул в седло и поскакал стремглав,
Как будто бы гнался вслед за ним
Раскаянье... И долго он скакал,
До самого рассвета, без дороги,
Без всяких опасений – наконец
Он был терпеть не в силах... И заплакал:
Есть вредная роса, которой капли
На листьях оставляют пятна, – так
Отчаянья свинцовая слеза,
Из сердца вырвавшись насильно, может
Скатиться, – но очей не освежит!
К чему мне приписать виденье это?
Ужели сон так близок может быть
К существенности хладной? Нет!
Не может сон оставить след в душе,
И как ни силится воображенье,
Его орудья пытки ничего
Против того, что есть и что имеет
Влияние на сердце и судьбу.

*

Мой сон переменился невзначай:
Я видел комнату; в окно светил
Весенний, теплый день; и у окна
Сидела дева, нежная лицом,
С очами, полными душой и жизнью;
И рядом с ней сидел в молчанье мне
Знакомый юноша; и оба, оба
Старались довольными казаться,
Однако же на их устах улыбка,
Едва родившись, томно умирала;
И юноша спокойней, мнилось, был,
Затем что лучше он умел таить
И побеждать страданье. Взоры девы
Блуждали по листам открытой книги,
Но буквы все сливались под ними...

И сердце сильно билось – без причины, –
И юноша смотрел не на нее,
Хотя об ней лишь мыслил он в разлуке,
Хотя лишь ею дорожил он больше
Своей непобедимой гордой чести;
На голубое небо он смотрел,
Следил серебристых облаков отрывки,
И, с сжатою душой, не смел вздохнуть,
Не смел пошевелиться, чтобы этим
Не прекратить молчанья; так боялся
Он услышать ответ холодный или
Не получить ответа на моления.
Безумный! Ты не знал, что был любим,
И ты о том проведал лишь тогда,
Как потерял ее любовь навеки;
И удалось привлечь другому лестью
Все, все желанья девы легковерной!

Чаша жизни

1

*Мы пьем из чаши бытия
С закрытыми очами,
Златые омочив края
Своими же слезами;*

2

*Когда же перед смертью с глаз
Завязка упадает,
И всё, что обольщало нас,
С завязкой исчезает;*

3

*Тогда мы видим, что пуста
Была златая чаша,
Что в ней напиток был – мечта
И что она – не наша!*

К Л. –

(Подражание Байрону)

1

У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней;
Так память, демон-властелин,
Всё будит старину,
И я твержу один, один:
Люблю, люблю одну!

2

Принадлежишь другому ты,
Забыт певец тобой;
С тех пор влекут меня мечты
Прочь от земли родной;
Корабль умчит меня от ней
В безвестную страну,
И повторит волна морей:
Люблю, люблю одну!

3

И не узнает шумный свет,
Кто нежно так любим,
Как я страдал и сколько лет
Я памятью томим;
И где бы я ни стал искать
Былую тишину,
Всё сердце будет мне шептать:
Люблю, люблю одну!

К Н. И...

Я не достоин, может быть,
Твоей любви: не мне судить;
Но ты обманом наградила
Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна, как змея,
Лишь часто новым впечатленьям
Душа вверяется твоя.
Она увлечена мгновеньем;
Ей милы многие, вполне
Еще никто; но это мне
Служить не может утешеньем.
В те дни, когда, любим тобой,
Я мог доволен быть судьбой,
Прощальный поцелуй однажды
Я сорвал с нежных уст твоих;
Но в зной, среди степей сухих,
Не утоляет капля жажды.
Дай бог, чтоб ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... Женщина забыть не может
Того, кто так любил, как я;
И в час блаженнейший тебя
Воспоминание встревожит!
Тебя раскаянье кольнет,
Когда с насмешкой проклянет
Ничтожный мир мое название!
И побоишься защитить,
Чтобы в преступном состраданье
Вновь обвиняемой не быть!

А. Д. З...

*О ты, которого клевет твой верный Павел
В искусстве ёрников в младенчестве наставил;
О ты, к которому день всякий Валерьян
На ваньке приезжал ярыгой, глуп и пьян;
Которому служил лакеем из лакеев*

[30]

[31]

*Приветствую тебя и твой триумвират:
И кто сказать бы смел, что чёрт тебе не брат?*

Воля

Моя мать – злая кручина,
Отцом же была мне – судьбина,
Мои братья, хоть люди,
Не хотят к моей груди
Прижаться;
Им стыдно со мною,
С бедным сиротою,
Обняться.
Но мне богом дана
Молодая жена,
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная;
С ней нашлись другие у меня
Мать, отец и семья;
А моя мать – степь широкая,
А мой отец – небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья в лесах –
Березы да сосны.
Несусь ли я на коне, –
Степь отвечает мне;
Брожу ли поздней порой, –
Небо светит мне луной;
Мои братья в летний день,
Призывая под тень,
Машут издали руками,
Кивают мне головами;
И вольность мне гнездо свила,
Как мир – необъятное!

Сентября 28

Опять, опять я видел взор твой милый,
Я говорил с тобой,
И мне бывшее, взятое могилой,
Напомнил голос твой;
К чему? – другой лобзает эти очи
И руку жмет твою;
Другому голос твой во мраке ночи
Твердит: люблю! Люблю!
Откройся мне: ужели не притворны
Лобзания твои?
Они правам супружества покорны,
Но не правам любви;
Он для тебя не создан; ты родилась
Для пламенных страстей.
Отдав ему себя, ты не спросилась
У совести своей.
Он чувствовал ли трепет потаенный
В присутствии твоём;
Умел ли презирать он мир презренный,
Чтоб мыслить об одном;
Встречал ли он с молчаньем и слезами
Привет холодный твой,
И лучшими ль он жертвовал годами
Мгновениям с тобой?
Нет! Я уверен, твоего блаженства
Не может сделать тот,
Кто красоты наружной совершенства
Одни в тебе найдет.
Так! Ты его не любишь... Тайной властью
Прикована ты вновь
К душе печальной, незнакомой счастьем,
Но нежной, как любовь.

«Зови надежду – сновиденьем...»

*Зови надежду – сновиденьем,
Неправду – истиной зови,
Не верь хвалам и увереньям,
Но верь, о, верь моей любви!
Такой любви нельзя не верить,
Мой взор не скроет ничего:
С тобою грех мне лицемерить,
Ты слишком ангел для того.*

«Прекрасны вы, поля земли родной...»

*Прекрасны вы, поля земли родной,
Еще прекрасней ваши непогоды;
Зима сходна в ней с первою зимой,
Как с первыми людьми ее народы!..
Туман здесь одевает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пеленой,
И так она свежа, и так родня с душой,
Как будто создана лишь для свободы...
Но эта степь любви моей чужда;
Но этот снег, летучий, серебристый
И для страны порочной – слишком чистый,
Не веселит мне сердца никогда.
Его одеждой хладной, неизменной
Сокрыта от очей могильная гряда
[32]*

«Метель шумит и снег валит...»

*Метель шумит и снег валит,
Но сквозь шум ветра дальний звон
Порой прорвавшись гудит;
То отголосок похорон.
То звук могилы над землей,
Умершим весть, живым укор,
Цветок поблекший гробовой,
Который не пленяет взор.
Пугает сердце этот звук
И возвещает он для нас
Конец земных недолгих мук,
Но чаще новых первый час...*

Песня («Ликуйте, друзья, ставьте чаши вверх дном...»)

Ликуйте, друзья, ставьте чаши вверх дном,

Пейте!

На пиру этой жизни, как здесь на моем,

Не робейте!

Как чаши, не бойтесь всё ставить вверх дном.

Что стоит уж вверх дном, то не может мешать

Плутам!

Я советую детям своим повторять

(Даже с прутом):

Что стоит уж вверх дном, то не может мешать.

Я люблю очень дно доставать на пирах

В чаше!

И даже в других, больше нежных местах

У Параши!

На дне лишь есть жемчуг в морских глубинах!

Небо и звезды

Чисто вечернее небо,
Ясны далекие звезды,
Ясны, как счастье ребенка;
О! Для чего мне нельзя и подумать:
Звезды, вы ясны, как счастье мое!
Чем ты несчастлив? –
Скажут мне люди.
Тем я несчастлив,
Добрые люди, что звезды и небо –
Звезды и небо! – а я человек!..
Люди друг к другу
Зависть питают;
Я же, напротив,
Только завидую звездам прекрасным,
Только их место занять бы хотел.

Счастливым миг

Не робей, краса молодая,
Хоть со мной наедине;
Стыд ненужный отгоняя,
Подойди – дай руку мне.
Не тепла твоя светлица,
Не мягка постель твоя,
Но к устам твоим, девица,
Я прильну – согреюсь я.
От нескромного невежды
Занавесь окно платком;
Ну, – скидай свои одежды,
Не упрямысь, мы вдвоем;
На пирах за полной чашей,
Я клянусь, не расскажу
О взаимной страсти нашей;
Так скорее ж... Я дрожу.
О! Как полны, как прекрасны,
Груды жаркие твои,
Как румяны, сладострастны
Пред мгновением любви;
Вот и маленькая ножка,
Вот и круглый гибкий стан,
Под сорочкой лишь немножко
Прячешь ты свой талисман;
Перед тем чтобы лишиться
Непорочности своей,
Так невинна ты, что, мнится,
Я, любя тебя, – злодей.
Взор, склоненный на колена,
Будто молит пощадить;
Но ужасным, друг мой Лена,
Миг один не может быть.
Полон сладким ожиданьем
Я лишь взор питаю свой;
Ты сама, горя желаньем,
Призовешь меня рукой;
И тогда душа забудет
Всё, что в муку ей дано,
И от счастья нас разбудит
Истощение одно.

«Когда б в покорности незнания...»

1

*Когда б в покорности незнания
Нас жить создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.*

2

*Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней, –
Она в душе, где всё земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел нежный,
И где тоски ее мятежной
Душа узнать не может вновь.*

К кн. Л. Г-ой

Когда ты холодно внимаешь
Рассказам горести чужой
И недоверчиво качаешь
Своей головкой молодой,
Когда блестящие наряды
Безумно радуют тебя
Иль от ребяческой досады
Душа волнуется твоя,
Когда я вижу, вижу ясно,
Что для тебя в семнадцать лет
Всё привлекательно, прекрасно,
Всё – даже люди, жизнь и свет,
Тогда, измучен воспоминаньем,
Я говорю душе своей:
Счастлив, кто мог земным желаньям
Отдать себя во цвете дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этим, как она;
Своих надежд ты не забудешь,
Но для других не рождена;
Так! Мысль великая хранилась
В тебе донине, как зерно;
С тобою в мир она родилась:
Погибнуть ей не суждено!

«Кто видел Кремль в час утра золотой...»

*Кто видел Кремль в час утра золотой,
Когда лежит над городом туман,
Когда меж храмов с гордой простотой,
Как царь, белеет башня-великан?*

«Я видел тень блаженства; но вполне...»

Я видел тень блаженства; но вполне,
Свободно от людей и от земли,
Не суждено им насладиться мне.
Быть может, манит только издали
Оно надежду; получив, – как знать? –
Быть может, я б его стал презирать;
И увидал бы, что ни слез, ни мук
Не стоит счастье, ложное, как звук.
Кто скажет мне, что звук ее речей
Не отголосок рая? Что душа
Не смотрит из живых очей,
Когда на них смотрю я, чуть дыша?
Что для мученья моего она,
Как ангел казни, богом создана?
Нет! Чистый ангел не виновен в том,
Что есть пятно тоски в уме моем;
И с каждым годом шире то пятно;
И скоро всё поглотит, и тогда
Узнаю я спокойствие, оно,
Наверно, много причинит вреда
Моим мечтам и пламень чувств убьет,
Зато без бурь напрасных приведет
К уничтоженью; – но до этих дней
Я волен – даже – если раб страстей!
Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной – и всё, что чуждо ей,
То чуждо мне; я родину люблю
И больше многих: среди ее полей
Есть место, где я горесть начал знать;
Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшись с землей,
Навеки прежний вид оставит свой.
О мой отец! Где ты? Где мне найти
Твой гордый дух, бродящий в небесах;
В твой мир ведут столь разные пути,
Что избирать мешает тайный страх.
Есть рай небесный! Звезды говорят;
Но где же? Вот вопрос – и в нем-то яд;
Он сделал то, что в женском сердце я
Хотел сыскать отраду бытия.

К *** («О, не скрывай! Ты плакала об нем...»)

О, не скрывай! Ты плакала об нем –

И я его люблю; он заслужил

Твою слезу, и если б был врагом

Моим, то я б с тех пор его любил.

И я бы мог быть счастлив; но зачем

Искать условий счастья в былом!

Нет! Я доволен должен быть и тем,

Что зрел, как ты жалела о другом!

К *** («Ты слишком для невинности мила...»)

*Ты слишком для невинности мила,
И слишком ты любезна, чтоб любить!
Полмиру дать ты счастье б могла,
Но счастливой самой тебе не быть;
Блаженство нам не посылает рок
Вдвойне. – Видала ль быстрый ты поток?
Берега его цветут, тогда как дно
Всегда глубоко, хладно и темно!*

«Кто в утро зимнее, когда валит...»

*Кто в утро зимнее, когда валит
Пушистый снег и красная заря
На степь седую с трепетом глядит,
Внимал колоколам монастыря?
В борьбе с порывным ветром этот звон
Далеко им по небу унесен, –
И путникам он нравился не раз,
Как весть кончины иль бессмертья глас.
И этот звон люблю я! – Он цветок
Могильного кургана, мавзолей,
Который не изменится; ни рок,
Ни мелкие несчастья людей
Его не заглушат; всегда один,
Высокой башни мрачный властелин,
Он возвещает миру всё, но сам –
Сам чужд всему, земле и небесам.*

Ангел

*По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О божестве великом он пел, и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез,
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

Стансы: К Д ***

1

*Я не могу ни произнести,
Ни написать твое название:
Для сердца тайное страданье
В его знакомых звуках есть;
Суди ж, как тяжело это слово
Мне услышать в устах другого.*

2

*Какое право им дано
Шутить святынею моею?
Когда коснуться я не смею,
Ужели им позволено?
Как я, ужель они искали
Свой рай в тебе одной? – едва ли!*

3

*Ни перед кем я не склонял
Еще послушного колена;
То гордости была б измена:
А ей лишь робкий изменял;
И не поникну я главою,
Хотя б то было пред судьбою!*

4

*Но если ты перед людьми
Прикажешь мне унижить душу,
Я клятвы юности нарушу,
Все клятвы, кроме клятв любви;
Пускай им скажут, дорогая,
Что это сделал для тебя я!*

5

*Улыбку я твою видал,
Она мне сердце восхищала,
И ей, так думал я сначала,
Подобной нет – но я не знал.
Что очи, полные слезами,*

Равны красою с небесами.

6

*Я видел их! И был вполне
Счастлив – пока слеза катилась;
В ней искра божества хранилась,
Она принадлежала мне;
Так! Всё прекрасное, святое,
В тебе – мне больше чем родное.*

7

*Когда б миры у наших ног
Благословляли нашу волю,
Я эту царственную долю
Назвать бы счастьем не мог,
Ему страшны молвы сужденья,
Оно цветок уединенья.*

8

*Ты помнишь вечер и луну,
Когда в беседке одинокой
Сидел я с думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Как мне мила тех дней беспечность!
За вечер тот я б не взял вечность.*

9

*Так за ничтожный талисман,
От гроба Магомета взятый,
Факиру дайте жемчуг, злато
И все богатства чуждых стран –
Закону строгому послушный,
Он их отвергнет равнодушно!*

«Ужасная судьба отца и сына...»

Ужасная судьба отца и сына

Жить розно и в разлуке умереть,

И жребий чуждого изгнанника иметь

На родине с названьем гражданина!

[33]

Постигнут ты желанною кончиной;

Дай бог, чтобы, как твой, спокоен был конец

Того, кто был всех мук твоих причиной!

Но ты простишь мне! Я ль виновен в том,

Что люди угасить в душе моей хотели

Огонь божественный, от самой колыбели

Горевший в ней, оправданный творцом?

Однако ж тщетны были их желанья:

Мы не нашли вражды один в другом,

Хоть оба стали жертвою страданья!

Не мне судить, виновен ты иль нет, –

Ты светом осужден. Но что такое свет?

Толпа людей, то злых, то благосклонных,

Собрание похвал незаслуженных

И стольких же насмешливых клевет.

Далеко от него, дух ада или рая,

Ты о земле забыл, как был забыт землей;

Ты счастливей меня; перед тобой

Как море жизни – вечность роковая

Неизмеримою открылась глубиной.

Ужели вовсе ты не сожалеешь ныне

О днях, потерянных в тревоге и слезах?

О сумрачных, но вместе милых днях,

Когда в душе искал ты, как в пустыне,

Остатки прежних чувств и прежние мечты?

Ужель теперь совсем меня не любишь ты?

О если так, то небо не сравняю

Я с этою землей, где жизнь влачу мою;

Пускай на ней блаженства я не знаю,

По крайней мере я люблю!

«Пусть я кого-нибудь люблю...»

Пусть я кого-нибудь люблю:

Любовь не красит жизнь мою.

Она, как чумное пятно

На сердце, жжет, хотя темно;

Враждебной силою гоним,

Я тем живу, что смерть другим:

Живу – как неба властелин –

В прекрасном мире – но один.

К другу

Забудь опять
Свои надежды;
Об них вздыхать –
Судьба невежды;
Она дитя:
Не верь на слово;
Она шутя
Полюбит снова;
Всё, что блестит,
Ее пленяет;
Всё, что грустит,
Ее пугает;
Так облачко
По небу мчится
Светло, легко;
Оно глядится
В волнах морских
Поочередно;
Но чужд для них
Прошлец свободный;
Он образ свой
Во всех встречает,
Хоть их порой
Не замечает.

«Пора уснуть последним сном...»

*Пора уснуть последним сном,
Довольно в мире пожил я;
Обманут жизнью был во всем,
И ненавидя и любя.*

Из Паткуля

*Напрасна врагов ядовитая злоба,
Рассудят нас бог и преданья людей;
Хоть розны судьбою, мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.
Пускай я погибну... Близ сумрака гроба
Не ведая страха, не зная цепей.
Мой дух возлетает всё выше и выше
И вьется, как дым над железною крышей!*

«Я не для ангелов и рая...»

*Я не для ангелов и рая
Всесильным богом сотворен;
Но для чего живу страдая,
Про это больше знает он.
Как демон мой, я зла избранник,
Как демон, с гордою душой,
Я меж людей беспечный странник,
Для мира и небес чужой;
Прочти, мою с его судьбою
Воспоминанием сравни
И верь безжалостной душою,
Что мы на свете с ним одни.*

Портрет

*Взгляни на этот лик; искусством он
Небрежно на холсте изображен,
Как отголосок мысли неземной,
Не вовсе мертвый, не совсем живой;
Холодный взор не видит, но глядит
И всякого, не нравясь, удивит;
В устах нет слов, но быть они должны:
Для слов уста такие рождены;
Смотри: лицо как будто отошло
От полотна, – и бледное чело
Лишь потому не страшно для очей,
Что нам известно: не гроза страстей
Ему дала болезненный тот цвет,
И что в груди сей чувств и сердца нет.
О боже, сколько я видал людей,
Ничтожных – пред картиною моей,
Душа которых менее жила,
Чем обещает вид сего чела.*

«Настанет день – и миром осужденный...»

Настанет день – и миром осужденный,
Чужой в родном краю,
На месте казни – гордый, хоть презренный –
Я кончу жизнь мою;
Виновный пред людьми, не пред тобою,
Я твердо жду тот час;
Что смерть? – лишь ты не изменишь душою –
Смерть не разрознит нас.
Иная есть страна, где предрассудки
Любви не охладят,
Где не отнимет счастья из шутки,
Как здесь, у брата брат.
Когда же весть кровавая примчится
О гибели моей
И как победе станут веселиться
Толпы других людей;
Тогда... Молю! – единою слезою
Почти холодный прах
Того, кто часто с скрытною тоскою
Искал в твоих очах
Блаженства юных лет и сожаленья;
Кто пред тобой открыл
Таинственную душу и мученья,
Которых жертвой был.
Но если, если над моим позором
Смеяться станешь ты
И возмутишь неправедным укором
И речью клеветы
Обиженную тень, – не жди пощады;
Как червь, к душе твоей
Я прилеплюсь, и каждый миг отрады
Несносен будет ей,
И будешь помнить прежнюю беспечность,
Не зная воскресить,
И будет жизнь тебе долга, как вечность,
А всё не будешь жить.

К Д

*Будь со мною, как прежде бывала;
О, скажи мне хоть слово одно,
Чтоб душа в этом слове сыскала,
Что хотелось ей слышать давно;
Если искра надежды хранится
В моем сердце – она оживет;
Если может слеза появиться
В очах – то она упадет.
Есть слова – объяснить не могу я,
Отчего у них власть надо мной;
Их услышав, опять оживу я,
Но от них не воскреснет другой;
О, поверь мне, холодное слово
Уста оскверняет твои,
Как листки у цветка молодого
Ядовитое жало змеи!*

Песня («Желтый лист о стебель бьется...»)

Желтый лист о стебель бьется

Перед бурей;

Сердце бедное трепещет

Пред несчастьем.

Что за важность, если ветер

Мой листок одинокой

Унесет далеко, далеко;

Пожалеет ли об нем

Ветка сирая;

Зачем грустить молодцу,

Если рок судил ему

Угаснуть в краю чужом?

Пожалеет ли об нем

Красна девица?

К Нэере

Скажи, для чего перед нами
Ты в кудри вплетаешь цветы?
Себя ли украсишь ты розой
Прелестной, минутной как ты?
Зачем приводить нам на память,
Что могут ланиты твои
Увянуть; что взор твой забудет
Восторги надежд и любви?
Дивлюсь я тебе: равнодушно,
Беспечно ты смотришь вперед;
Смеешься над временем, будто
Нэеру оно обойдет.
Ужель ты безумным весельем
Прогнать только хочешь порой
Грядущего тени? Ужели
Чужда ты веселью душой?
Пять лет протекут: ни лобзаньем,
Ни сладкой улыбкою глаз
К себе на душистое ложе
Опять не заманишь ты нас.
О, лучше умри поскорее,
Чтоб юный красавец сказал:
«Кто был этой девы милее?
Кто раньше ее умирал?»

Отрывок («Три ночи я провел без сна – в тоске...»)

Три ночи я провел без сна – в тоске,
В молитве, на коленях – степь и небо
Мне были храмом, алтарем курган;
И если б кости, скрытые под ним,
Пробуждены могли быть человеком,
То обожженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю, мертвецы
Вскочили б, загремев одеждой бранной!
О боже! Как? – одна, одна слеза
Была плодом ужасных трех ночей?
Нет, эта адская слеза, конечно,
Последняя, не то три ночи б я
Ее не дожидался. Кровь собратий,
Кровь стариков, растоптанных детей
Отяготела на душе моей,
И приступила к сердцу, и насильно
Заставила его расторгнуть узы
Свои, и в мщенье обратила всё,
Что в нем похоже было на любовь;
Свой замысел пускай я не свершу,
Но он велик – и этого довольно;
Мой час настал – час славы, иль стыда;
Бессмертен, иль забыт я навсегда.
Я вопрошал природу, и она
Меня в свои объятья приняла,
В лесу холодном в грозный час метели
Я сладость пил с ее волшебных уст,
Но для моих желаний мир был пуст,
Они себе предмета в нем не зрели;
На звезды устремлял я часто взор
И на луну, небес ночных убор,
Но чувствовал, что не для них родился;
Я небо не любил, хотя дивился
Пространству без начала и конца,
Завидуя судьбе его творца;
Но, потеряв отчизну и свободу,
Я вдруг нашел себя, в себе одном
Нашел спасенье целому народу;
И утонул деятельным умом
В единой мысли, может быть напрасной

*И бесполезной для страны родной,
Но, как надежда, чистой и прекрасной,
Как вольность, сильной и святой.*

Баллада («В избушке позднею порою...»)

В избушке позднею порою
Славянка юная сидит.
Вдали багровой полосой
На небе зарево горит...
И люльку детскую качая,
Поет славянка молодая...
«Не плачь, не плачь! Иль сердцем чуешь,
Дитя, ты близкую беду!..
О, полно, рано ты тоскуешь:
Я от тебя не отойду.
Скорее мужа я утрачу.
Дитя, не плачь! И я заплачу!
Отец твой стал за честь и бога
В ряду бойцов против татар,
Кровавый след ему дорога,
Его булат блестит, как жар.
Взгляни, там зарево краснеет:
То битва семя смерти сеет.
Как рада я, что ты не в силах
Понять опасности своей,
Не плачут дети на могилах;
Им чужд и стыд и страх цепей;
Их жребий зависти достоин...»
Вдруг шум, – и в двери входит воин.
Брада в крови, избиты латы.
«Свершилось! – восклицает он, –
Свершилось! Торжествуй, проклятый!..
Наш милый край поработен,
Татар мечи не удержали –
Орда взяла, и наши пали».
И он упал – и умирает
Кровавой смертью бойца.
Жена ребенка поднимает
Над бледной головой отца:
«Смотри, как умирают люди,
И мстить учись у женской груди!..»

Силуэт

*Есть у меня твой силуэт,
Мне мил его печальный цвет;
Висит он на груди моей
И мрачен он, как сердце в ней.
В глазах нет жизни и огня,
Зато он вечно близ меня;
Он тень твоя, но я люблю,
Как тень блаженства, тень твою.*

Стансы («Мгновенно пробежав умом...»)

*Мгновенно пробежав умом
Всю цепь того, что прежде было, –
Я не жалею о былом:
Оно меня не усладило.
Как настоящее, оно
Страстями бурными облито
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забытый.
Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою –
Она была моей мечтою.
Как метеор в вечерней мгле,
Она очам моим блеснула
И, бывши всё мне на земле,
Как всё земное, обманула.*

«Как дух отчаянья и зла...»

Как дух отчаянья и зла,

Мою ты душу обняла;

О! Для чего тебе нельзя

Ее совсем взять у меня?

Моя душа твой вечный храм;

Как божество, твой образ там;

Не от небес, лишь от него

Я жду спасенья своего.

«Я не люблю тебя; страстей...»

*Я не люблю тебя; страстей
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Всё жив, хотя бессилен он;
Другим предавшись мечтам,
Я всё забыть его не мог;
Так храм оставленный – всё храм,
Кумир поверженный – всё бог!*

Новогодние мадригалы и эпиграммы

Н. Ф. И

*Дай бог, чтоб вечно вы не знали,
Что значат толки дураков,
И чтоб вам не было печали
От шпор, мундира и усов;
Дай бог, чтоб вас не огорчали
Соперниц ложные красы,
Чтобы у ног вы увидали
Мундир, и шпоры, и усы!*

Бухариной

Не чудно ль, что зовут вас Вера?

Ужели можно верить вам?

Нет, я не дам своим друзьям

Такого страшного примера!..

Поверить стоит раз... Но что ж?

Ведь сам раскаиваться будешь,

Закона веры не забудешь –

И старовером прослывешь!

Трубецкому

*Нет! Мир совсем пошел не так;
Обиняков не понимают;
Скажи не просто: ты дурак, –
За комплимент уж принимают!
Всё то, на чем ума печать,
Они привыкли ненавидеть!
Так стану ж умным называть,
Когда захочется обидеть!..*

Г<-ну> Павлову

Как вас зовут? Ужель поэтом?

Я вас прошу в последний раз,

Не называйтесь так пред светом.

Фиглярюм назовет он вас!

Пускай никто про вас не скажет:

Вот стихотворец, вот поэт:

Вас этот титул только свяжет,

С ним привилегий вовсе нет.

Алябьевой

*Вам красота, чтобы блеснуть,
Дана;
В глазах душа, чтоб обмануть,
Видна!..
Но звал ли вас хоть кто-нибудь:
Она?*

Нарышкиной

Всем жалко вас: вы так устали!

Вы не хотели танцевать –

И целый вечер танцевали!

Как наконец не перестать?..

Но если б все ценить умели

Ваш ум, любезность ваших слов, –

Клянусь бессмертием богов –

Тогда б мазурки опустели.

Толстой

Не даром она, не даром

С отставным гусаром.

Бартеневой

*Скажи мне: где переняла
Ты обольстительные звуки
И как соединить могла
Отзывы радости и муки?
Премудрой мыслию вникал
Я в песни ада, в песни рая,
Но что ж? – нигде я не слышал
Того, что слышал от тебя я!*

Мартыновой

*Когда поспорить вам придется,
Не спорьте никогда о том,
Что невозможно быть с умом
Тому, кто в этом признается;
Кто с вами раз поговорил,
Тот с вами вечно спорить будет,
Что ум ваш вечно не забудет
И что другое всё забыл!*

Додо

Умеешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нежной оживить;
Умеешь ты польстить случайно
С холодной важностью лица
И умника унижить тайно,
Взяв пылко сторону глупца!
Талисмане

[34]

Как над пучиною мятежной
Свободный парус челнока,
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понял север хладный;
В наш круг ты брошена судьбой,
Как божество страны чужой,
Как в день печали миг отрадный!

Башилову

*Вы старшина собрания верно,
Так я прошу вас объявить,
Могу ль я здесь нелицемерно
В глаза всем правду говорить?
Авось, авось займет нас делом
Иль хоть забавит новый год,
Когда один в собрание целом
Ему навстречу не солжет;
Итак, я вас не поздравляю;
Что год сей даст вам – знает бог.
Зато минувший, уверяю,
Отмстил за вас как только мог!*

Кропоткиной

Я оклеветан перед вами;

Как оправдаться я могу?

Ужели клятвами, словами?

Но как же! – я сегодня лгу!..

Щербатовой

*Поверю ль я, чтоб вы хотели
Покинуть общество Москвы,
Когда от самой колыбели
Ее кумиром были вы? –
Что даст вам скучный брег Невы:
Ужель там больше веселятся,
Ужели балов больше там?
Нет! Как мудрец скажу я вам:
Гораздо лучше оставаться.*

Булгакову

*На вздор и шалости ты хват
И мастер на безделки,
И, шутовской надев наряд,
Ты был в своей тарелке;
За службу долгую и труд
Авось на место класса
Тебе, мой друг, по смерти дадут
Чин и мундир паяса.*

Сабуровой

*Как? Вы поэта огорчили
И не наказаны потом?
Три года ровно вы шутили
Его любовью и умом?
Нет! Вы не поняли поэта,
Его души печальный сон;
Вы небом созданы для света,
Но не для вас был создан он!..*

Уваровой

*Вы мне однажды говорили,
Что не привыкли в свете жить:
Не спорю в этом; – но не вы ли
Себя заставили любить?
Всё, что привычкою другие
Приобретают, – вы душой;
И что у них слова пустые,
То не обман у вас одной!*

«Вы не знавали князь Петра...»

*

*Вы не знавали князь Петра;
Танцует, пишет он порою,
От ног его и от пера
Московским дурам нет покою;
Ему устать бы уж пора,
Ногами – но не головою.*

Стихотворения, 1830–1831

Звезда («Вверху одна...»)

Вверху одна
Горит звезда;
Мой взор она
Манит всегда;
Мои мечты
Она влечет
И с высоты
Меня зовет!
Таков же был
Тот нежный взор,
Что я любил
Судьбе в укор.
Мук никогда
Он зреть не мог,
Как та звезда,
Он был далек.
Усталых вежд
Я не смыкал
И без надежд
К нему взирал!

Раскаянье

К чему мятежное роптанье,
Укор владеющей судьбе?
Она была добра к тебе,
Ты создал сам свое страданье.
Бессмысленный, ты обладал
Душою чистой, откровенной,
Всеобщим злом не зараженной,
И этот клад ты потерял.
Огонь любви первоначальной
Ты в ней решился зародить
И далее не мог любить,
Достигнув цели сей печальной.
Ты презрел всё; между людей
Стоишь, как дуб в стране пустынной,
И тихий плач любви невинной
Не мог потрясть души твоей.
Не дважды бог дает нам радость,
Взаимной страстью веселя;
Без утешения, томя,
Пройдет и жизнь твоя, как младость.
Ее лобзанье встретишь ты
В устах обманщицы прекрасной,
И будут пред тобой всечасно
Предмета первого черты.
О, вымоли ее прощенье,
Пади, пади к ее ногам,
Не то ты приготовишь сам
Свой ад, отвергнув примиренье.
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежним чувствам нет возврата,
Ты вечно первую утрату
Не будешь в силах заменить.

Венеция

1

*Поверхностью морей отражена,
Богатая Венеция почила,
Сырой туман дымился, и луна
Высокие твердыни осребрила.
Чуть виден бег далекого ветрила,
Студеная вечерняя волна
Едва шумит под веслами гондолы
И повторяет звуки баркаролы.*

2

*Мне чудится, что это ночи стон,
Как мы, своим покоем недовольной,
Но снова песнь! И вновь гитары звон!
О бойтесь, мужа, сей песни вольной.
Советую, хотя мне это больно,
Не выпускать красавиц ваших жен;
Но если вы в сей миг неверны сами,
Тогда, друзья! Да будет мир меж вами!*

3

*[35]
И мир с тобой, лукавая Мелина.
Неситесь по прихоти морей,
Любовь нередко бережет пучина;
Хоть и над морем царствует судьбина,
Гонитель вечный счастливых людей,
Но талисман пустынного лобзанья
Уводит сердца темные мечтанья.*

4

*Рука с рукой, свободу дав очам,
Сидят в ладье и шепчут меж собою;
Она вверяет месячным лучам
Младую грудь с пленительной рукою,
[36]
Чтоб юношу сильнее прижать к устам;
Меж тем вдали, то грустный, то веселый,*

Раздался звук обычной баркаролы:

Как в дальнем море ветерок,

Свободен вечно мой челнок;

Как реки быстрое русло,

Не устает мое весло.

Гондола по воде скользит,

А время по любви летит;

Опять сравнивается вода,

Страсть не воскреснет никогда.

«Я видел раз ее в веселом вихре бала...»

*Я видел раз ее в веселом вихре бала;
Казалось, мне она понравиться желала;
Очей приветливость, движений быстрота,
Природный блеск ланит и груди полнота –
Всё, всё наполнило б мне ум очарованьем,
Когда б совсем иным, бессмысленным желаньем
Я не был угнетен; когда бы предо мной
Не пролетала тень с насмешкою пустой,
Когда б я только мог забыть черты другие,
Лицо бесцветное и взоры ледяные!..*

Подражание Байрону

Не смейся, друг, над жертвою страстей,
Венец терновый я сужден влачить;
Не быть ей вечно у груди моей,
И что ж, я не могу другой любить.
Как цепь гремит за узником, за мной
Так мысль о будущем, и нет иной.
Я вижу длинный ряд тяжелых лет,
А там людьми презренный гроб, он ждет.
И до него надежды нет, и нет
За ним того, что ожидает тот,
Кто жил одной любовью, погубил
Всё в жизни для нее, а всё любил.
И вынести мог сей взор ледяный я
И мог тогда ей тем же отвечать.
Увижу на руках ее дитя
И стану я при ней его ласкать,
И в каждой ласке мать узнает вновь,
Что время не могло унести любовь!..

К Дурнову

*Довольно любил я, чтоб вечно грустить,
Для счастья же мало любил,
Но полно, что пользы мне душу открыть,
Зачем я не то, что я был?
В вечернее время, в час первого сна,
Как блещет туман средь долин,
На месте, где прежде бывала она,
Брожу беспокоен, один.
Тогда ты глаза и лицо примечай,
Движенья спеши понимать,
И если тебе удалось... То ступай!
Я больше не мог бы сказать.*

Арфа

I

*Когда зеленый дерн мой скроет прах,
Когда, простясь с недолгим бытием,
Я буду только звук в твоих устах,
Лишь тень в воображении твоём;
Когда друзья молодые на пирах
Меня не станут поминать вином,
Тогда возьми простую арфу ты,
Она была мой друг и друг мечты.*

II

*Повесь ее в дому против окна,
Чтоб ветер осени играл над ней
И чтоб ему ответила она
Хоть отголоском песен прошлых дней;
Но не проснется звонкая струна
Под белоснежною рукой твоей,
Затем что тот, кто пел твою любовь,
Уж будет спать, чтоб не проснуться вновь.*

«На темной скале над шумящим Днепром...»

На темной скале над шумящим Днепром

Растет деревцо молодое;

Деревцо мое ветер ни ночью, ни днем

Не может оставить в покое;

И, лист обрывая, ломает и гнет,

Но с берега в волны никак не сорвет.

Таков несчастливец, гонимый судьбой;

Хоть взяты желанья могилой,

Он должен влачить, одинок под луной,

Обломки сей жизни остылой;

Он должен надежды свои пережить

И с любовью в сердце бояться любить!

Песня («Не знаю, обманут ли был я...»)

I

*Не знаю, обманут ли был я,
Осмеян тобой или нет,
Но клянуся, что сам любил я,
И остался от этого след.
Заклинаю тебя всем небесным,
И всем, что не сбудется вновь,
И счастьем мне не известным,
О, прости мне мою любовь.*

II

*Ты не веришь словам без искусства,
Но со временем эти листы
Тебе объяснят мои чувства
И то, что отвергнула ты.
И ты вздохнешь, может статься,
С слезою на ясных очах
О том, кто не будет нуждаться
Ни в печали чужой, ни в слезах.*

III

*И мир не увидит холодный
Ни желанье, ни грусть, ни мечты
Души молодой и свободной,
С тех пор как не видишь их ты.
Но если бы я возвратился
Ко дням позабытых тревог,
Вновь так же страдать я б решился
И любить бы иначе не мог.*

Пир Асмодея

(Сатира)

*У беса праздник. Скачет представляться
Чертей и душ усопших мелкий сброд,
Кухмейстеры за кушаньем трудятся,
Прозябнувши, придворный в зале ждет.
И вот за стол все по чинам садятся,
И вот лакей картофель подает,
Затем что самодержец Мефистофель
Был родом немец и любил картофель.
По правую сидел приезжий <Павел>,
По левую начальник докторов,
Великий Фауст, муж отличных правил
(Распространять сужденья дураков
Он средство нам превечное доставил).
Сидят. Вдруг настезь дверь и звук шагов:
Три демона, войдя с большим поклоном,
Кладут свои подарки перед троном.*

1-ый демон

(говорит)

*Вот сердце женщины: она искала
От неба даже скрыть свои дела
И многим это сердце обещала
И никому его не отдала.
Она себе беды лишь не желала,
Лишь злобе до конца верна была.
Не откажись от скромного даянья,
Хоть эта вещь не стоила названья.*

[37]

*С презрительной улыбкою своей.
«Подарок твой подарок был бы славный,
Но новизна царица наших дней;
И мало ли случалось недавно,
И как не быть приятных мне вестей;
Я думаю, слышали даже стены
Про эти бесконечные измены».*

2-ой демон

*На стол твой я принес вино свободы;
Никто не мог им жажды утолить,
Его земные опились народы
И начали в куски короны бить;*

Но как помочь? Кто против общей моды?
И нам ли разрушение усыпить?
Прими ж напиток сей, земли властитель,
Единственный мой царь и повелитель.
Тут все цари невольно взбеленились,
С тарелками вскочили с мест своих,
Бояся, чтобы черти не напились,
Чтоб и отсюда не прогнали их.
Придворные в молчании косились,
Смекнув, что лучше прочь в подобный миг;
Но главный бес с геройскою ухваткой
На землю выплеснул напиток сладкой.

3-ий демон

В Москву болезнь холеру притащили.
Врачи вступились за нее тотчас,
Они морили и они лечили
И больше уморили во сто раз.
Один из них, которому служили
Мы некогда, вовремя вспомнил нас,
И он кого-то хлору пить заставил
И к прадедам здорового отправил.
Сказал и подает стакан фатальный
Властителю поспешною рукой.
«Так вот сосуд любезный и печальный,
Драгой залог науки докторской.
Благодарю. Хотя с полночи дальной,
Но мне милее всех подарок твой».
Так молвил Асмодей и всё смеялся,
Покуда пир вечерний продолжался.

Сон («Я видел сон: прохладный гаснул день...»)

*Я видел сон: прохладный гаснул день,
От дома длинная пожилась тень,
Луна, взойдя на небе голубом,
Играла в стеклах радужным огнем;
Всё было тихо, как луна и ночь,*

[38]

*И на большом крыльце меж двух колонн
Я видел деву; как последний сон
Души, на небо призванной, она
Сидела тут пленительна, грустна;
Хоть, может быть, притворная печаль
Блестела в этом взоре, но едва ль.
Ее рука так трепетна была,
И грудь ее младая так тепла;
У ног ее (ребенок, может быть)
Сидел... Ах! Рано начал он любить,
Во цвете лет, с привязчивой душой,
Зачем ты здесь, страдалец молодой?
И он сидел, и с страхом руку жал,
И глаз ее движенья провожал.
И не прочел он в них судьбы завет,
Мучение, заботы многих лет,
Болезнь души, потоки горьких слез,
Всё, что оставил, всё, что перенес;
И дорожил он взглядом тех очей,
Причиною погибели своей...*

На картину Рембрандта

Ты понимал, о мрачный гений,
Тот грустный безотчетный сон,
Порыв страстей и вдохновений,
Всё то, чем удивил Байрон.
Я вижу лик полуоткрытый
Означен резкою чертой;
То не беглец ли знаменитый
В одежде инок святой?
Быть может, тайным преступленьем
Высокий ум его убит;
Всё темно вокруг: тоской, сомненьем
Надменный взгляд его горит.
Быть может, ты писал с природы
И этот лик не идеал!
Или в страдальческие годы
Ты сам себя изображал?
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнет взор,
И этот труд необычайный
Бездушным будет злой укор.

К *** («О, полно извинять разврат...»)

*О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец – не твой венец.
Изгнанием из страны родной
Хвались повсюду, как свободой;
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло, и перед злом
Ты гордым не поник челом.
Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.*

Прощанье («Прости, прости!...»)

Прости, прости!

О, сколько мук

Произвести

Сей может звук.

В далекий край

Уносишь ты

Мой ад, мой рай,

Мои мечты.

Твоя рука

От уст моих

Так далека,

О, лишь на миг,

Прошу, приди

И оживи

В моей груди

Огонь любви.

Я здесь больной,

Один, один,

С моей тоской,

Как властелин.

Разлуку я

Переживу ль,

И ждать тебя

Назад могу ль?

Пусть я прижму

Уста к тебе

И так умру

Назло судьбе.

Что за нужда?

Прощанья час

Пускай тогда

Застанет нас!

К приятелю

*Мой друг, не плачь перед разлукой
И преждевременною мукой
Младое сердце не тревожь,
Ты сам же после осмеешь
Тоску любви легковерной,
Которая закралась в грудь.
Что раз потеряно, то, верно,
Вернется к нам когда-нибудь.
Но невиновен рок бывает,
Что чувство в нас неглубоко,
Что наше сердце изменяет
Надеждам прежним так легко,
Что, получив опять предметы,
Недавно взятые судьбой,
Не узнаём мы их приметы,
Не прельщены их красотой;
И даже прежнему пристрастью
Не верим слабою душой,
И даже то относим к счастью,
Что нам казалось бедой.*

Смерть («Оборвана цепь жизни молодой...»)

Оборвана цепь жизни молодой,
Окончен путь, бил час, пора домой,
Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечности, ни лет;
Где нет ни ожиданий, ни страстей,
Ни горьких слез, ни славы, ни честей;
Где вспоминанье спит глубоким сном,
И сердце в тесном доме гробовом
Не чувствует, что червь его грызет.
Пора. Устал я от земных забот.
Ужель бездушных удовольствий шум,
Ужели пытки бесполезных дум,
Ужель самолюбивая толпа,
Которая от мудрости глупа,
Ужели дев коварная любовь
Прельстят меня перед кончиной вновь?
Ужели захочу я жить опять,
Чтобы душой по-прежнему страдать
И столько же любить? Всесильный бог,
Ты знал: я долее терпеть не мог;
Пускай меня обхватит целый ад,
Пусть буду мучиться, я рад, я рад,
Хотя бы вдвое против прошлых дней,
Но только дальше, дальше от людей.

Волны и люди

Волны катятся одна за другою

С плеском и шумом глухим;

Люди проходят ничтожной толпою

Также один за другим.

Волнам их воля и холод дороже

Знойных полудня лучей;

Люди хотят иметь души... И что же?

Души в них волн холодней!

Звуки

Что за звуки! Неподвижен внемлю
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя.
Всемогущий! Что за звуки! Жадно
Сердце ловит их,
Как в пустыне путник безотрадной
Каплю вод живых!
И в душе опять они рождают
Сны веселых лет
И в одежду жизни одевают
Всё, чего уж нет.
Принимают образ эти звуки,
Образ милый мне;
Мнится, слышу тихий плач разлуки,
И душа в огне.
И опять безумно упиваюсь
Ядом прежних дней,
И опять я в мыслях полагаюсь
На слова людей.

11 июля

Между лиловых облаков
Однажды вечера светило
За снежной цепью холмов,
Краснея ярко, заходило,
И возле девы молодой,
Последним блеском озаренной,
Стоял я бледный, чуть живой,
И с головы ее бесценной
Моих очей я не сводил.
Как долго это я мгновенье
В туманной памяти хранил.
Ужель всё было сновиденье:
И ложе девы, и окно,
И трепет милых уст, и взгляды,
В которых мне запрещено
Судьбой искать себе отрады?
Нет, только счастье ослепить
Умеет мысли и желанья,
И сном никак не может быть
Всё, в чем хоть искра есть страданья!

Первая любовь

*В ребячестве моем тоску любви знойной
Уж стал я понимать душою беспокойной;
На мягком ложе сна не раз во тьме ночной,
При свете трепетном лампы образной,
Воображением, предчувствием томимый,
Я предавал свой ум мечте непобедимой.
Я видел женский лик, он хладен был как лед,
И очи – этот взор в груди моей живет;
Как совесть, душу он хранит от преступлений;
Он след единственный младенческих видений,
И деву чудную любил я, как любить
Не мог еще с тех пор, не стану, может быть.
Когда же улетал мой призрак драгоценный,
Я в одиночестве кидал свой взгляд смущенный
На стены желтые, и мнилось, тени с них
Сходили медленно до самых ног моих.
И мрачно, как они, воспоминанье было
О том, что лишь мечта и между тем так мило.*

Поле Бородина

1

*Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.
Шумела буря до рассвета;
Я, голову подняв с лафета,
Товарищу сказал:
«Брат, слушай песню непогоды:
Она дика, как песнь свободы».
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищ не слышал.*

2

*Пробили зорю барабаны,
Восток туманный побелел,
И от врагов удар неожиданный
На батарею прилетел.
И вождь сказал перед полками:
«Ребята, не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали».
И мы погибнуть обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.*

3

*Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я, вспомня, леденею весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь.
Безмолвно мы ряды сомкнули,
Гром грянул, завизжали пули,
Перекрестился я.
Мой пал товарищ, кровь лилася,
Душа от мщенья тряслась,
И пуля смерти понеслася
Из моего ружья.*

4

Марш, марш! Пошли вперед, и боле
Уж я не помню ничего.
Шесть раз мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена, как тени,
Я спорил о могильной сени,
В дыму огонь блестел,
На пушки конница летала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

5

Живые с мертвыми сравнялись;
И ночь холодная пришла,
И тех, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали,
Противник отступил:
Но день достался нам дороже!
В душе сказав: помилуй боже!
На труп застывший, как на ложе,
Я голову склонил.

6

И крепко, крепко наши спали
Отчизны в роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали!
Но этим не могли помочь.
Однако же в преданьях славы
Всё громче Рымника, Полтавы
Бородино.
Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи
Изгладится оно.

Мой дом

*Мой дом везде, где есть небесный свод,
Где только слышны звуки песен,
Всё, в чем есть искра жизни, в нем живет,
Но для поэта он не тесен.
До самых звезд он кровлей достигает,
И от одной стены к другой
Далекий путь, который измеряет
Жилец не взором, но душой.
Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, течение века
Объемлет в краткий миг оно.
И всемогущим мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,
И осужден страдать я долго в нем,
И в нем лишь буду я спокоен.*

Смерть («Ласкаемый цветущими мечтами...»)

Ласкаемый цветущими мечтами,
Я тихо спал и вдруг я пробудился,
Но пробуждение тоже было сон;
И думая, что цепь обманчивых
Видений мной разрушена, я вдвое
Обманут был воображеньем, если
творит
Тот новый мир, который заставляет
Нас презирать бесчувственную землю.
Казалось мне, что смерть дыханьем холодным
Уж начинала кровь мою студить;
Не часто сердце билось, но крепко,
С болезненным каким-то содроганьем,
И тело, видя свой конец, старалось
Вновь удержать души нетерпеливой
Порывы, но товарищу былому
С досадою душа внимала, и укоры
Их расставанье сделали печальным.
Между двух жизней в страшном промежутке
Надежд и сожалений, ни об той,
Ни об другой не мыслил я, одно
Сомненье волновало грудь мою,
Последнее сомненье! Я не мог
Понять, как можно чувствовать блаженство
Иль горькие страдания далеко
От той земли, где в первый раз я понял,
Что я живу, что жизнь моя безбрежна,
Где жадно я искал самопознания,
Где столько я любил и потерял,
Любил согласно с этим бренным телом,
Без коего любви не понимал я.
Так думал я и вдруг душой забылся,
И чрез мгновенье снова жил я,
Но не видал вокруг себя предметов
Земных и более не помнил я
Ни боли, ни тяжелых беспокойств
О будущей судьбе моей и смерти:
Всё было мне так ясно и понятно
И ни о чем себя не вопрошал я,
Как будто бы вернулся я туда,

Где долго жил, где всё известно мне,
И лишь едва чувствительная тягость
В моем полете мне напоминала
Мое земное краткое изгнание.
Вдруг предо мной в пространстве бесконечном
С великим шумом развернулась книга
Под неизвестною рукой. И много
Написано в ней было. Но лишь мой
Ужасный жребий ясно для меня
Начертан был кровавыми словами:
Бесплотный дух, иди и возвратись
На землю. Вдруг пред мной исчезла книга,
И опустело небо голубое;
Ни ангел, ни печальный демон ада
Не пересекал крылом полей воздушных,
Лишь тусклые планеты, пробегая,
Едва кидали искру на пути.
Я вздрогнул, прочитав свой жребий.
Как? Мне лететь опять на эту землю,
Чтоб увидеть ряды тех зол, которым
Причиной были детские ошибки?
Увижу я страдания людей
И тайных мук ничтожные причины,
И к счастью людей увижу средства,
И невозможно будет научить их.
Но так и быть, лечу на землю. Первый
Предмет – могила с пышным мавзолеем,
Под коим труп мой люди схоронили.
И захотелось мне в гроб проникнуть,
И я сошел в темницу, длинный гроб,
Где гнил мой труп, и там остался я.
Здесь кость была уже видна, здесь мясо
Кусками синее висело, жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью.
С отчаяньем сидел я и взираю,
Как быстро насекомые роились
И жадно поедали пищу смерти.
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп.
И что же? Каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.

Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего ее печаль и радость,
И я помочь желал, но тщетно, тщетно.
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем, и черви умножались,
И спорили за пищу остальную,
И смрадную, сырую кожу грызли.
Остались кости, и они исчезли,
И прах один лежал наместо тела.
Одной исполнен мрачною надеждой,
Я припадал на бренные остатки,
Стараясь их дыханием согреть
Иль оживить моей бессмертной жизнью;
О, сколько б отдал я тогда земных
Блаженств, чтоб хоть одну, одну минуту
Почувствовать в них теплоту. Напрасно,
Закону лишь послушные, они
Остались хладны, хладны, как презренье.
Тогда изрек я дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех людей.
С отчаяньем бессмертья долго, долго,
Жестокого свидетель разрушенья,
Я на творца роптал, страхась молиться,
И я хотел изречь хулы на небо,
Хотел сказать...
проснулся.

Стансы («Мне любить до могилы творцом суждено...»)

Мне любить до могилы творцом суждено,
Но по воле того же творца
Всё, что любит меня, то погибнуть должно
Иль, как я же, страдать до конца.
Моя воля надеждам противна моим,
Я люблю и боюсь быть взаимно любим.
На пустынной скале незабудка весной
Одна без подруг расцвела,
И ударила буря и дождь проливной,
И как прежде недвижна скала;
Но красивый цветок уж на ней не блестит,
Он ветром надломлен и градом убит.
Так точно и я под ударом судьбы,
Как утес, неподвижен стою,
Но не мысли никто перенести сей борьбы,
Если руку пожмет он мою;
Я не чувств, но поступков своих властелин,
Я несчастлив пусть буду – несчастлив один.

Солнце осени

*Люблю я солнце осени, когда,
Меж тучек и туманов пробираясь,
Оно кидает бледный, мертвый луч
На дерево, колеблемое ветром,
И на сырую степь. Люблю я солнце,
Есть что-то схожее в прощальном взгляде
Великого светила с тайной грустью
Обманутой любви; не холодней
Оно само собою, но природа
И всё, что может чувствовать и видеть,
Не могут быть согреты им; так точно
И сердце: в нем всё жив огонь, но люди
Его понять однажды не умели,
И он в глазах блеснуть не должен вновь
И до ланит он вечно не коснется.
Зачем вторично сердцу подвергать
Себя насмешкам и словам сомненья?*

Поток

*Источник страсти есть во мне
Великий и чудесный;
Песок серебряный на дне,
Поверхность лик небесный;
Но беспрестанно быстрый ток
Воротит и крутит песок,
И небо над водами
Одето облаками.
Родится с жизнью этот ключ
И с жизнью исчезает;
В ином он слаб, в другом могуч,
Но всех он увлекает;
И первый счастлив, но такой
Я праздный отдал бы покой
За несколько мгновений
Блаженства иль мучений.*

К *** («Не ты, но судьба виновата была...»)

Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мне изменила,
Она тебе прелести женщин дала,
Но женское сердце вложила.
Как в море широком следы челнока,
Мгновенье его впечатленья,
Любовь для него, как веселье, легка,
А горе не стоит мгновенья.
Но в час свой урочный узнает оно
Цепей неизбежное бремя.
Прости, нам расстаться теперь суждено,
Расстаться до этого время.
Тогда я опять появлюсь пред тобой,
И речь моя ум твой встревожит,
И пусть я услышу ответ роковой,
Тогда ничего не поможет.
Нет, нет! Милый голос и пламенный взор
Тогда своей власти лишатся;
Вослед за тобой побежит мой укор,
И в душу он будет впиваться.
И мщенье, напомнив, что я перенес,
Уста мои к смеху принудит,
Хоть эта улыбка всех, всех твоих слез
Гораздо мучительней будет.

Ночь («В чугу́н печальный сторож бьет...»)

*В чугу́н печальный сторож бьет,
Один я внемлю. Глухо лают
Вдали собаки. Мрачен свод
Небес, и тучи пробегают
Одна безмолвно за другой,
Сливаясь под ночною мглой.
Колеблет ветер влажный, душный
Верхи дерев, и с воем он
Стучит в оконницы. Мне скушно,
Мне тяжко бденье, страшен сон;
Я не хочу, чтоб сновиденье
Являло мне ее черты;
Нет, я не раб моей мечты,
Я в силах перенести мученье
Глубоких дум, сердечных ран,
Всё, – только не ее обман.
Я не скажу «прости» надежде,
Молве не верю; если прежде
Она могла меня любить,
То ей ли можно изменить?
Но отчего же? Разве нету
Примеров, первый ли урок
Во мне теперь дается свету?
Как я забыт, как одинок.
<Шуми>, шуми же, ветер ночи,
Играй свободно в небесах
И освежи мне грудь и очи.
В груди огонь, слеза в очах,
Давно без пищи этот пламень,
И слезы падают на камень.*

К себе

*Как я хотел себя уверить,
Что не люблю ее, хотел
Неизмеримое измерить,
Любви безбрежной дать предел.
Мгновенное пренебреженье
Ее могущества опять
Мне доказало, что влечение
Души нельзя нам побеждать;
Что цепь моя несокрушима,
Что мой теперешний покой
Лишь глас залетный херувима
Над сонной демонов толпой.*

«Душа моя должна прожить в земной неволе...»

*Душа моя должна прожить в земной неволе
Не долго. Может быть, я не увижу боле
Твой взор, твой милый взор, столь нежный для других,
Звезду приветную соперников моих;
Желаю счастья им. Тебя винить безбожно
За то, что мне нельзя всё, всё, что им возможно;
Но если ты ко мне любовь хотела скрыть,
Казаться хладною и в тишине любить,
Но если ты при мне смеялась надо мною,
Тогда как внутренно полна была тоскою,
То мрачный мой тебе пускай покажет взгляд,
Кто более страдал, кто боле виноват!*

Песня («Колокол стонет...»)

*Колокол стонет,
Девушка плачет,
И слезы по четкам бегут.
Насильно,
Насильно
От мира в обители скрыта она,
Где жизнь без надежды и ночи без сна.
Так мое сердце
Грудь беспокоит
И бьется, бьется, бьется.
Велела,
Велела
Судьба мне любовь от него оторвать
И деву забыть, хоть тому не бывать.
Смерть и бессмертье,
Жизнь и погибель
И деве и сердцу ничто;
У сердца
И девы
Одно лишь страданье, один лишь предмет:
Ему счастья надо, ей надобен свет.*

«Пускай поэта обвиняет...»

*Пускай поэта обвиняет
Насмешливый, безумный свет,
Никто ему не помешает,
Он не услышит мой ответ.
Я сам собою жил доныне,
Свободно мчится песнь моя,
Как птица дикая в пустыне,
Как вдаль по озеру ладья.
И что за дело мне до света,
Когда сидишь ты предо мной,
Когда рука моя согрета
Твоей волшебною рукой;
Когда с тобой, о дева рая,
Я провожу небесный час,
Не беспокоясь, не страдая,
Не отворачивая глаз.*

Слава

К чему ищу так славы я?
Известно, в славе нет блаженства,
Но хочет всё душа моя
Во всем дойти до совершенства.
Пронзая будущего мрак,
Она бессильная страдает
И в настоящем всё не так,
Как бы хотелось ей, встречает.
Я не страшился бы суда,
Когда б уверен был веками,
Что вдохновенного труда
Мир не обидит клеветами;
Что станут верить и внимать
Повествованью горькой муки
И не осмелятся равнять
С земным небес живые звуки.
Но не достигну я ни в чем
Того, что так меня тревожит:
Всё кратко на шару земном,
И вечно слава жить не может.
Пускай поэта грустный прах
Хвалою освятит потомство,
Где ж слава в кратких похвалах?
Людей известно вероломство.
Другой заставит позабыть
Своею песнию высокой
Певца, который кончил жить,
Который жил так одинокой.

Вечер

*Когда садится алый день
За синий край земли,
Когда туман встает и тень
Скрывает всё вдали,
Тогда я мыслю в тишине
Про вечность и любовь
И чей-то голос шепчет мне:
Не будешь счастлив вновь.
И я гляжу на небеса
С покорною душой,
Они свершали чудеса,
Но не для нас с тобой,
Не для ничтожного глупца,
Которому твой взгляд
Дороже будет до конца
Небесных всех наград.*

«Унылый колокола звон...»

Унылый колокола звон

В вечерний час мой слух невольно потрясает,

Обманутой душе моей напоминает

И вечность и надежду он.

И если ветер, путник одинокой,

Вдруг по траве кладбища пробежит,

Он сердца моего не холодит:

Что в нем живет, то в нем глубоко.

Я чувствую – судьба не умертвит

Во мне возросший деятельный гений;

Но что его на свете сохранит

От хитрой клеветы, от скучных наслаждений,

От истощительных страстей,

От языка ласкателей развратных

И от желаний, непонятных

Умам посредственных людей?

Без пищи должен яркий пламень

Погаснуть на скале сырой:

Холодный слушатель есть камень,

Попробуй раз, попробуй и открой

Ему источники сердечного блаженства,

Он станет толковать, что должно ощутить;

В простом не видя совершенства,

Он не привык прекрасное ценить,

Как тот, кто в грудь втеснить желал бы всю природу,

Кто силится купить страданием своим

И гордою победой над земным

Божественной души безбрежную свободу.

«Хоть давно изменила мне радость...»

*Хоть давно изменила мне радость,
Как любовь, как улыбка людей,
И померкнуло прежде, чем младость,
Светило надежды моей;
Но судьбу я и мир презираю,
Но нельзя им унижить меня,
И я хладно приход ожидаю
Кончины иль лучшего дня.
Словам моим верить не станут,
Но клянуся в нелживости их:
Кто сам был так часто обманут,
Обмануть не захочет других.
Пусть жизнь моя в бурях несется,
Я беспечен, я знаю давно,
Пока сердце в груди моей бьется,
Не увидит блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоит того, может быть,
Чья душа слишком пылко любила,
Чтобы мог его мир полюбить.*

Звуки и взор

*О, полно ударять рукой
По струнам арфы золотой.
Смотри, как сердце воли просит,
Слеза катится из очей;
Мне каждый звук опять приносит
Печали пролетевших дней.
Нет, лучше с трепетом любви
Свой взор на мне останови,
Чтоб роковое вспоминанье
Я в настоящем утопил
И всё свое существованье
В единый миг переселил.*

Земля и Небо

*Как землю нам больше небес не любить?
Нам небесное счастье темно;
Хоть счастье земное и меньше в сто раз,
Но мы знаем, какое оно.
О надеждах и муках былых вспоминать
В нас тайная склонность кипит;
Нас тревожит неверность надежды земной.
А краткость печали смешит.
Страшна в настоящем бывает душе
Грядущего темная даль;
Мы блаженство желали б вкусить в небесах,
Но с миром расстаться нам жаль.
Что во власти у нас, то приятнее нам,
Хоть мы ищем другого порой,
Но в час расставанья мы видим ясней,
Как оно породнилось с душой.*

К *** («Дай руку мне, склонись к груди поэта...»)

*Дай руку мне, склонись к груди поэта,
Свою судьбу соедини с моей:
Как ты, мой друг, я не рожден для света
И не умею жить среди людей;
Я не имел ни время, ни охоты
Делить их шум, их мелкие заботы,
Любовь мое всё сердце заняла,
И что ж, взгляни на бледный цвет чела.
На нем ты видишь след страстей уснувших,
Так рано обуявших жизнь мою;
Не льстит мне вспоминанье дней минувших,
Я одинок над пропастью стою,
Где всё мое подавлено судьбою;
Так куст растет над бездною морскою
И лист, грозой оборванный, плывет
По произволу странствующих вод.*

Из Андрея Шенье

За дело общее, быть может, я паду
Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу;
Быть может, клеветой лукавой пораженный,
Пред миром и тобой врагами униженный,
Я не снесу стыдом сплетаемый венец
И сам себе сыщу безвременный конец;
Но ты не обвиняй страдальца молодого,
Молю, не говори насмешливого слова.
Ужасный жребий мой твоих достоин слез,
Я много сделал зла, но больше перенес.
Пускай виновен я пред гордыми врагами,
Пускай отмстят; в душе, клянуся небесами,
Я не злодей, о нет, судьба губитель мой;
Я грудью шел вперед, я жертвовал собой;
Наскучив суетой обманчивого света,
Торжественно не мог я не сдержать обета;
Хоть много причинил я обществу вреда,
Но верен был тебе всегда, мой друг, всегда;
В уединении, среди толпы мятежной,
Я всё тебя любил и всё любил так нежно.

К *** («Не медли в дальней стороне...»)

Не медли в дальней стороне,
Молю, мой друг, спеши сюда.
Ты взгляд мгновенный кинешь мне,
А там простимся навсегда.
И я, поймавши этот взор
И речь последнюю твою,
Хотя б она была укор,
Их вместе в сердце схороню.
И в день печали роковой
Твой взор, умеющий язвить,
Воображу перед собой
И стану речь твою твердить.
И вновь мечтанье сблизит нас,
И вспомню, вспомню я тогда,
Как встретились мы в первый раз
И как расстались навсегда.

Сосед

Погаснул день на вышинах небесных,
Звезда вечерняя лиет свой тихий свет;
Чем занят бедный мой сосед?
Чрез садик небольшой, между ветвей древесных,
Могу заметить я, в его окне
Блестит огонь; его простая келья
Чужда забот и светского веселья,
И этим нравится он мне.
Прохожие об нем различно судят,
И все его готовы порицать,
Но их слова соседа не принудят
Лампаду ранее иль позже зажигать.
И только я увижу свет лампы,
Сажусь тотчас у своего окна,
И в этот миг таинственной отрады
Душа моя мятежная полна.
И мнится мне, что мы друг друга понимаем,
Что я и бедный мой сосед,
Под бременем одним страдая, увядаем,
Что мы знакомы с давних лет.

Стансы («Не могу на родине томиться...»)

Не могу на родине томиться,
Прочь отсель, туда, в кровавый бой.
Там, быть может, перестанет биться
Это сердце, полное тобой.
Нет, я не прошу твоей любви,
Нет, не знай губительных страстей;
Видеть смерть мне надо, надо крови,
Чтоб залить огонь в груди моей.
Пусть паду, как ратник, в бранном поле.
Не оплакан светом буду я,
Никому не будет в тягость боле
Буря чувств моих и жизнь моя.
Юных лет святыя обещанья
Прекратит судьба на месте том,
Где без дум, без вопля, без роптанья
Я усну давно желанным сном.
Так, но если я не позабуду
В этом сне любви печальный сон,
Если образ твой всегда повсюду
Я носить с собою осужден;
Если там в пределах отдаленных,
Где душа должна блаженство пить,
Тяжких язв, на ней напечатленных,
Невозможно будет излечить;
О, взгляни приветно в час разлуки
На того, кто с гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,
Кто умрет за честь страны родной;
Кто, бывало, в тайном упоенье,
На тебя вперив свой влажный взгляд,
Возбуждал людское сожаленье
И твоей улыбке был так рад.

Мой демон (1830–1831)

1

*Собрание зол его стихия;
Носясь меж темных облаков,
Он любит бури роковые
И пену рек и шум дубров;
Он любит пасмурные ночи,
Туманы, бледную луну,
Улыбки горькие и очи,
Безвестные слезам и сну.*

2

*К ничтожным хладным толкам света
Привык прислушиваться он,
Ему смешны слова привета
И всякий верящий смешон;
Он чужд любви и сожаленья,
Живет он пищею земной,
Глотает жадно дым сраженья
И пар от крови пролитой.*

3

*Родится ли страдалец новый,
Он беспокоит дух отца,
Он тут с насмешкою суровой
И с дикой важностью лица;
Когда же кто-нибудь нисходит
В могилу с трепетной душой,
Он час последний с ним проводит,
Но не утешен им больной.*

4

*И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,*

Не даст мне счастья никогда.

Романс («Хоть бегут по струнам моим звуки веселья...»)

*Хоть бегут по струнам моим звуки веселья,
Они не от сердца бегут;
Но в сердце разбитом есть тайная келья,
Где черные мысли живут.
Слеза по щеке огневая катится,
Она не из сердца идет.
Что в сердце, обманутом жизнью, хранится,
То в нем и умрет.
Не смейте искать в сей груди сожаленья,
Питомцы надежд золотых;
Когда я свои презираю мученья, –
Что мне до страданий чужих?
Умершей девицы очей охладевших
Не должен мой взор увидать;
Я б много припомнил минут пролетевших,
А я не люблю вспоминать!
Нам память являет ужасные тени,
Кровавый бывшего призрак,
Он вновь призывает к оставленной сени,
Как в бурю над морем маяк,
Когда ураган по волнам веселится,
Смеется над бедным челном,
И с криком пловец без надежд воротиться
Жалеет о крае родном.*

Стихотворения, 1832

«Люблю я цепи синих гор...»

Люблю я цепи синих гор,
Когда, как южный метеор,
Ярка без света и красна
Всплывает из-за них луна,
Царица лучших дум певца
И лучший перл того венца,
Которым свод небес порой
Гордится, будто царь земной.
На западе вечерний луч
Еще горит на ребрах туч
И уступить всё медлит он
Луне – угрюмый небосклон;
Но скоро гаснет луч зари...
Высоко месяц. Две иль три
Младые тучки окружают
Его сейчас... Вот весь наряд,
Которым белое чело
Ему убрать позволено.
Кто не знавал таких ночей
В ущельях гор иль среди степей?
Однажды при такой луне
Я мчался на лихом коне
В пространстве голубых долин,
Как ветер, волен и один;
Туманный месяц и меня,
И гриву, и хребет коня
Сребристым блеском осыпал;
Я чувствовал, как конь дышал,
Как он, ударивши ногой,
Отбрасываем был землей;
И я в чудесном забытьи
Движенья сковывал свои,
И с ним себя желал я слить,
Чтоб этим бег наш ускорить;
И долго так мой конь летел...
И вокруг себя я поглядел:
Всё та же степь, всё та ж луна:
Свой взор ко мне склонив, она,
Казалось, упрекала в том,
Что человек с своим конем

*Хотел владычество степей
В ту ночь оспаривать у ней!*

Солнце

*Как солнце зимнее прекрасно,
Когда, бродя меж серых туч,
На белые снега напрасно
Оно кидает слабый луч!..
Так точно, дева молодая,
Твой образ предо мной блесит;
Но взор твой, счастье обещая,
Мою ли душу оживит?*

«Я счастлив! – тайный яд течет в моей крови...»

*Я счастлив! – тайный яд течет в моей крови,
Жестокая болезнь мне смертью угрожает!..
Дай бог, чтоб так случилось!.. Ни любви,
Ни мук умерший уж не знает;
Шести досток жилец уединенный,
Не зная ничего, оставленный, забвенный,
Ни славы зов, ни голос твой
Не возмутит надежный мой покой!..*

Прощание («Не уезжай, лезгинец молодой...»)

– Не уезжай, лезгинец молодой;
Зачем спешить на родину свою?
Твой конь устал, в горах туман сырой;
А здесь тебе и кровля и покой,
И я тебя люблю!..
Ужели унесла заря одна
Воспоминанье райских двух ночей;
Нет у меня подарков: я бедна,
Но мне душа создателем дана,
Подобная твоей.
В ненастный день заехал ты сюда;
Под мокрой буркой, с горестным лицом...
Ужели для меня сей день, когда
Так ярко солнце, хочешь навсегда
Ты мрачным сделать днем?
Взгляни: вокруг синеют цепи гор,
Как великаны, грозною толпой;
Лучи зари с кустами – их убор:
Мы вольны и добры; – зачем твой взор
Летит к стране другой?
Поверь, отчизна там, где любят нас;
Тебя не встретит средь родных долин,
Ты сам сказал, улыбка милых глаз:
Побудь еще со мной хоть день, хоть час.
Послушай! Час один!
– Нет у меня отчизны и друзей,
Кроме булатной шашки и коня;
Я счастлив был любовью твоей,
Но все-таки слезам твоих очей
Не удержать меня.
Кровавой клятвой душу я свою
Отяготив, блуждаю много лет:
Покуда кровь врага я не пролью,
Уста не скажут никому: люблю.
Прости: вот мой ответ.

«Она была прекрасна как мечта...»

*Она была прекрасна, как мечта
Ребенка под светилom южных стран;
Кто объяснит, что значит красота:
Грудь полная, иль стройный, гибкий стан,
Или большие очи? – но порой
Всё это не зовем мы красотой:
Уста без слов – любить никто не мог;
Взор без огня – без запаха цветов!
О небо, я клянусь, она была
Прекрасна!.. Я горел, я трепетал,
Когда кудрей, сбегающих с чела,
Шелк золотой рукой своей встречал,
Я был готов упасть к ногам ее,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и всё,
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых всё блаженство – яд!*

«Время сердцу быть в покое...»

Время сердцу быть в покое
От волненья своего
С той минуты, как другое
Уж не бьется для него;
Но пускай оно трепещет –
То безумной страсти след:
Так всё бурно море плещет,
Хоть над ним уж бури нет!..
Неужли ты не видала
В час разлуки роковой,
Как слеза моя блистала,
Чтоб упасть перед тобой?
Ты отвергнула с презреньем
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожаленьем
Воскресить любовь свою.
Но сердечного недуга
Не могла ты утаить;
Слишком знаем мы друг друга,
Чтоб друг друга позабыть.
Так расселись под громами,
Видел я, в единый миг
Пощаженные веками
Два утеса береговых;
Но приметно сохранила
Знаки каждая скала,
Что природа съединила,
А судьба их развела.

«Склонись ко мне, красавец молодой...»

1

*Склонись ко мне, красавец молодой!
Как ты стыдлив! – ужели в первый раз
Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
В моих объятьях вот уж целый час
Лежишь – а страха всё не превозмог...
Не лучше ли у сердца, чем у ног?
Дай мне одну минуту в жизнь свою...
Что злато? – я тебя люблю, люблю!..*

2

*Ты так хорош! – бывало, жду, когда
Настанет вечер, сяду у окна...
И мимо ты идешь, бывало, да, –
Ты помнишь? – Серебристая луна,
Как ангел средь отверженных, меж туч
Блуждала, на тебя кидая луч,
И я гордилась тем, что наконец
Соперница моя небес жилец.*

3

*Печать презренья на моем челе,
Но справедлив ли мира приговор?
Что добродетель, если на земле
Проступок не бесчестье – но позор?
Поверь, невинных женщин вовсе нет,
Лишь по желанью случай и предмет
Не вечно тут. Любить не ставит в грех
Та одного, та многих – эта всех!*

4

*Родителей не знала я своих,
Воспитана старухой чужой,
Не знала я веселья дней младых, –
И даже не гордилась красотой;
В пятнадцать лет, по воле злой судьбы,
Я продана мужчине – ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.*

С тех пор я гибну, гибну – день от дня.

5

*Мне мил мой стыд! Он право мне дает
Тебя лобзать, тебя на миг один
Отторгнуть от мучительных забот!
О, наслаждайся! – ты мой господин!
Хотя тебе случится, может быть,
Меня в своих объятьях задушить,
Блаженством смерть мне будет от тебя.
Мой друг! – чего не вынесешь любя!*

«Девятый час; уж темно; близ заставы...»

Девятый час; уж темно; близ заставы
Чернеют рядом старых пять домов,
Забор кругом. Высокий, худощавый
Привратник на завалине готов
Уснуть; – дождя не будет, небо ясно, –
Весь город спит. Он долго ждал напрасно;
Темны все окна – блещут только два –
И там – чем не богата ты, Москва!
Но, чу! – к воротам кто-то подъезжает.
Лихие дрожки, кучер с бородой
Широкой, кони черные. – Слезает,
Одет плащом, проказник молодой;
Скрыпит за ним калитка; под ногами
Стучат колеблясь доски. (Между нами
Скажу я, он ничей не прервал сон.)
Дверь отворилась, – свечка. – Кто тут? – Он.
Его узнала дева молодая,
Снимает плащ и в комнату ведет;
В шандале медном тускло догорая,
Свеча на них свой луч последний льет,
И на кровать с высокою периной,
И на стену с лубошною картиной;
А в зеркале с противной стороны
Два юные лица отражены.
Она была прекрасна, как мечтанье
Ребенка под светилom южных стран.
Что красота? – ужель одно названье?
Иль грудь высокая и гибкий стан,
Или большие очи? – но порою
Всё это не зовем мы красотою:
Уста без слов – любить никто не мог,
Взор без огня – без запаха цветов!
Она была свежа, как розы Леля,
Она была похожа на портрет
Мадоны – и мадоны Рафаэля;
И вряд ли было ей осьмнадцать лет;
Лишь святости черты не выражали.
Глаза огнем неистовым пылали,
И грудь волнуясь поцелуй звала;
Он был не папа – а она была...

молодая,
Которой всё богатство – красота!..
И впрочем, замуж выйти не желая,
Что было ей таить свои лета?
Она притворства хитрости не знала
И в этом лишь другим не подражала!..
Не всё ль равно? – любить не ставит в грех
Та одного – та многих – эта всех!
Я с женщиною делаю условие
Пред тем, чтобы насытить страсть мою:
Всего нужней, во-первых, мне здоровье,
А во-вторых, я мешкать не люблю;
[39]
Он снял сертук, сел на постель небрежно,
Поцеловал, лукаво посмотрел –
И тотчас раздеваться ей велел!

«Как в ночь звезды падучей пламень...»

Как в ночь звезды падучей пламень,

Не нужен в мире я.

Хоть сердце тяжело как камень,

Но всё под ним змея.

Меня спасало вдохновенье

От мелочных сует;

Но от своей души спасенья

И в самом счастье нет.

Молю о счастии, бывало,

Дождался наконец,

И тягостно мне счастье стало,

Как для царя венец.

И все мечты отвергнув, снова

Остался я один –

Как замка мрачного, пустого

Ничтожный властелин.

К * («Я не унижусь пред тобою...»)

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильнее.
Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден,
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец,
Зачем ты не была сначала,
Какою стала наконец!
Я горд!.. Прости! Люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам под небо юга
Я удалюсь, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга,
Чтобы друг друга позабыть.
Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил;
Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?

Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку –
Безумец! – лишний раз пожать!
Не зная коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала – я тебя не знал!

<В альбом Н. Ф. Ивановой>

*Что может краткое свиданье
Мне в утешенье принести?
Час неизбежный расставанья
Настал, и я сказал: прости.
И стих безумный, стих прощальный
В альбом твой бросил для тебя,
Как след единственный, печальный,
Который здесь оставлю я.*

<В альбом Д. Ф. Ивановой>

Когда судьба тебя захочет обмануть

И мир печалить сердце станет –

Ты не забудь на этот лист взглянуть

И думай: тот, чья ныне страждет грудь,

Не опечалит, не обманет.

«Как луч зари, как розы Леля...»

*Как луч зари, как розы Леля,
Прекрасен цвет ее ланит;
Как у мадоны Рафаэля
Ее молчанье говорит.
С людьми горда, судьбе покорна,
Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилось, она
Была для счастья создана.
Но свет чего не уничтожит?
Что благородное снесет,
Какую душу не сожмет,
Чье самолюбье не умножит?
И чьих не обольстит очей
Нарядной маскою своей?*

«Синие горы Кавказа, приветствую вас!..»

Синие горы Кавказа, приветствую вас! Вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтаю об вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!..

*

Часто во время зари я глядел на снега и далекие льдины утесов; они так сияли в лучах восходящего солнца, и в розовый блеск одеваясь, они, между тем как внизу всё темно, возвещали прохожему утро. И розовый цвет их подоился цвету стыда: как будто девицы, когда вдруг увидят мужчину купаясь, в таком уж смущенье, что белой одежды накинуть на грудь не успеют.

Как я любил твои бури, Кавказ! Те пустынные громкие бури, которым пещеры, как стражи ночей, отвечают!.. На гладком холме одинокое дерево, ветром, дождями нагнутое, иль виноградник, шумящий в ущелье, и путь неизвестный над пропастью, где, покрываясь пеной, бежит безымянная речка, и выстрел нежданный, и страх после выстрела: враг ли коварный иль просто охотник... Всё, всё в этом крае прекрасно.

*

Воздух там чист, как молитва ребенка. И люди, как вольные птицы, живут беззаботно; война их стихия; и в смуглых чертах их душа говорит; в дымной сакле, землей иль сухим тростником покровенной, таятся их жены и девы и чистят оружие, и шьют серебром – в тишине увядая душою – желающей, южной, с цепями судьбы не знакомой.

Романс («Стояла серая скала на берегу морском...»)

*Стояла серая скала на берегу морском;
Однажды на чело ее слетел небесный гром.
И раздвоил ее удар, – и новую тропой
Между разрозненных камней течет поток седой.
Вновь двум утесам не сойтись, – но всё они хранят
Союза прежнего следы, глубоких трещин ряд.
Так мы с тобой разлучены злословием людским,
Но для тебя я никогда не сделаюсь чужим.
И мы не встретимся опять, и если пред тобой
Меня случайно назовут, ты спросишь: кто такой?
И проклиная жизнь мою, на память приведешь
Былое... И одну себя невольно проклянешь.
И не изгладишь ты никак из памяти своей
Не только чувств и слов моих – минуты прежних дней!..*

Прелестнице

Пускай ханжа глядит с презрением
На беззаконный наш союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз,
Но перед идолами света
Не гну колена я мои,
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.
Как ты, кружусь в веселье шумном,
Не чту владыкой никого,
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего;
Живу без цели, беззаботно,
Для счастья глух, для горя нем,
И людям руки жму охотно,
Хоть презираю их меж тем!..
Мы смехом брань их уничтожим,
Нас клеветы не разлучат:
Мы будем счастливы, как можем,
Они пусть будут, как хотят!

«Ты молод. Цвет твоих кудрей...»

Ты молод. Цвет твоих кудрей
Не уступает цвету ночи,
Как день твои блистают очи
При встрече радостных очей;
Ты, от души смеясь смешному,
Как скуку гонишь прочь печаль,
Что бред ребяческий другому,
То всё тебе покинуть жаль:
Волною жизни унесенный
Далеко от надежд былых,
Как путешественник забвенный,
Я чуждым стал между родных;
Пред мною носятся виденья,
Жизнь обманувшие мою,
И, не рожденный для забвенья,
Я вновь черты их узнаю.
И время их не изменило,
Они всё те же! – я не тот:
Зачем же гибнет всё, что мило,
А что жалеет, то живет?

[40]

*Если б мы не дети были,
Если б слепо не любили,
Не встречались, не прощались,
Мы с страданием бы не знались.*

Эпитафия («Прости! Увидимся ль мы снова?..»)

Прости! Увидимся ль мы снова?

И смерть захочет ли свести

Две жертвы жребия земного,

Как знать! Итак, прости, прости!..

Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;

Ты сам на свете был гоним,

Ты в людях только зло изведаль...

Но понимаем был одним.

И тот один, когда рыдая

Толпа склонялась над тобой,

Стоял, очей не обтирая,

Недвижный, хладный и немой.

И все, не ведая причины,

Винили дерзостно его,

Как будто миг твоей кончины

Был мигом счастья для него.

Но что ему их восклицанья?

Безумцы! Не могли понять,

Что легче плакать, чем страдать

Без всяких признаков страданья.

«Измученный тоскою и недугом...»

*Измученный тоскою и недугом
И угасая в полном цвете лет,
Проститься я с тобой желал как с другом,
Но хладен был прощальный твой привет;
Но ты не веришь мне, ты притворилась,
Что в шутку приняла слова мои;
Моим слезам смеяться ты решилась,
Чтоб с сожаленьем не явить любви;
Скажи мне, для чего такое мщенье?
Я виноват, другую мог хвалить,
Но разве я не требовал прощенья
У ног твоих? Но разве я любить
Тебя переставал, когда, толпою
Безумцев молодых окружена,
Горда одной своею красотою,
Ты привлекала взоры их одна?
Я издали смотрел, почти желая,
Чтоб для других очей твой блеск исчез;
Ты для меня была, как счастье рая
Для демона, изгнанника небес.*

«Когда последнее мгновенье...»

Когда последнее мгновенье
Мой взор навеки омрачит
И в мир, где казнь или спасенье,
Душа поэта улетит,
Быть может, приговор досадный
Прикажет возвратиться ей
Туда, где в жизни безотрадной
Она томилась столько дней;
Тогда я буду всё с тобою
И берегись мне изменить;

.....

«Нет, я не Байрон, я другой...»

*Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я – или бог – или никто!*

Романс («Ты идешь на поле битвы...»)

1

*Ты идешь на поле битвы,
Но услышь мои молитвы,
Вспомни обо мне.
Если друг тебя обманет,
Если сердце жить устанет
И душа твоя увянет,
В дальней стороне
Вспомни обо мне.*

2

*Если кто тебе укажет
На могилу и расскажет
При ночном огне
О девице обольщенной,
Позабытой и презренной,
О, тогда, мой друг бесценный,
Ты в чужой стране
Вспомни обо мне.*

3

*Время прежнее, быть может,
Посетит тебя, встревожит
В мрачном, тяжком сне;
Ты услышишь плач разлуки,
Песнь любви и вопли муки
Иль подобные им звуки...
О, хотя во сне
Вспомни обо мне!*

Сонет

Я памятью живу с увядшими мечтами,
Виденья прежних лет толпятся предо мной,
И образ твой меж них, как месяц в час ночной
Между бродящими блистает облаками.
Мне тягостно твое владычество порой;
Твоей улыбкою, волшебными глазами
Порабощен мой дух и скован, как цепями,
Что ж пользы для меня, – я не любим тобой.
Я знаю, ты любовь мою не презираешь,
Но холодно ее молениям внимаешь;
Так мраморный кумир на берегу морском
Стоит, – у ног его волна кипит, клокочет,
А он, бесчувственным исполнен божеством,
Не внемлет, хоть ее отталкивать не хочет.

«Болезнь в груди моей и нет мне исцеленья...»

Болезнь в груди моей, и нет мне исцеленья,
Я увядаю в полном цвете!
Пускай! – я не был раб земного наслажденья,
Не для людей я жил на свете.
Одно лишь существо душой моей владело,
Но в разный путь пошли мы оба,
И мы расстались, и небо захотело,
Чтоб не сошлись опять у гроба.
Гляжу в безмолвии на запад: догорает
Краснея гордое светило;
Мне хочется за ним: оно, быть может, знает,
Как воскрешать всё то, что мило.
Быть может, ослеплен огнем его сиянья,
Я хоть на время позабуду
Волшебные глаза и поцелуй прощанья,
За мной бегущие повсюду.

К * («Мы случайно сведены судьбою...»)

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилась с душою,
Хоть пути не кончить им вдвоем!
Так поток весенний отражает
Свод небес далекий голубой
И в волне спокойной он сияет
И трепещет с бурною волной.
Будь, о, будь моими небесами,
Будь товарищ грозных бурь моих;
Пусть тогда гремят они меж нами,
Я рожден, чтобы не жить без них.
Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей,
Но с тобой, мой луч путеводитель,
Что хвала иль гордый смех людей!
Души их певца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторгов разделить.

«Поцелуями прежде считал...»

*Поцелуями прежде считал
Я счастливую жизнь свою,
Но теперь я от счастья устал,
Но теперь никого не люблю.
И слезами когда-то считал
Я мятежную жизнь мою,
Но тогда я любил и желал,
А теперь никого не люблю!
И я счет своих лет потерял
И крылья забвенья ловлю:
Как я сердце унести бы им дал!
Как бы вечность им бросил мою!*

«Послушай, быть может, когда мы покинем...»

Послушай, быть может, когда мы покинем

Навек этот мир, где душою так стынем,

Быть может, в стране, где не знают обману,

Ты ангелом будешь, я демоном стану!

Клянися тогда позабыть, дорогая,

Для прежнего друга всё счастье рая!

Пусть мрачный изгнанник, судьбой осужденный,

Тебе будет раем, а ты мне – вселенной!

К * («Оставь напрасные заботы...»)

*Оставь напрасные заботы,
Не обнажай минувших дней:
В них не откроешь ничего ты,
За что б меня любить сильнее!
Ты любишь – верю – и довольно;
Кого, – ты ведать не должна;
Тебе открыть мне было б больно,
Как жизнь моя пуста, черна.
Не погублю святое счастье
Такой души и не скажу,
Что недостоин я участия,
Что сам ничем не дорожу;
Что всё, чем сердце дорожило,
Теперь для сердца стало яд,
Что для него страданье мило,
Как спутник, собственность иль брат.
Промолвив ласковое слово,
В награду требуй жизнь мою;
Но, друг мой, не проси бывшего,
Я мук своих не продаю.*

Баллада

(С немецкого)

Из ворот выезжают три витязя в ряд, увы!

[41]

Напрасно в боях они льют свою кровь – увы!

Разлука пришла – и девичья любовь прости!

Уж три витязя новых в ворота спешат, увы!

И красотки печали своей говорят: прости!

Бой

*Сыны небес однажды надо мною
Слетелися, воздушных два бойца;
Один – серебряной обвешан бахромою,
Другой – в одежде чернеца.
И видя злость противника второго,
Я пожалел о воине младом;
Вдруг поднял он концы сребристого покрова,
И я под ним заметил – гром.
И кони их ударились крылами,
И ярко брызнул из ноздрей огонь;
Но вихорь отступил перед громами,
И пал на землю черный конь.*

«Я жить хочу! Хочу печали...»

Я жить хочу! Хочу печали

Любви и счастью назло;

Они мой ум избаловали

И слишком сгладили чело.

Пора, пора насмешкам света

Прогнать спокойствия туман;

Что без страданий жизнь поэта?

И что без бури океан?

Он

Ценой томительных забот.

Он покупает неба звуки,

Он даром славы не берет.

«Смело верь тому, что вечно...»

*Смело верь тому, что вечно,
Безначально, бесконечно,
Что прошло и что настанет,
Обмануло иль обманет.
Если сердце молодое
Встретит пылкое другое,
При разлуке, при свиданье
Закажи ему молчанье.
Всё на свете редко стало:
Есть надежды – счастья мало;
Не забвение разлука:
То – блаженство, это – мука,
Если счастьем дорожил ты,
То зачем его делил ты?
Для чего не жил в пустыне?
Иль об этом вспомнил ныне?*

«Приветствую тебя, воинственных славян...»

*Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! Пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженью
И столько гордых душ увлек в свое паденье!..
– Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?*

.....

Желанье

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.
Дайте мне челнок дощатый
С полусгнившею скамьей,
Парус серый и косматый,
Ознакомленный с грозой.
Я тогда пущуся в море
Беззаботен и один,
Разгуляюсь на просторе
И потешусь в буйном споре
С дикой прихотью пучин.
Дайте мне дворец высокой
И кругом зеленый сад,
Чтоб в тени его широкой
Зрел янтарный виноград;
Чтоб фонтан, не умолкая,
В зале мраморном журчал
И меня б в мечтаньях рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплял и пробуждал...

К * («Мой друг, напрасное старанье...»)

Мой друг, напрасное старанье!

Скрывал ли я свои мечты?

[42]

Вот всё, чего не знаешь ты.

Пусть в этом имени хранится,

Быть может, целый мир любви...

Но мне ль надеждами делиться?

Надежды... О! Они мои,

Мои – они святое царство

Души задумчивой моей...

Ни страх, ни ласки, ни коварство,

Ни горький смех, ни плач людей,

Дай мне сокровища вселенной,

Уж никогда не долетят

В тот угол сердца отдаленный,

Куда запрятал я мой клад.

Как помню, счастье прежде жило

И слезы крылись в месте том:

Но счастье скоро изменило,

А слезы вытекли потом.

Беречь сокровища святые

Теперь я выучен судьбой;

Не встретят их глаза чужие,

Они умрут во мне, со мной!..

К * («Печаль в моих песнях, но что за нужда?..»)

Печаль в моих песнях, но что за нужда?

Тебе не внимать им, мой друг, никогда.

Они не прогонят улыбку святую

С тех уст, для которых живу и тоскую.

К тебе не домчится ни слово, ни звук,

Отзыв беспокойный неведомых мук.

Певца твоя ласка утешить не может,

Зачем же он сердце твое потревожит?

О нет! Одна мысль, что слеза омрачит

Тот взор несравненный, где счастье горит,

Безумные б звуки в груди подавила,

Хоть прежде за них лишь певца ты любила.

Два великана

*В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.
За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ,
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.
И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец,
И рукою дерзновенной
Хватъ за вражеский венец.
Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел – потрянул главою...
Ахнул дерзкий – и упал!
Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.*

К * («Прости! – мы не встретимся боле...»)

1

*Прости! – мы не встретимся боле
Друг другу руки не пожмем;
Прости! – твое сердце на воле...
Но счастья не сыщет в другом.
Я знаю: с порывом страданья
Опять затрепещет оно,
Когда ты услышишь название
Того, кто погиб так давно!*

2

*Есть звуки – значенье ничтожно
И презрено гордой толпой –
Но их позабыть невозможно:
Как жизнь, они слиты с душой;
Как в гробе, зарыто бывшее
На дне этих звуков святых;
И в мире поймут их лишь двое,
И двое лишь вздрогнут от них!*

3

*Мгновение вместе мы были,
Но вечность – ничто перед ним;
Все чувства мы вдруг истожили,
Сожгли поцелуем одним;
Прости! – не жалею безрассудно,
О краткой любви не жалею:
Расстаться казалось нам трудно,
Но встретиться было б трудней!*

«Слова разлуки повторяя...»

Слова разлуки повторяя,
Полна надежд душа твоя;
Ты говоришь: есть жизнь другая,
И смело веришь ей... Но я?..
Оставь страдальца! – будь покойна:
Где б ни был этот мир святой,
Двух жизней сердцем ты достойна!
А мне довольно и одной.
Тому ль пускаться в бесконечность,
Кого измучил краткий путь?
Меня раздавит эта вечность,
И страшно мне не отдохнуть!
Я схоронил навек бывшее,
И нет о будущем забот,
Земля взяла свое земное,
Она назад не отдает!..

«Безумец я! Вы правы, правы!..»

*Безумец я! Вы правы, правы!
Смешно бессмертье на земли.
Как смел желать я громкой славы,
Когда вы счастливы в пыли?
Как мог я цепь предубеждений
Умом свободным потрясать
И пламень тайных угрызений
За жар поэзии принять?
поэта!
Я обманулся, вижу сам;
Пускай, как он, я чужд для света,
Но чужд зато и небесам!
Мои слова печальны: знаю;
Но смысла их вам не понять.
Я их от сердца отрываю,
Чтоб муки с ними оторвать!
Нет... Мне ли властвовать умами,
Всю жизнь на то употребля?
Пускай возвышусь я над вами,
Но удалюсь ли от себя?
И позабуду ль самовластно
Мою погибшую любовь,
Всё то, чему я верил страстно,
Чему не смею верить вновь?*

«Она не гордой красотою...»

*Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее – не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.*

«Примите дивное посланье...»

посланье

Из края дальнего сего;

Павлово

[43]

Увы! Как скучен этот город,

С своим туманом и водой!..

[44]

Как шиш, торчит перед тобой;

Нет милых сплетен – всё сурово,

Закон сидит на лбу людей;

Всё удивительно и ново –

А нет не пошлых новостей!

Доволен каждый сам собою,

Не беспокоясь о других,

И что у нас зовут душою,

То без названия у них!..

И наконец я видел море,

Но кто поэта обманул?..

Я в роковом его просторе

Великих дум не почерпнул;

Нет! Как оно, я не был волен;

Болезнью жизни, скукой болен

(Назло былым и новым дням),

Я не завидовал, как прежде,

Его серебряной одежде,

Его бунтующим волнам.

Челнок («По произволу дивной власти...»)

*По произволу дивной власти
Я выкинут из царства страсти,
Как после бури на песок
Волной расшибенный челнок.
Пускай прилив его ласкает,
В обман не вдастся инвалид:
Свое бессилие он знает
И притворяется, что спит;
Никто ему не вверит боле
Себя иль ноши дорогой;
Он не годится – и на воле!
Погиб – и дан ему покой!..*

«Что толку жить!.. Без приключений...»

Что толку жить!.. Без приключений
И с приключеньями – тоска
Везде, как беспокойный гений,
Как верная жена, близка;
Прекрасно с шумной быть толпою,
Сидеть за каменной стеною,
Любовь и ненависть сознать,
Чтоб раз об этом поболтать;
Невольно узнавать повсюду
Под гордой важностью лица
В мужчине глупого льстеца
И в каждой женщине Иуду.
А потрудитесь рассмотреть –
Всё веселее умереть.
Конец! Как звучно это слово,
Как много – мало мыслей в нем;
Последний стон – и всё готово,
Без дальних справок – а потом?
Потом вас чинно в гроб положат,
И черви ваш скелет обгложут,
А там наследник в добрый час
Придавит монументом вас.
Простит вам каждую обиду
По доброте души своей,
Для пользы вашей (и церковей)
Отслужит, верно, панихиду,
Которой (я боюсь сказать)
Не суждено вам услышать.
И если вы скончались в вере,
Как христианин, то гранит
На сорок лет, по крайней мере,
Название ваше сохранит;
Когда ж стеснится уж кладбище,
То ваше узкое жилище
Разроют смелою рукой...
И гроб поставят к вам другой.
И молча ляжет с вами рядом
Девушка нежная, одна,
Мила, покорна, хоть бледна;
Но ни дыханием, ни взглядом

*Не возмутится ваш покой –
Что за блаженство, боже мой!*

«Для чего я не родился...»

Для чего я не родился
Этой синею волной?
Как бы шумно я катился
Под серебряной луной,
О! Как страстно я лобзал бы
Золотистый мой песок,
Как надменно презирал бы
Недоверчивый челнок;
Всё, чем так гордятся люди,
Мой набег бы разрушал;
И к моей студеной груди
Я б страдальцев прижимал;
Не страшился б муки ада,
Раем не был бы прельщен;
Беспокойство и прохлада
Были б вечный мой закон;
Не искал бы я забвенья
В дальном северном краю;
Был бы волен от рожденья
Жить и кончить жизнь мою!

Парус

*Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..
Играют волны – ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы! Он счастья не ищет
И не от счастья бежит!
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!*

«Он был рожден для счастья, для надежд...»

Он был рожден для счастья, для надежд
И вдохновений мирных! – но, безумный,
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной;
И мир не пощадил – и бог не спас!
Так сочный плод, до времени созрелый,
Между цветов висит осиротелый,
Ни вкуса он не радует, ни глаз;
И час их красоты – его паденья час!
И жадный червь его грызет, грызет,
И между тем, как нежные подруги
Колеблются на ветках, – ранний плод
Лишь тяготит свою... До первой вьюги!
Ужасно стариком быть без седин;
Он равных не находит; за толпою
Идет, хоть с ней не делится душою;
Он меж людьми ни раб, ни властелин,
И всё, что чувствует, он чувствует один!

Тростник

Сидел рыбак веселый
На берегу реки;
И перед ним по ветру
Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
И скважины проткнул;
Один конец зажал он,
В другой конец подул.
И будто оживленный,
Тростник заговорил;
То голос человека
И голос ветра был.
И пел тростник печально:
«Оставь, оставь меня;
Рыбак, рыбак прекрасный
Терзаешь ты меня!
И я была девицей,
Красавица была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела,
И много слез горючих
Невинно я лила;
И раннюю могилу
Безбожно я звала.
И был сынок любимец
У мачехи моей;
Обманивал красавиц,
Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
Мы на берег крутой,
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.
Моей любви просил он...
Любить я не могла,
И деньги мне дарил он –
Я денег не брала;
Несчастную сгубил он,
Ударил в грудь ножом;
И здесь мой труп зарыл он
На берегу крутом;

И над моей могилой
Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
Души моей молодой;
Рыбак, рыбак прекрасный,
Оставь же свой тростник;
Ты мне помочь не в силах,
А плакать не привык».

Русалка

1

*Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны,
Серебристую пену волны.*

2

*И шумя и крутясь колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка – и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.*

3

*И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок златые гуляют стада,
Там хрустальные есть города;*

4

*И там на подушке из ярких песков,
Под тенью густых тростников,
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны...*

5

*Расчесывать кольца шелковых кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы, в полуденный час,
Целовали красавца не раз.*

6

*Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
Остается он хладен и нем;
Он спит, – и, склонившись на перси ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне».*

7

Так пела русалка над синей рекой,
Полна непонятной тоской;
И шумно катясь, колебала река
Отраженные в ней облака.

Баллада («Куда так проворно, жидовка молодая!..»)

Куда так проворно, жидовка молодая?
Час утра, ты знаешь, далек...
Потише, распалась цепочка золотая,
И скоро спадет башмачок.
Вот мост! Вот чугунные влево перилы
Блестят от огня фонарей;
Держись за них крепче, устала, нет силы!..
Вот дом – и звонок у дверей.
Безмолвно жидовка у двери стояла,
Как мраморный идол бледна;
Потом, за шнурок потянув, постучала...
И кто-то взглянул из окна!..
И страхом и тайной надеждой пылая,
Еврейка глаза подняла,
Конечно, ужасней минута такая
Столетий печали была;
Она говорила: «Мой ангел прекрасный!
Взгляни еще раз на меня...
Избавь свою Сару от пытки напрасной,
Избавь от ножа и огня...
Отец мой сказал, что закон Моисея
Любить запрещает тебя.
Мой друг, я внимала отцу не бледнея,
Затем, что внимала любя...
И мне обещал он страданья, мученья,
И нож наточил роковой;
И вышел... Мой друг, берегись его мщенья,
Он будет, как тень, за тобой...
Отцовского мщенья ужасны удары,
Беги же отсюда скорей!
Тебе не изменят уста твоей Сары
Под холодной рукой палачей.
Беги!..» Но на лик, из окна наклоненный,
Блеснул неожиданный свет...
И что-то сверкнуло в руке обнаженной,
И мрачен глухой был ответ;
И тяжкое что-то на камни упало,
И стон раздался под стеной;
В нем всё улетающей жизнью дышало
И больше, чем жизнью одной!

Поутру, толпяся, народ изумленный
Кричал и шептал об одном:
Там в доме был русский, кинжалом пронзенный,
И женщины труп под окном.

Гусар

Гусар! Ты весел и беспечен,
Надев свой красный доломан.
Но знай: покой души не вечен
И счастье на земле – туман!
Крутя лениво ус задорный,
Ты вспоминаешь стук пиров,
Но берегись думы черной –
Она черней твоих усов.
Пускай судьба тебя голубит
И страсть безумная смешит;
Но и тебя никто не любит,
Никто тобой не дорожит.
Когда ты, ментиком блистая,
Торопишь серого коня,
Не мыслит дева молодая:
«Он здесь проехал для меня».
Когда ты вихрем на сражение
Летишь бесчувственный герой,
Ничье, ничье благословенье
Не улетаёт за тобой.
Гусар! Ужель душа не слышит
В тебе желания любви?
Скажи мне, где твой ангел дышит?
Где очи милые твои?
Молчишь – и ум твой безнадежней,
Когда полнее твой бокал!
Увы – зачем от жизни прежней
Ты разом сердце оторвал!..
Ты не всегда был тем, что ныне,
Ты жил, ты слишком много жил,
И лишь с последнею святыней
Ты пламень сердца схоронил.

Стихотворения, 1833

Юнкерская молитва

Царю небесный!

Спаси меня

От куртки тесной,

Как от огня.

От маршировки

Меня избавь,

В парадировки

Меня не ставь.

Пускай в манеже

[45]

Как можно реже

Тревожит нас.

Еще моление

Прошу принять –

В то воскресенье

Дай разрешение

Мне опоздать.

Я, царь всевышний,

Хорош уж тем,

Что просьбой лишней

Не надоем.

Стихотворения, 1833–1834

«На серебряные шпоры...»

На серебряные шпоры
Я в раздумии гляжу;
За тебя, скакун мой скорый,
За бока твои дрожу.
Наши предки их не знали
И, гарцуя средь степей,
Толстой плеткой погоняли
Недоезжанных коней.
Но с успехом просвещенья
Вместо грубой старины
Введены изобретенья
Чужеземной стороны;
В наше время кормят, холят,
Берегут спинную честь...
Прежде били – нынче колют!..
Что же выгодней? – бог весть!..

«В рядах стояли безмолвной толпой...»

*В рядах стояли безмолвной толпой,
Когда хоронили мы друга,
Лишь поп полковой бормотал, и порой
Ревела осенняя вьюга.
Кругом кивера над могилой святой
Недвижны в тумане сверкали;
Уланская шапка да меч боевой
На гробе дощатом лежали.
И билось сердце в груди не одно,
И в землю все очи смотрели,
Как будто бы всё, что уж ей отдано,
Они у ней вырвать хотели.
Напрасные слезы из глаз не текли,
Тоска наши души сжимала;
И горсть роковая прощальной земли,
Упавши на гроб, застучала.
Прощай, наш товарищ, не долго ты жил,
Певец с голубыми очами;
Лишь крест деревянный себе заслужил
Да вечную память меж нами!*

Стихотворения, 1835

«Опять, народные витии...»

1

*Опять, народные витии,
За дело падшее Литвы
На славу гордую России
Опять шумя восстали вы.
Уж вас казнил могучим словом
Поэт, восставший в блеске новом
От продолжительного сна,
И порицания покровом
Одел он ваши имена.*

2

*Что это: вызов ли надменный,
На битву ль бешеный призыв?
Иль голос зависти смущенной,
Бессилья злобного порыв?..
Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает; вам обидна
Величья нашего заря;
Вам солнца божьего не видно
За солнцем русского царя.*

3

*Давно привыкшие венцами
И уважением играть,
Вы мнили грязными руками
Венец блестящий запятнать.
Вам непонятно, вам несродно
Всё, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щит
Любви и гордости народной
От вас венец тот сохранит.*

4

*Безумцы мелкие, вы правы,
Мы чужды ложного стыда!*

.....

*Но честь России невреждена.
И вам смеясь внимает свет...
Так в дни воинственные Рима,
Во дни торжественных побед,
Когда триумфом шел Фабриций
И раздавался по столице
Восторга благодарный клик,
Бежал за светлой колесницей
Один наемный клеветник.*

<Эпиграмма на Н. Кукольника>

В Большом театре я сидел,

[46]

Когда же занавес при плесках опустился,

Тогда сказал знакомый мне один:

– Что, братец! Жаль! – Вот умер и Скопин!..

Ну, право, лучше б не родился.

Стихотворения, 1836

Умиравший гладиатор

I see before me the gladiator lie...

[47]

Ликует буйный Рим... Торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена:
А он – пронзенный в грудь – безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...
И молит жалости напрасно мутный взор:
Надменный временщик и льстец его сенатор
Венчают похвалой победу и позор...
Что знатным и толпе сраженный гладиатор?
Он презрен и забыт... Освистанный актер.
И кровь его течет – последние мгновенья
Мелькают, – близок час... Вот луч воображенья
Сверкнул в его душе... Пред ним шумит Дунай...
И родина цветет... Свободный жизни край;
Он видит круг семьи, оставленный для брани,
Отца, простершего немеющие длани,
Зовущего к себе опору дряхлых дней...
Детей играющих – возлюбленных детей.
Все ждут его назад с добычею и славой,
Напрасно – жалкий раб, – он пал, как зверь лесной,
Бесчувственной толпы минутною забавой...
Прости, развратный Рим, – прости, о край родной...
Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир,
К могиле клонишься бесславной головою,
Измученный в борьбе сомнений и страстей,
Без веры, без надежд – игралище детей,

[48]

И пред кончиною ты взоры обратил
С глубоким вздохом сожаленья
На юность светлую, исполненную сил,
Которую давно для язвы просвещенья,
Для гордой роскоши беспечно ты забыл:
Стараясь заглушить последние страданья,
Ты жадно слушаешь и песни старины
И рыцарских времен волшебные преданья –
Насмешливых льстецов несбыточные сны.

Еврейская мелодия

(Из Байрона)

*Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!
Вот арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшись по ней,
Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унес,
Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших капля слез –
Они растают и прольются.
Пусть будет песнь твоя дика. Как мой венец,
Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.
Страданиями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал – теперь она полна,
Как кубок смерти, яда полный.*

В альбом

(Из Байрона)

*Как одинокая гробница
Вниманье путника зовет,
Так эта бледная страница
Пусть милый взор твой привлечет.
И если после многих лет
Прочтешь ты, как мечтал поэт,
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет,
Что сердце здесь похоронил он.*

Эпиграмма («Под фирмой иностранной иноземец...»)

Под фирмой иностранной иноземец

Не утаил себя никак –

Бранится пошло: ясно немец,

Похвалит: видно, что поляк.

«Великий муж! Здесь нет награды...»

*Великий муж! Здесь нет награды,
Достойной доблести твоей!
Ее на небе сыщут взгляды,
И не найдут среди людей.
Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И услышав твое название,
Твой сын душою закипит.
Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «он любил отчизну!»*

Стихотворения, 1837

Бородино

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!»
– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!
Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? На зимние квартиры?
Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»
И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки –
Французы тут как тут.
Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат, мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!
Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добратся до картечи!»

И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.
Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.
И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом;
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.
И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
– И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.
Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.
Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.
Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась – как наши груди,

Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...
Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны –
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.
Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри – не вы.
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

Смерть поэта

Отмщенья, государь, отмщенья!

Паду к ногам твоим:

Будь справедлив и накажи убийцу,

Чтоб казнь его в позднейшие века

Твой правый суд потомству возвестила,

Чтоб видели злодеи в ней пример.

Погиб поэт! – невольник чести –

Пал, оклеветанный молвой,

С свинцом в груди и жаждой мести,

Поникнув гордой головой!..

Не вынесла душа поэта

Позора мелочных обид,

Восстал он против мнений света

Один как прежде... И убит!

Убит!.. К чему теперь рыдания,

Пустых похвал ненужный хор

И жалкий лепет оправданья?

Судьбы свершился приговор!

Не вы ль сперва так злобно гнали

Его свободный, смелый дар

И для потехи раздували

Чуть затаившийся пожар?

Что ж? Веселитесь... – он мучений

Последних вынести не мог:

Угас, как светоч, дивный гений,

Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно

Навел удар... Спасенья нет.

Пустое сердце бьется ровно,

В руке не дрогнул пистолет.

И что за диво?.. Издалека,

Подобный сотням беглецов,

На ловлю счастья и чинов

Заброшен к нам по воле рока;

Смеясь, он дерзко презирал

Земли чужой язык и нравы;

Не мог щадить он нашей славы;

Не мог понять в сей миг кровавый,

На что он руку поднимал!..

И он убит – и взят могилой,

Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.
Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..
И прежний сняв венок, – они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он – с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

*

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда – всё молчи!..
Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоее всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Ветка Палестины

Скажи мне, ветка Палестины:

Где ты росла, где ты цвела?

Каких холмов, какой долины

Ты украшением была?

У вод ли чистых Иордана

Востока луч тебя ласкал,

Ночной ли ветер в горах Ливана

Тебя сердито колыхал?

Молитву ль тихую читали

Иль пели песни старины,

Когда листы твои сплетали

[49]

И пальма та жива ль поныне?

Всё так же ль манит в летний зной

Она прохожего в пустыне

Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной

Она увяла, как и ты,

И дольний прах ложится жадно

На пожелтевшие листы?..

Поведай: набожной рукою

Кто в этот край тебя занес?

Грустил он часто над тобою?

Хранишь ты след горючих слез?

Иль, божьей рати лучший воин,

Он был, с безоблачным челом,

Как ты, всегда небес достоин

Перед людьми и божеством?..

Заботой тайною хранима

Перед иконой золотой

Стоишь ты, ветвь Ерусалима,

Святыни верный часовой!

Прозрачный сумрак, луч лампы,

Кивот и крест, символ святой...

Всё полно мира и отрады

Вокруг тебя и над тобой.

Узник

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

*

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко,
В пышном тереме своем,
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустив.

*

Одинок я – нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями,
Звучномерными шагами,
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

Сосед

Кто б ни был ты, печальный мой сосед,
Люблю тебя, как друга юных лет,
Тебя, товарищ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навеки мы разлучены с тобой
Стеной теперь – а после тайной.
Когда зари румяный полусвет
В окно тюрьмы прощальный свой привет
Мне умирая посылает
И, опершись на звучное ружье,
Наш часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпает,
Тогда, чело склонив к сырой стене,
Я слушаю – и в мрачной тишине
Твои напевы раздаются.
О чем они – не знаю; но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Как слезы, тихо льются, льются...
И лучших лет надежды и любовь
В груди моей всё оживает вновь,
И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит – и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются.

«Когда волнуется желтеющая нива...»

Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;
Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, –
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, –
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...

Молитва («Я, мать божия, ныне с молитвою...»)

*Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.
Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.
Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную.
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.*

Послание

*Катерина, Катерина,
Удалая голова!
Из святого Августина
Ты заимствуешь слова.
Но святыя изречения
Помрачаются грехом,
Изменилось их значенье
На листочке голубом.
Так, я помню, пред амвоном
Пьяный поп отец Евсей,
Запинаясь, важным тоном
Поучал своих детей;
Лишь начнет – хоть плачь заране...
А смотри, как силен Враг!
Только кончит – все миряне
Отправляются в кабак.*

«Расстались мы; но твой портрет...»

*Расстались мы; но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.
И новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный – всё храм,
Кумир поверженный – всё бог!*

«Я не хочу, чтоб свет узнал...»

Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь бог да совесть!..
Им сердце в чувствах даст отчет;
У них попросит сожаленья;
И пусть меня накажет тот,
Кто изобрел мои мученья;
Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пускай шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит;
Его чело меж облаков,
Он двух стихий жилец угрюмый,
И кроме бури да громов
Он никому не вверит думы...

«Не смейся над моей пророческой тоскою...»

*Не смейся над моей пророческой тоскою;
Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;
Я говорил тебе: ни счастья, ни славы
Мне в мире не найти; – настанет час кровавый,
И я паду; и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший гений;
И я погибну без следа
Моих надежд, моих мучений;
Но я без страха жду довременный конец.
Давно пора мне мир увидеть новый;
Пускай толпа растопчет мой венец:
Венец певца, венец терновый!..
Пускай! Я им не дорожил.*

<Эпиграмма на Ф. Булгарина, I>

Россию продает Фадей

Не в первый раз, как вам известно,

Пожалуй он продаст жену, детей,

И мир земной, и рай небесный,

Он совесть продал бы за сходную цену,

Да жаль, заложена в казну.

<Эпиграмма на Ф. Булгарина, II>

Россию продает Фадей

И уж не в первый раз, злодей.

«Се Маккавей-водопийца кудрявые речи раскинул как сети...»

[50]

*Злой сердцелов! Ожидает добычи, рекая в пустыне,
Сухосплетенные мышцы расправил и, корпий
Вынув клоком из чутких ушей, уловить замышляет
Слово обидное, грозно вращая зелено-сереющим оком,
Зубом верхним о нижний, как уголь черный, щелкая.*

«Остаться без носу – наш Маккавей боялся...»

Остаться без носу – наш Маккавей боялся,

Приехал на воды – и с носом он остался.

<А. Петрову>

Ну что скажу тебе я спросту?

Мне не с руки хвала и лесть:

Дай бог тебе побольше росту –

Другие качества все есть.

«Спеша на север из далека...»

Спеша на север издалека,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока,
Принес я, странник, свой поклон.
Чалмою белою от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.
Но сердца тихого моленье
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владенье,
К престолу вечному Аллы.
Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.
Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде боевом,
В ущелье мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем.
Но есть еще одно желание!
Боюсь сказать! – душа дрожит!
Что если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!
Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?
Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?
О если так! Своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью

Стихотворения, 1837–1838

Кинжал

*Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.
Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза – жемчужина страданья.
И черные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.
Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.*

«Гляжу на будущность с боязнью...»

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначение,
Цель упований и страстей,
Поведать – что мне бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.
Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

«Слышу ли голос твой...»

*Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке
Сердце запрыгает;
Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,
И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.*

«Как небеса твой взор блистает...»

*Как небеса, твой взор блистает
Эмалью голубой,
Как поцелуй, звучит и тает
Твой голос молодой;
За звук один волшебной речи,
За твой единый взгляд
Я рад отдать красавца сечи,
Грузинский мой булат;
И он порою сладко блещет,
И сладостней звучит,
При звуке том душа трепещет
И в сердце кровь кипит.
Но жизнью бранной и мятежной
Не тешусь я с тех пор,
Как услышал твой голос нежный
И встретил милый взор.*

«Она поет – и звуки тают...»

*Она поет – и звуки тают,
Как поцелуи на устах,
Глядит – и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли – все ее движенья,
Иль молвит слово – все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.*

Стихотворения, 1838

<К М. И. Цейдлеру>

Русский немец белокурый

Едет в дальнюю страну,

Где косматые гяуры

Вновь затеяли войну.

Едет он, томим печалью,

На могучий пир войны;

сталью

[52]

<К портрету старого гусара>

Смотрите, как летит, отвагою пылая...

Порой обманчива бывает седина:

Так мхом покрытая бутылка вековая

Хранит струю кипучего вина.

<К Н. И. Бухарову>

Мы ждем тебя, спеши, Бухаров,
Брось царскосельских соловьев,
В кругу товарищей гусаров
Обычный кубок твой готов;
Для нас в беседе голосистой
Твой крик приятней соловья;
Нам мил и ус твой серебристый
И трубка плоская твоя,
Нам дорога твоя отвага,
Огнем душа твоя полна,
Как вновь раскупренная влага
[53]

Столетия прошлого обломок,
Меж нас остался ты один,
Гусар прославленных потомок,
[54]

Дума

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее – иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властью – презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты – его паденья час!
Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.
Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства –
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.
Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.

*И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.*

<А. Г. Хомутовой>

Слепец, страданием вдохновенный,
Вам строки чудные писал,
И прежних лет восторг священный,
Воспоминаньем оживленный,
Он перед вами изливал.
Он вас не зрел, но ваши речи,
Как отголосок юных дней,
При первом звуке новой встречи
Его встревожили сильнее.
Тогда признательную руку
В ответ на ваш приветный взор
Навстречу радостному звуку
Он в упоении простер.
И я, поверенный случайный
Надежд и дум его живых,
Я буду дорожить, как тайной,
Печальным выраженьем их.
Я верю, годы не убили,
Изгладить даже не могли,
Всё, что вы прежде возбудили
В его возвышенной груди.
Но да сойдет благословенье
На вашу жизнь, за то, что вы
Хоть на единое мгновенье
Умели снять венец мученья
С его преклонной головы.

[55]

Пилигрим

Аллах ли там среди пустыни

[56]

Притоны ангелам своим;

[57]

Стеной умели так высоко

Громады скал нагромоздить,

Чтоб путь на север заградить

Звездам, кочующим с востока?

Вот свет всё небо озарил:

То не пожар ли Цареграда?

Иль бог ко сводам пригвоздил

Тебя, полночная лампада,

Маяк спасительный, отрада

Плывущих по морю светил?

Мирза

[58]

Там был я, там, со дня создання,

Бушует вечная метель;

Потоков видел колыбель.

Дохнул, и мерзнул пар дыханья.

Я проложил мой смелый след,

Где для орлов дороги нет,

И дремлет гром над глубиною,

И там, где над моей чалмою

Одна сверкала лишь звезда,

То Чатырдаг был...

Пилигрим

А!..

Казачья колыбельная песня

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.

Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;

Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:

Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.

Я седельце боевое
Шелком разошью...

Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.

Провожать тебя я выйду –
Ты махнешь рукой...

Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..

Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;

Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...

Спи ж, пока забот не знаешь.
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

«Ma cousine...»

Ma cousine,

Je m'incline

A genoux

A cette place!

Qu'il est doux

De faire grâce!

* * *

Pardonnez

[59]

Поэт

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал –
Наследье бранного востока.
Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.
Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.
Он взят за Теремом отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.
Теперь родных ножон, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный;
Игрушкой золотой он блещет на стене –
Увы, бесславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает...

* * *

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?
Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы;
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.
Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.
Но скучен нам простой и гордый твой язык, –
Нас тешат блески и обманы;

*Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны...*

[60]

*Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?*

Стихотворения, 1839

«Ребенка милого рожденье...»

*Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый стих.
Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!
Да будет он отца достоин,
Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен
И в правде тверд, как божий херувим.
Пускай не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных дум;
Пускай глядит он без упрека
На ложный блеск и ложный мира шум;
Пускай не ищет он причины
Чужим страстям и радостям своим,
И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем невредим!*

<А. А. Олениной>

*Ах! Анна Алексевна,
Какой счастливый день!*

*Судьба моя плачевна,
Я здесь стою как пень.*

И что сказать не знаю,

[61]

Я счастья вам желаю

[62]

Не верь себе

Que nous font après tout les vulgaires abois
De tous ces charlatans qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?

[63]

*Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы, бойся вдохновенья...
Оно – тяжелый бред души твоей больной
Иль пленной мысли раздраженье.
В нем признака небес напрасно не ищи –
То кровь кипит, то сил избыток!
Скорее жизнь свою в заботах истощи,
Разлей отравленный напиток!
Случится ли тебе в заветный, чудный миг
Отрыть в душе давно безмолвной
Еще неведомый и девственный родник,
Простых и сладких звуков полный, –
Не вслушивайся в них, не предавайся им,
Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и словом ледяным
Не передашь ты их значенья.
Закрадется ль печаль в тайник души твоей,
Зайдет ли страсть с грозой и вьюгой,
Не выходи тогда на шумный пир людей
С своею бешеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гневом, то тоской послушной
И гной душевных ран надменно выставлять
На диво черни простодушной.
Какое дело нам, страдал ты или нет?
На что нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаленья?
Взгляни: перед тобой играючи идет
Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден след забот,
Слезы не встретишь неприличной.
А между тем из них едва ли есть один,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременных добравшийся морщин*

Без преступленья иль утраты!..
Поверь: для них смешон твой плач и твой укор,
С своим напевом заученным,
Как разрумяненный трагический актер,
Махающий мечом картонным...

Три пальмы

(Восточное сказание)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной
Журча пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.
И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.
И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»
И только замолкли – в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые вьюки,
И шел колыхаясь, как в море челнок,
Верблюды за верблюдом, взрывая песок.
Мотаясь висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали...
И стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.
И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
[64]
И с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копье на скаку.
Вот к пальмам подходит шумя караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,

И гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студёный ручей.
Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.
Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.
И ныне всё дико и пусто кругом –
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит –
Его лишь песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

Молитва («В минуту жизни трудную...»)

*В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.
С души как бремя скатится,
Сомненье далеко –
И верится, и плачется,
И так легко, легко...*

Дары Терека

Терек воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:
«Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов, им на славу,
Стадо целое пригнал».
Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять ласкаясь Терек
Старцу на ухо журчит:
«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;
И волнуясь буйный Терек
Старцу снова говорит:
«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красотке-молодице
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».
Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косой размытой
Колыхаяся всплыла.
И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.
Он взыграл, веселья полный, –
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

Памяти А. И. О<доевско>го

1

*Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока, и тоску изгнания
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалось законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений!*

2

*Он был рожден для них, для тех надежд,
Поэзии и счастья... Но, безумный –
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил – и бог не спас!
Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и среди пустынь безлюдных,
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную.*

3

*Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей!
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза закрылись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый...*

4

*И было ль то привет стране родной,
Название ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,
Кто скажет нам?.. Твоих последних слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно... Дела твои, и мненья,
И думы, – всё исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уносит –
Куда они? Зачем? Откуда? – Кто их спросит...*

5

*И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадёжной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы нежной...
Что за нужда? Пускай забудет свет
Столь чуждое ему существование:
Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?
Ты не служил ему. Ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье синей степи –*

6

*И мрачных гор зубчатые хребты...
И, вокруг твоей могилы неизвестной,
Всё, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синеет, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.*

«На буйном пиршестве задумчив он сидел...»

*На буйном пиршестве задумчив он сидел
Один, покинутый безумными друзьями,
И в даль грядущую, закрытую пред нами,
Духовный взор его смотрел.
И помню я, исполнены печали,
Средь звона чаш, и криков, и речей,
И песен праздничных, и хохота гостей,
Его слова пророчески звучали.
Он говорил: ликуйте, о друзья!
Что вам судьбы дряхлеющего мира?..
Над вашей головой колеблется секира,
Но что ж!.. Из вас один ее увижу я.*

<Э. К. Мусиной-Пушкиной>

Графиня Эмилия –

Белее чем лилия,

Стройней ее талии

На свете не встретится.

И небо Италии

В глазах ее светится,

Но сердце Эмилии

Подобно Бастилии.

Стихотворения, 1840

«Как часто, пестрою толпою окружен...»

1-е января

*Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,
Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, –
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.
И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, – памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится – и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами.
И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей создание
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.
Так царства дивного всесильный господин –
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно средь морей
Цветет на влажной их пустыне.
Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник нёзванную гостью,*

О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

И скучно и грустно

И скучно и грустно, и некому руку подать

В минуту душевной невзгоды...

Желанья!.. Что пользы напрасно и вечно желать?..

А годы проходят – все лучшие годы!

Любить... Но кого же?.. На время – не стоит труда,

А вечно любить невозможно.

В себя ли заглянешь? – там прошлого нет и следа:

И радость, и муки, и всё там ничтожно...

Что страсти? – ведь рано иль поздно их сладкий недуг

Исчезнет при слове рассудка;

И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, –

Такая пустая и глупая шутка...

«Посреди небесных тел...»

Посреди небесных тел

Лик луны туманный:

Как он кругл и как он бел!

Точно блин с сметаной...

Каждую ночь она в лучах

Путь проходит млечный...

Видно, там на небесах

Масленица вечно!

<М. А. Щербатовой>

На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украины она променяла,
Но юга родного
На ней сохранилась примета
Среди ледяного,
Среди беспощадного света.
Как ночи Украины,
В мерцании звезд незакатных,
Исполнены тайны
Слова ее уст ароматных,
Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, ее глазки;
Как ветер пустыни,
И нежат и жгут ее ласки.
И зреющей сливы
Румянец на щечках пушистых,
И солнца отливы
Играют в кудрях золотистых.
И следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежду на бога
Хранит она детскую веру;
Как племя родное,
У чуждых опоры не просит
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит;
От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.

«Есть речи – значенье...»

*Есть речи – значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.
Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.
Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;
Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.
Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.*

Журналист, читатель и писатель

Les poètes ressemblent aux ours, qui se nourrissent en suçant leur patte.

[65]

(Комната писателя; опущенные шторы. Он сидит в больших креслах перед камином.

Читатель, с сигарой, стоит спиной к камину. Журналист входит.)

Журналист

*Я очень рад, что вы больны:
В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений.
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?..
Зато какая благодать,
Коль небо вздумает послать
Ему изгнание, заточенье,
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединенье
Раздастся сладостная песнь!
Порой влюбляется он страстно
В свою нарядную печаль...
Ну, что вы пишете? Нельзя ль
Узнать?*

Писатель

Да ничего...

Журналист

Напрасно!

Писатель

*О чем писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты;
Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою,
Взывали с тайною мольбою
К N. N., неведомой красе, –
И страшно надоели все.*

Читатель

*И я скажу – нужна отвага,
Чтобы открыть... Хоть ваш журнал*

*(Он мне уж руки обломал):
Во-первых, серая бумага,
Она, быть может, и чиста;
Да как-то страшно без перчаток...
Читаешь – сотни опечаток!
Стихи – такая пустота;
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом – сказать ли по секрету?
И в рифмах часто недочет.
Возьмешь ли прозу? Перевод.
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад –
То, верно, над Москвой смеются
Или чиновников бранят.
С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?
А если и случалось им,
Так мы их слышать не хотим...
Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?*

Журналист

*Я точно то же говорю.
Как вы, открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.*

Читатель

*Читал я. Мелкие нападки
На шрифт, виньетки, опечатки,
Намеки тонкие на то,
Чего не ведает никто.
Хотя б забавно было свету!..
В чернилах ваших, господа,
И желчи едкой даже нету –
А просто грязная вода.*

Журналист

*И с этим надо согласиться.
Но верьте мне, душевно рад
Я был бы вовсе не браниться –*

Да как же быть?.. Меня бранят!
Войдите в наше положение!
Читает нас и низший круг:
Нагая резкость выраженья
Не всякий оскорбляет слух;
Приличье, вкус – всё так условно;
А деньги все ведь платят ровно!
Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги, –
И всё зачем? Чтоб вам сказать,
Что их не надобно читать!..

Читатель

Зато какое наслажденье,
Как отдыхает ум и грудь,
Коль попадется как-нибудь
Живое, свежее творенье!
Вот, например, приятель мой:
Владеет он изрядным слогом,
И чувств и мыслей полнотой
Он одарен всевышним богом.

Журналист

Всё это так, – да вот беда:
Не пишут эти господа.

Писатель

О чем писать?.. Бывает время,
Когда забот спадает бремя,
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна вослед другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва:
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг нижутся слова...
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.

Но эти странные творенья
Читает дома он один,
И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.
Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред
Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет...
Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце – жадная тоска;
Дрожа холодная рука
Подушку жаркую объемлет;
Невольный страх власы подъемлет;
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется – и язык
Лепечет громко, без сознания,
Давно забытые названья;
Давно забытые черты
В сиянье прежней красоты
Рисует память своевольно:
В очах любовь, в устах обман –
И веришь снова им невольно,
И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран...
Тогда пишу. Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум:
То соблазнительная повесть
Сокрытых дел и тайных дум;
Картины хладные разврата,
Преданья глупых юных дней,
Давно без пользы и возврата
Погибших в омуте страстей,
Средь битв незримых, но упорных,
Среди обманщиц и невежд,
Среди сомнений ложно черных
И ложно радужных надежд.
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;

Неумолим я и жесток...
Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решусь показать...
Скажите ж мне, о чем писать?
К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь,
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?
Чтоб тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?
О нет! Преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю...

Воздушный корабль

(Из Зейдлица)

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.
Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.
Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы и тайные мели,
И бури ему нипочем.
Есть остров на том океане –
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.
Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.
И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.
Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.
Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.
Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.
И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет

И очи пылают огнем.
На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.
Но спят усачи-гренадеры –
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.
И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.
И топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:
Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.
Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один –
Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок,
Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

Соседка

Не дожидаться мне видно свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко над землей!
И у двери стоит часовой!
Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.
Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно;
У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду...
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подыметса вдруг.
На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок,
Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Всё тоскует по воле, как я.
Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь – отворится клетка,
И, как божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.
У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.
Избери только ночь потемнея,
Да отцу дай вина похмельнея,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

Пленный рыцарь

*Молча сажу под окошком темницы;
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют всё вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и стыдно.
Нет на устах моих грешной молитвы,
Нету ни песни во славу любезной:
Помню я только старинные битвы,
Меч мой тяжелый да панцирь железный.
В каменный панцирь я ныне закован,
Каменный шлем мою голову давит,
Щит мой от стрел и меча заколдован,
Конь мой бежит, и никто им не правит.
Быстрое время – мой конь неизменный,
Шлема забрало – решетка бойницы,
Каменный панцирь – высокие стены,
Щит мой – чугунные двери темницы.
Мчись же быстрее, летучее время!
Душно под новой бронею мне стало!
Смерть, как приедем, поддержит мне стремя;
Слезу и сдерну с лица я забрало.*

<М. П. Соломирской>

*Над бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читает на воротах рая
Узоры надписи святой.
И часто тайную отраду
Находит муке неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.
Так, разбирая в заточенье
[66]*

*Я был свободен на мгновенье
Могучей волею мечты.
Залогом вольности желанной,
Лучом надежды в море бед
Мне стал тогда ваш безымянный,
Но вечно-памятный привет.*

Отчего

*Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... Потому что весело тебе.*

Благодарность

*За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.*

Из Гете

*Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.*

Ребенку

*О грезах юности томим воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как милы мне твои улыбки молодые,
И быстрые глаза, и кудри золотые,
И звонкий голосок! – Не правда ль, говорят,
Ты на нее похож? – Увы! Года летят;
Страдания ее до срока изменили,
Но верные мечты тот образ сохранили
В груди моей; тот взор, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебе непрошенные ласки?
Не слишком часто ль я твои целую глазки?
Слеза моя ланит твоих не обожгла ль?
Смотри ж, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мне. К чему? Ее, быть может,
Ребяческий рассказ рассердит иль встревожит...
Но мне ты всё поверь. Когда в вечерний час
Пред образом с тобой заботливо склонясь,
Молитву детскую она тебе шептала
И в знаменья креста персты твои сжимала,
И все знакомые родные имена
Ты повторял за ней, – скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Бледнея, может быть, она произносила
Название, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя? – звук пустой!
Дай бог, чтоб для тебя оно осталось тайной.
Но если как-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его, – ребяческие дни
Ты вспомни и его, дитя, не прокляни!*

А. О. Смирновой

*В простосердечии невежды
Короче знать вас я желал,
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.
Без вас – хочу сказать вам много,
При вас – я слушать вас хочу:
Но молча вы глядите строго,
И я, в смущении, молчу!
Что делать? – речью безыскусной
Ваш ум занять мне не дано...
Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.*

К портрету

*Как мальчик кудрявый, резва,
Нарядна, как бабочка летом;
Значенья пустого слова
В устах ее полны приветом.
Ей нравиться долго нельзя:
Как цепь, ей несносна привычка,
Она ускользнет, как змея,
Порхнет и умчится, как птичка.
Таит молодое чело
По воле – и радость и горе.
В глазах – как на небе светло,
В душе ее темно, как в море!
То истиной дышит в ней всё,
То всё в ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.*

Тучи

*Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.
Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? Злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?
Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.*

«Я к вам пишу случайно; право...»

Я к вам пишу случайно; право,
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? – ничего!
Что помню вас? – но, боже правый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, всё равно.
И знать вам также нету нужды,
Где я? Что я? В какой глуши?
Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.
Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!
Да и притом что пользы верить
Тому, чего уж больше нет?..
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на срок;
Но я вас помню – да и точно,
Я вас никак забыть не мог!
Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил,
Потом страданием и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаянье бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет;
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум молодых проказ,
Любовь, поэзию, – но вас
Забыть мне было невозможно.
И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказание?
Не всё ль одно. Я жизнь постиг;

Судьбе, как турок иль татарин,
За всё я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переносу.
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их пророка
Невольно сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днем,
Всё, размышлению мешая,
Приводит в первобытный вид
Больную душу: сердце спит,
Простора нет воображенью...
И нет работы голове...
Зато лежишь в густой траве
И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз;
Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядом, повеса нос;
У медных пушек спит прислуга,
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалось и нам;
И вижу я неподалеку
У речки, следуя пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету ноговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.
Чу – дальний выстрел! Прожужжала

Шальная пуля... Славный звук...
Вот крик – и снова всё вокруг
Затихло... Но жара уж спала,
Ведут коней на водопой,
Зашевелилася пехота;
Вот проскакал один, другой!
Шум, говор. Где вторая рота?
Что, вьючить? – что же капитан?
Повозки выдвигайте живо!
Савельич! Ой ли? – Дай огниво! –
Гудит музыка полковая;
Между колоннами въезжая,
Звенят орудья. Генерал
Вперед со свитой поскакал...
Рассыпались в широком поле,
Как пчелы, с гиком казаки;
Уж показались значки
Там на опушке – два, и боле.
А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит,
Он машет, кличет – где отважный?
Кто выдет с ним на смертный бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... Выстрел... Легкий дым...
Эй вы, станичники, за ним...
Что? Ранен!.. – Ничего, безделка...
И завязалась перестрелка...
Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером, бывало,
Мы любовались на них
Без кроважного волненья,
Как на трагический балет;
Зато видал я представленья,
Каких у вас на сцене нет...
Раз – это было под Гихами,
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами

Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстился облаками;
И оживились леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось;
Чу! В арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов выносят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей;
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки;
И градом пуль с вершин деревьев
Отряд осыпан. Впереди же
Всё тихо – там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблестало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь всё спряталось в траве.
То было грозное молчанье,
Не долго длилось оно,
Но в этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп... Глядим: лежат рядами,
Что нужды? Здешние полки
Народ испытанный... В штыки,
Дружнее! Раздалось за нами.
Кровь загорелась в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы,

Кто не успел спрыгнуть с коня...
Ура – и смолкло. – Вон кинжалы,
В приклады! – и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.
На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленях; мрачно, грубо
Казалось выражение лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... На шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал...
«Спасите, братцы. – Тащат в горы.
Постойте – ранен генерал...
Не слышат...» Долго он стонал,
Но всё слабей и понемногу
Затих и душу отдал богу;
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые...
И тихо плакали.... Потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый,
Им вслед смотрел я недвижимый.
Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.

Уже затихло всё; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по камням,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы – и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?
Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой: я его спросил,
Как месту этому название?
«Валерик,
[67]
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми».
– А сколько их дралось примерно
Сегодня? – Тысяч до семи.
– А много горцы потеряли?
– Как знать? – зачем вы не считали!
«Да! Будет, – кто-то тут сказал, –
Им в память этот день кровавый!»
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.
Но я боюсь вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице

Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвенье
Не лучше ль кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденье?
Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость,
Я буду счастлив. А не так? –
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чужак!..

Завещание («Наедине с тобою, брат...»)

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? Моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.
А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навывлет в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.
Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.
Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... Всё равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалея;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!

Стихотворения, 1841

Оправдание

Когда одни воспоминанья
О заблуждениях страстей,
На место славного названья,
Твой друг оставит меж людей, –
И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролась любовь, –
Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя, –
Того, кто страстью и пороком
Затмил твои молодые дни,
Молю: язвительным упреком
Ты в оный час не помяни.
Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.

Родина

*Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю – за что, не знаю сам –
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой многим незнакомой
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.*

«На севере диком стоит одиноко...»

На севере диком стоит одиноко

На голой вершине сосна

И дремлет качаясь, и снегом сыпучим

Одета, как ризой, она.

И снится ей всё, что в пустыне далекой –

В том крае, где солнца восход,

Одна и грустна на утесе горючем

Прекрасная пальма растёт.

Любовь мертвеца

Пускай холодной землею
Засыпан я,
О друг! Всегда, везде с тобою
Душа моя.
Любви безумного томленья,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл.

*

Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки –
Разлуки нет.
Я видел прелесть бестелесных
И тосковал,
Что образ твой в чертах небесных
Не узнавал.

*

Что мне сиянье божьей власти
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой.
Ласкаю я мечту родную
Везде одну;
Желаю, плачу и ревную,
Как в старину.

*

Коснется ль чуждое дыханье
Твоих ланит,
Моя душа в немом страданье
Вся задрожит.
Случится ль, шепчешь засыпая
Ты о другом,
Твои слова текут пылая
По мне огнем.

*

Ты не должна любить другого,
Нет, не должна,
Ты мертвецу, святыней слова,
Обручена.

Увы, твой страх, твои моления
К чему оне?

Ты знаешь, мира и забвенья
Не надо мне!

Последнее новоселье

Меж тем, как Франция, среди рукоплесканий
И кликов радостных, встречает хладный прах
Погибшего давно среди немых страданий
В изгнание мрачном и в цепях;
Меж тем, как мир услужливой хвалою
Венчает позднего раскаянья порыв
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забыв, –
Негодование и чувству дав свободу,
Поняв тщеславие сих праздничных забот,
Мне хочется сказать великому народу:

[68]

Ты жалок потому, что вера, слава, гений,
Всё, всё великое, священное земли,
С насмешкой глупою ребяческих сомнений
Тобой растоптано в пыли.
Из славы сделал ты игрушку лицемерья,

[69]

И все заветные отцовские поверья
Ты им рубил, рубил сплеча, –
он
Отмеченный божественным перстом,
И признан за вождя всеобщим приговором,
И ваша жизнь слилася в нем, –
И вы окрепли вновь в тени его державы,
И мир трепещущий в безмолвии взирал
На ризу чудную могущества и славы,
Которой вас он одевал.
Один, – он был везде, холодный, неизменный,
Отец седых дружин, любимый сын молвы,
В степях египетских, у стен покорной Вены,

[70]

А вы, что делали, скажите, в это время,
Когда в полях чужих он гордо погибал?
Вы потрясали власть избранную, как бремя,

[71]

Среди последних битв, отчаянных усилий,
В испуге не поняв позора своего,
Как женщина, ему вы изменили,
И, как рабы, вы предали его!

[72]

Разбитый свой венец он снял и бросил сам,
И вам оставил он в залог родного сына –
Вы сына выдали врагам!
Тогда, отяготив позорными цепями,
Героя увезли от плачущих дружин,
И на чужой скале, за синими морями,
Забытый, он угас один –
Один, замучен мщением бесплодным,
Безмолвною и гордою тоской,
И, как простой солдат, в плаще своем походном
Зарыт наемною рукой...

*

Но годы протекли, и ветреное племя
Кричит: «Подайте нам священный этот прах!
Он наш; его теперь, великой жатвы семя,
Зароем мы в спасенных им стенах!»
И возвратился он на родину; безумно,
Как прежде, вокруг него теснятся и бегут
И в пышный гроб, среди столицы шумной,
Остатки тленные кладут.
Желанье позднее увенчано успехом!
И краткий свой восторг сменив уже другим,
Гуляя, топчет их с самодовольным смехом
ним.

*

И грустно мне, когда подумаю, что ныне
Нарушена святая тишина
Вокруг того, кто ждал в своей пустыне
Так жадно, столько лет – спокойствия и сна!
И если дух вождя примчится на свиданье
С гробницей новою, где прах его лежит,
Какое в нем негодование
При этом виде закипит!
Как будет он жалеть, печалию томимый,
О знойном острове, под небом дальних стран,
Где сторожил его, как он непобедимый,
Как он великий, океан!

«Из-под таинственной холодной полумаски...»

Из-под таинственной холодной полумаски
Звучал мне голос твой отрадный, как мечта,
Светили мне твои пленительные глазки
И улыбались лукавые уста.
Сквозь дымку легкую заметил я невольно
И девственных ланит и шеи белизну.
Счастливец! Видел я и локон своевольный,
Родных кудрей покинувший волну!..
И создал я тогда в моем воображеньи
По легким признакам красавицу мою:
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.
И всё мне кажется: живые эти речи
В года минувшие слышал когда-то я;
И кто-то шепчет мне, что после этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые друзья.

И. П. Мятлеву

[73]

С досадой я смотрю,
Угрюмых и серьезных
Фигур их не терплю.
Вот дама Курдюкова,
Ее рассказ так мил,
Я óт слова до слова
Его бы затвердил.
Мой ум скакал за нею, –
И часто был готов
Я броситься на шею
К *madame de*-Курдюков.

<А. А. Углицкой>

Ma chère Alexandrine,

Простите, же ву при,

[74]

Всё, что je vous écris;

Меж тем, же ву засюр,

Ich wünsche счастья вам,

Surtout beaucoup d'amour,

Мадам.

[75]

<Из альбома С. Н. Карамзиной>

*Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.
Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.
Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор,
Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
Смирновой штучку, фарсу Саши
И Ишки Мятлева стихи...*

Графине Ростопчиной

*Я верю: под одной звездою
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.
Но что ж! – от цели благородной
Оторван бурей страстей,
Я позабыл в борьбе бесплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную вверять...
Так две волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:
Их гонит вместе ветер южный;
Но их разрознит где-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодом привычным,
Они несут брегам различным,
Без сожаленья и любви,
Свой ропот сладостный и томный,
Свой бурный шум, свой блеск заемный
И ласки вечные свои.*

Договор

Пускай толпа клеймит презрением
Наш неразгаданный союз,
Пускай людским предубеждением
Ты лишена семейных уз.
Но перед идолами света
Не гну колени я мои;
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.
Как ты, кружусь в веселье шумном,
Не отличая никого:
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего.
Земного счастья мы не ценим,
Людей привыкли мы ценить:
Себе мы оба не изменим,
А нам не могут изменить.
В толпе друг друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радости любовь,
Разлука будет без печали.

«Прощай, немытая Россия...»

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
[76]*

*И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.*

Утес

*Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.*

Спор

*Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор*

[77]

Был великий спор.

«Берегись! – сказал Казбеку

Седовласый Шат, –

Покорился человеку

Ты не даром, брат!

Он настроит дымных келий

По уступам гор;

В глубине твоих ущелий

Загремит топор;

И железная лопата

В каменную грудь,

Добывая медь и злато,

Врежет страшный путь.

Уж проходят караваны

Через те скалы,

Где носились лишь туманы

Да цари-орлы.

Люди хитры! Хоть и труден

Первый был скачок,

Берегися! Многолюден

И могуч Восток!»

– Не боюсь я Востока! –

Отвечал Казбек, –

Род людской там спит глубоко

Уж девятый век.

Посмотри: в тени чинары

Пену сладких вин

На узорные шальвары

Сонный льет грузин;

И склонясь в дыму кальяна

На цветной диван,

У жемчужного фонтана

Дремлет Тегеран.

Вот – у ног Ерусалима,

Богом сожжена,

Безглагольна, недвижима

Мертвая страна;

Дальше, вечно чуждый тени,
Моет желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Всё, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя...
Нет! Не дряхлому Востоку
Покорить меня!
«Не хвались еще заране! –
Молвил старый Шат, –
Вот на севере в тумане
Что-то видно, брат!»
Тайно был Казбек огромный
Вестью той смущен;
И, смутясь, на север темный
Взоры кинул он;
И туда в недоуменье
Смотрит, полный дум:
Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки;
Веют белые султаны,
Как степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамены,
В барабаны бьют;
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И испытанный трудами

Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
[78]
Идут все полки могучи,
Шумны, как поток,
Страшно-медленны, как тучи,
Прямо на восток.
И томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый
И не счел врагов.
Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
[79]
И навек затих.

Сон («В полдневный жар в долине Дагестана...»)

*В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.
Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня – но спал я мертвым сном.
И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.
Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;
И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.*

L'Attente

*Je l'attends dans la plaine sombre;
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement...
Eh non! – trompeuse espérance –
C'est un vieux saule qui balance
Son tronc desséché et luisant.
Je me penche et longtemps j'écoute:
Je crois entendre sur la route
Le son qu'un pas léger produit...
Non, ce n'est rien! C'est dans la mousse
Le bruit d'une feuille que pousse
Le vent parfumé de la nuit.
Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse
Et m'endors d'un sommeil profond...
Tout-à-coup, tremblant, je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
[80]*

«Лилейной рукой поправляя...»

Лилейной рукой поправляя

Едва пробившийся ус,

Краснеет, как дева молодая,

[81]

.....

«На бурке под тенью чинары...»

1

*На бурке под тенью чинары
Лежал Ахмет Ибрагим,
И руки скрестивши, татары
Стояли молча пред ним.*

2

*И брови нахмутив густые,
Лениво молвил Ага:
О слуги мои удалые,
Мне ваша жизнь дорога!*

3

.....

«Они любили друг друга так долго и нежно...»

Sie liebten sich beide, doch keiner

Wollt'es dem andern gestehn.

[82]

Они любили друг друга так долго и нежно,

С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной!

Но, как враги, избегали признанья и встречи,

И были пусты и хладны их краткие речи.

Они расстались в безмолвном и гордом страданье

И милый образ во сне лишь порою видали.

И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...

Но в мире новом друг друга они не узнали.

Тамара

*В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.
В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.
И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.
И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всеильные чары,
Была непонятная власть.
На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.
На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя. Шипели
Пред нею два кубка вина.
Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавалися там.
Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.
Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.
Лишь Терек в теснине Дарьяла
Гремя нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;*

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.
И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

Свиданье

1

Уж за горой дремучею
Погас вечерний луч,
Едва струей гремучею
Сверкает жаркий ключ;
Сады благоуханием
Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
В ущелье мгла и дым.
Летают сны-мучители
Над грешными людьми,
И ангелы-хранители
Беседуют с детьми.

2

Там за твердыней старою
На сумрачной горе
Под свежею чинарою
Лежу я на ковре.
Лежу один и думаю:
Ужели не во сне
Свиданье в ночь угрюмую
Назначила ты мне?
И в этот час таинственный,
Но сладкий для любви,
Тебя, мой друг единственный,
Зовут мечты мои.

3

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горят,
И колокольни черные,
Как сторожи, стоят;
И поступью несмелою
Из бань со всех сторон
Выходят цепью белою
Четы грузинских жен;
Вот улицей пустынною

Бредут, едва скользя...
Но под чадрую длинною
Тебя узнать нельзя!..

4

Твой домик с крышей гладкою
Мне виден вдалеке;
Крыльцо с ступенью шаткою
Купается в реке;
Среди прохлады, веющей
Курой,
Он сетью зеленеющей
Опутан плющевой;
За тополью высокою
Я вижу там окно...
Но свечкой одинокою
Не светится оно!

5

Я жду. В недоумении
Напрасно бродит взор:
Кинжалом в нетерпении
Изрезал я ковер;
Я жду с тоской бесплодною,
Мне грустно, тяжело...
Вот сыростью холодною
С востока понесло,
Краснеют за туманами
Седых вершин зубцы,
Выходят с караванами
Из города купцы...

6

Прочь, прочь, слеза позорная,
Кипи, душа моя!
Твоя измена черная
Понятна мне, змея!
Я знаю, чем утешенный
По звонкой мостовой
Вчера скакал, как бешеный,

Татарин молодой.
Недаром он красуется
Перед твоим окном,
И твой отец любит
Персидским жеребцом.

7

Возьму винтовку длинную,
Пойду я из ворот:
Там под скалой пустынною
Есть узкий поворот.
До полдня за могильною
Часовней подожду
И на дорогу пыльную
Винтовку наведу.
Напрасно грудь колышется!
Я лег между камней;
Чу! Близкий топот слышится...
А! Это ты, злодей!

Листок

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот наконец докатился до Черного моря.
У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.
И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.
Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».
– На что мне тебя? – отвечает младая чинара,
Ты пылен и желт, – и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал – да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.
Иди себе дальше; о странник! Тебя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море.

«Выхожу один я на дорогу...»

1

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.*

2

*В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чем?*

3

*Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!*

4

*Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;*

5

*Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.*

Морская царевна

В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! Взгляни на меня!»
Фыркает конь и ушами прядет,
Брызжет и плещет и дале плывет.
Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь провести ты с царевною ночь?»
Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелкóвой узды.
Вышла младая потом голова;
В косу вплелась морская трава.
Синие очи любовью горят;
Брызги на шее, как жемчуг, дрожат.
Мыслит царевич: «Добро же! Постой!»
За косу ловко схватил он рукой.
Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьется она.
К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зовет.
«Эй вы! Сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча моя...
Что ж вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»
Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! Померк торжествующий взгляд.
Видит: лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;
Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь дрожит;
Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла.
Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...
Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую дочь!

Пророк

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.
Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;
Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.
Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:
«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами.
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!
Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

«Нет, не тебя так пылко я люблю...»

1

*Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.*

2

*Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.*

3

*Я говорю с подругой юных дней;
В твоих чертах ищу черты другие;
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.*

Стихотворения разных годов

Крест на скале

*В теснине Кавказа я знаю скалу,
Туда долететь лишь степному орлу,
Но крест деревянный чернеет над ней,
Гниет он и гнется от бурь и дождей.
И много уж лет протекло без следов
С тех пор, как он виден с далеких холмов.
И каждая кверху подъята рука,
Как будто он хочет схватить облака.
О если б взойти удалось мне туда,
Как я бы молился и плакал тогда;
И после я сбросил бы цепь бытия,
И с бурей братом назвался бы я!*

Черны очи

Много звезд у летней ночи,
Отчего же только две у вас,
Очи юга! Черны очи!
Нашей встречи был недобрый час.
Кто ни спросит, звезды ночи
Лишь о райском счастье говорят;
В ваших звездах, черны очи,
Я нашел для сердца рай и ад.
Очи юга, черны очи,
В вас любви прочел я приговор,
Звезды дня и звезды ночи
Для меня вы стали с этих пор!

К *** («Когда твой друг с пророческой тоскою...»)

*Когда твой друг с пророческой тоскою
Тебе вверял толпу своих забот,
Не знала ты невинною душою,
Что смерть его позорная зовет,
Что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;
Он был рожден для мирных вдохновений,
Для славы, для надежд; – но меж людей
Он не годился; и враждебный гений
Его душе не наложил цепей;
И не слышал творец его молений,
И он погиб во цвете лучших дней;
И близок час... И жизнь его потонет
В забвенье, без следа, как звук пустой;
Никто слезы прощальной не уронит,
Чтоб смыть упрек, оправданный толпой,
И лишь волна полночная простонет
Над сердцем, где хранился образ твой!*

Гость

(Быль)

(Посвящается.....)

Кларису юноша любил,
Давно тому назад.
Он сердце девы получил:
А сердце – лучший клад.
Уж громкий колокол гудёт,
И в церкви поп с венцами ждёт.
И вдруг раздался крик войны,
Подъяты знамена:
Спешат отечества сыны –
И ноги в стремяна!
Идет Калмар, томим тоской,
Проститься с девой молодой.
«Клянись, что вечно, – молвил он, –
Мне не изменишь ты! –
Пускай холодной смерти сон,
О дева красоты,
Нас осеняет под землей,
Коль не венцы любви святой!»
Клариса клятву говорит,
Дрожит слеза в очах,
Разлуки поцелуй горит
На розовых устах:
«Вот поцелуй последний мой –
С тобою в храм и в гроб с тобой!»
– Итак, прости! Жалей меня:
Печален мой удел! –
Калмар садится на коня
И вихрем полетел...
Дни мчатся... Снег в полях лежит...
Всё дева плачет да грустит...
Вот и весна явилась вновь,
И в солнце прежний жар.
Проходит женская любовь,
Забыт, забыт Калмар!
И должен получить другой
Ее красу с ее рукой.
С невестой под руку жених
Пирует за столом,

Гостей обходит и родных
Стакан, шипя вином.
Пир брачный весело шумит;
Лишь молча гость один сидит.
На нем шелом избит в боях,
Под холодной сталью лик,
И плащ изорван на плечах,
И ржавый меч велик.
Сидит он прям и недвижим,
И речь начать бояться с ним...
«Что гость любезный наш не пьет, –
Клариса вдруг к нему, –
И что он нить не перервет
Молчанью своему?
Кто он? Откуда в нашу дверь?
Могу ли я узнать теперь?»
Не стон, не вздох он испустил –
Какой-то странный звук
Невольным страхом поразил
Мою невесту вдруг.
Все гости: ах! – открыл пришлец
Лицо свое: – то был мертвец.
Трепещут все, спасенья нет,
Жених забыл свой меч.
«Ты помнишь ли, – сказал скелет, –
Свою прощальну речь:
Калмар забыт не будет мной;
С тобою в храм и в гроб с тобой!
Калмар твой пал на битве – там,
В отчаянной борьбе.
Венец, девица, в гробе нам:
Я верен был тебе!..»
Он обхватил ее рукой,
И оба скрылись под землей.
В том доме каждый круглый год
Две тени, говорят,
(Когда меж звезд луна бредет,
И все живые спят)
Являются, как легкий дым,
Бродя по комнатам пустым!..

«Non, si j'en crois mon esperance...»

Non, si j'en crois mon espérance

J'attends un meilleur avenir.

Je serai malgré la distance

Près de vous par le souvenir.

Errant sur un autre rivage,

De loin je vous suivrai,

Et sur vous si grondait l'orage,

[83]

<Н. Н. Арсеньеву>

*Дай бог, чтоб ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытия,
Чтоб дух твой в небо не умчался,
Чтоб не иссякла плоть твоя;
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будет над тобой,
Чтоб ум твой не вскружили вины
И взор красавицы молодой;
Ланиты и вино нередко
Фальшивой краскою блещут;
Вино поддельное, кокетка –
Для головы и сердца яд!*

«Когда надежде недоступный...»

Когда надежде недоступный,
Не смея плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнил страданием искупить;
Когда бывшее ежечасно
Очам являлось моим
И всё, что свято и прекрасно,
Отозвалось мне чужим;
Тогда молитвой безрассудной
Я долго богу докучал
И вдруг услышал голос чудный.
«Чего ты просишь? – он вещал. –
Ты жить устал? – но я ль виновен;
Смири страстей своих порыв;
Будь, как другие, хладнокровен,
Будь, как другие, терпелив.
Твое блаженство было ложно;
Ужель мечты тебе так жаль?
Глупец! Где посох твой дорожный?
Возьми его, пускайся в даль;
Пойдешь ли ты через пустыню
Иль город пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигде приют себе не строй».

«Ах! Ныне я не тот совсем...»

Ах! Ныне я не тот совсем,
Меня друзья бы не узнали,
И на челе тогда моем
Власы седые не блитали.
Я был еще совсем не стар;
А иссушил мне сердце жар
Страстей, явились морщины
И ненавистные седины,
Но и теперь преклонных лет
Я презираю тяготенье.
Я знал еще души волненье –
Любви минувшей грозный след,
Но говорю: краса Терезы...
Теперь среди полночной грезы
Мне кажется: идет она
Между каштанов и черешен...
Катится по небу луна...
Как я доволен и утешен!
Я вижу кудри... Взор живой
Горячей влагою оделся...
Как жемчуг перси белизной.
Так живо образ дорогой
В уме моем напечатлелся!
Стан невысокий помню я
И азиатские движенья,
Уста пурпурные ея,
Стыда румянец и смятенье...
Но полно! Полно! Я любил,
Я чувств своих не изменил!..

.....

Любовь, сокрывшись в сердце диком,
В одних лишь крайностях горит
И вечно (тщетно рок свирепый
Восстал) меня не охладит,
И тень минувшего бежит
Поныне всюду за Мазепой...

.....

«Расписку просишь ты, гусар...»

Расписку просишь ты, гусар, –
Я получил твое посланье;
Родилось в сердце упование,
И легче стал судьбы удар;
Твои пленительны картины
И дерзкой списаны рукой;
В твоих стихах есть запах винный –
А рифмы льются <...>.
Борделя грязная свобода
Тебя в пророки избрала;
Давно для глаз твоих природа
Покров обманчивый сняла;
Чуть тронешь ты жезлом волшебным
Хоть отвратительный предмет,
Стихи звучат ключом целебным
И люди шепчут: он поэт!
Так некогда в степи безводной
Премудрый пастырь Аарон
Услышал плач и вопль народный
И жезл священный поднял он,
И на челе его угрюмом
Надежды луч блеснул живой,
И тронул камень он немой, –
И брызнул ключ с приветным шумом
Новорожденною струей.

«Он был в краю святом...»

Он был в краю святом,
На холмах Палестины.
Стальной его шлем
Исекли сарацины.
Понес он в край святой
Цветущие ланиты;
Вернулся он домой
Плешивый и избитый.
Неверных он громил
Обеими руками –
Ни жен их не щадил,
Ни малых с стариками.
Встречаясь с ним подчас,
Смущались красотки;
Он п... их не раз,
Перебирая четки.
Вернулся он в свой дом
Без славы и без злата;
Глядит – детей содом,
Жена его брюхата.
Пришибло старика...

«Никто моим словам не внимлет... Я один...»

Никто моим словам не внимлет... Я один.

День гаснет... Красными рисуясь полосами,

На запад уклонились тучи, и камин

Трещит передо мной. – Я полон весь мечтами

О будущем... И дни мои толпой

Однообразною проходят предо мной,

И тщетно я ищу смущенными очами

Меж них хоть день один, отмеченный судьбой!

«Мое грядущее в тумане...»

Мое грядущее в тумане,
Былое полно мук и зла...
Зачем не позже иль не ране
Меня природа создала?
К чему творец меня готовил,
Зачем так грозно прекословил
Надеждам юности моей?..
Добра и зла он дал мне чашу,
Сказав: я жизнь твою украшу,
Ты будешь славен меж людей!..
И я словам его поверил,
И, полный волею страстей,
Я будущность свою измерил
Обширностью души своей;
С святыней зло во мне боролось,
Я удушил святыни голос,
Из сердца слезы выжал я;
Как юный плод, лишенный сока,
Оно увяло в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.
Тогда, для поприща готовый,
Я дерзко вник в сердца людей
Сквозь непонятные покровы
Приличий светских и страстей.

«И на театре, как на сцене света...»

И на театре, как на сцене света.

Мы не выходим из балета:

Захочется ль кому

К честям и званиям пробить себе дорогу,

Работы нет его уму –

Умей он поднимать лишь ногу.

«Это случилось в последние годы могучего Рима...»

Это случилось в последние годы могучего Рима,

[84]

Но ежедневно на месте отрубленных ветвей, у древа

Церкви христовой юные вновь зеленели побеги.

В тайной пещере, над Тибром ревущим, скрывался в то время

Праведный старец, в посте и молитве свой век доживая;

Бог его в людях своей благодатью прославил.

Чудный он дар получил: исцелять от недугов телесных

И от страданий душевных. Рано утром, однажды,

Горько рыдая, приходит к нему старуха простого

Звания, – с нею и муж ее, грусти безмолвной исполнен,

Просит она воскресить ее дочь, внезапно во цвете

Девственной жизни умершую... – «Вот уж два дня и две ночи, –

Так она говорила, – мы наших богов неотступно

Молим во храмах и жжем ароматы на мраморе холодном,

Золото сыплем жрецам их и плачем, – но всё бесполезно!

Если бы знал ты Виргинию нашу, то жалость стеснила б

Сердце твое, равнодушное к прелестям мира! Как часто

Дряхлые старцы, любясь на белые плечи, волнистые кудри,

На темные очи ее, молодели; и юноши страстным

Взором ее провожали, когда, напевая простую

Песню, амфору держа над головой осторожно, тропинкой

К Тибру спускалась она за водою... Иль в пляске,

Перед домашним порогом, подруг побеждала искусством,

Звонким, ребяческим смехом родительский слух утешая...

Только в последнее время приметно она изменилась;

Игры наскучили ей, и взор отуманился думой;

Из дому стала она уходить до зари, возвращаясь

Вечером темным, и ночи без сна проводила... При свете

Поздней лампы я видела раз, как она, на коленях,

Тихо, усердно и долго молилась, – кому? – неизвестно!..

Созвали мы стариков и родных для совета; решили...»

.....

«Тебе, Кавказ, суровый царь земли...»

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небрежный.
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной;
От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной,
На севере, в стране тебе чужой,
Я сердцем твой – всегда и всюду твой.
Еще ребенком, робкими шагами
Взбирался я на гордые скалы,
Увитые туманными чалмами,
Как головы поклонников Аллы.
Там ветер машет вольными крылами,
Там ночевать слетаются орлы,
Я в гости к ним летал мечтой послушной
И сердцем был – товарищ их воздушный.
С тех пор прошло тяжелых много лет,
И вновь меня меж скал своих ты встретил,
Как некогда ребенку, твой привет
Изгнаннику был радостен и светел.
Он пролил в грудь мою забвенье бед,
И дружно я на дружный зов ответил;
И ныне здесь, в полуночном краю,
Всё о тебе мечтаю и пою.

«Не плачь, не плачь, мое дитя...»

*Не плачь, не плачь, мое дитя,
Не стоит он безумной муки.
Верь, он ласкал тебя шутя.
Верь, он любил тебя от скуки!
И мало ль в Грузии у нас
Прекрасных юношей найдется?
Быстрее огонь их черных глаз,
И черный ус их лучше вьется!
Из дальней, чуждой стороны
Он к нам заброшен был судьбою;
Он ищет славы и войны, –
И что ж он мог найти с тобою?
Тебя он золотом дарил,
Клялся, что вечно не изменит,
Он ласки дорого ценил –
Но слез твоих он не оценит!*

«Quand je te vois sourire...»

*Quand je te vois sourire,
Mon cœur s'épanouit,
Et je voudrais te dire,
Ce que mon cœur me dit!
Alors toute ma vie
A mes yeux apparaît;
Je maudis, et je prie,
Et je pleure en secret.
Car sans toi, mon seul guide,
Sans ton regard de feu
Mon passé paraît vide,
Comme le ciel sans Dieu.
Et puis, caprice étrange,
Je me surprends bénir
Le beau jour, oh mon ange,
[85]*

Приложения

Приложение I

Переводы

Мрак. Тьма

Я видел сон, который не совсем был сон. Блестящее солнце потухло, и звезды темные блуждали по беспредельному пространству, без пути, без лучей; и оледенелая земля плавала слепая и черная в безлунном воздухе. Утро пришло и ушло – и опять пришло и не принесло дня; люди забыли о своих страстях в страхе и отчаянии; и все сердца охладели в одной молитве о свете; люди жили при огнях, и престолы, дворцы венценосных царей, хижины, жилища всех населенцев мира истлели вместо маяков; города развалились в пепел, и люди толпились вокруг домов горящих, чтоб еще раз посмотреть друг на друга; счастливы были жившие противу вулканов, сих горных факелов; одна боязненная надежда поддерживала мир; леса были зажжены – но час за часом они падали и гибли, и треща гасли пни – и всё было мрачно.

двое

[86]

Нет легкого дуновения воздуха, рассекающего волну, которая катится под могилою афинян; сей блестящий гроб на крутой, навислой скале первый приветствует возвращающуюся домой ладью; он высоко господствует над страной, тщетно им спасенною, – когда снова увидит такого героя?..

* * *

колонны,
краски

И если иногда мгновенный зефир взволнует голубой кристалл моря или сметет цвет с дерева, да будет благословен милый ветерок, пробудивший и разнесший здесь благоухание.

роза,

И много здесь летних цветов, и много тени, которую любовь желала бы разделить, и многие есть пещеры, манящие к отдохновенью, которые служат вертепом для разбойника, коего ладья, пристав к скрытой здесь гавани, ждет мирного корабля, пока не услышит гитару веселого моряка, пока не увидит вечернюю звезду. Тогда, укрываясь с своим веслом под тенью скалистого берега, кидается ночной грабитель на добычу свою и переменяет песни с гитарой на отчаянные крики. Странно, что где природа создала жилище, достойное богов, и смешала, истощила всё прекрасное в этом раю, здесь человек, живущий разрушением, хочет обращать его в дикую пустыню и попирает, подобно бессловесному животному, каждый цветок, который не стоит ниже часа трудов и не требует помощи ничьей руки, дабы расстилаться в волшебной стране сей, но выходит, растет, отвергая всякое старание, и только молит, чтоб его пощадили.

Странно, что где господствует тишина, там страсти беспредельны в гордости своей, и жадность и хищность дико бушуют, дабы помрачить прелестную землю. Это как будто злые духи взяли верх над ангелами и укрепили на небесных престолах освобожденного наследника ада; так прекрасна страна, созданная для удовольствия, и так ненавистны тираны, разрушающие его.

.....
.....
.....

О страна незабвенных героев! Которая от долины до горных пещер была жилищем свободы или могилою славы. Храм могущих! Ужели это всё, что остается от тебя? Приблизься, пресмыкающийся невольник; скажи, не это ли Термопилы? Эти синие воды, плещущие кругом, скажи, поработенный потомок свободного, скажи, какое это море, какой берег? – это залив, это скала Саламины!.. Восстаньте, вспомните прошедшее и возобновите его; исторгните из праха отцов ваших искры огня, коим некогда они пламенели.

тот,
Что расскажет нам тот, кто попирает твой брег? Ни песни старинной, ничего, чем может заняться муза, ничего столь высокого как прежде, когда человек был достоин сего климата. Сердца, рожденные в твоих долинах, буйные души, кои могли бы весть твоих сынов к

великим подвигам, теперь пресмыкаются от колыбели до могилы, рабы – нет, рабы раба, безжизненные везде, кроме в преступленье; оскверненные всеми бедствиями рода человеческого, где он менее всего возвышается над тварею бессловесной; даже не имея ни одной дикой добродетели, не имея в среде своей ни одной храброй и свободной груди. Еще теперь у соседних пристаней они слывут лукавыми, и взошли в пословицу; в этом только хитрый грек найден, и этим, лишь этим, известен. Напрасно свобода стала бы призывать ум, дабы свергнуть иго с шеи, которое льстит ему; я больше не сожалею о их несчастьи, однако я расскажу вам печальную повесть, и внимающие мне могут поверить, что тот, кто слушал ее в первый раз, имел право грустить.

* * *

Торопливо приближался он, и быстрота его бега привлекала мой удивленный взор; хотя, как ночной демон, он пробежал и скрылся от меня, его вид, выражение лица его оставили навсегда смутное воспоминанье в груди моей, и еще долго после в моем страхе пораженном слухе раздавался топот ног черного его коня. Он жмет ногами коня; он приближается к крутому утесу, выдававшемуся от берега и бросающему тень на поверхность моря; он минует и низвергается за скалу, которая освобождает его от очей моих; неуместен взор, преследующий беглеца, и хотя нет ни одной звезды на небе, но всё для него светло кажется.

Он скрылся; но прежде кинул взгляд, который казался его последним, на минуту удержал беспокойного своего коня, на минуту дал ему отдохнуть, на минуту привстал на стременах – для чего смотрит он в оливную рощу? Полумесяц встает над холмом: лампы в мечетях погасая трепещут.

1

Прости! О край, где тень моей славы восстала и покрыла землю своим именем – он покидает меня теперь, но страница его истории, самая мрачная или блестящая, наполнена моими подвигами. Я воевал с целым светом, который победил меня только тогда, когда метеор завоеваний заманил меня слишком далёко; я противился народам, которые боялись меня оставленного, последнего, единственного пленника из миллионов бывших на войне.

2

Прости, Франция! – когда твой венец короновал меня, я сделал тебя алмазом, дивом и красою земли. Но твоя слабость повелевает, чтоб я тебя оставил как нашел, увядшую славой и упавшую своим именем; ибо сердца старых бойцов моих были приведены в отчаянье нападением бури и непогоды, хотя сражения были выиграны и орел, коего взор померкнул, мог бы снова подняться, встретив солнце победы.

3

Итак, прости же, Франция! – но если свобода снова появится у тебя, вспомни обо мне – фиалка надежды еще растет, скрываясь во глубине долин твоих; хотя она увяла, слезы твои могут воскресить ее – я могу еще смешать неприятелей, нас окружающих, и твоя душа еще может внять голосу моему; в цепи, которая нас оковала, еще есть кольца, могущие разорваться, тогда, обратясь, призови начальника твоего выбора.

[88]

народ

(С немецкого)

Я проводил тебя со слезами; но ты удалилась, чужда сожалений и слез.

Где долго ожидаемый день, столько радости мне обещавший? – погиб он! – но я не раскаялся в том, в чем тебе поклялся.

И если б могла ты понять и измерить страдания мои, то вечно бы ты не забыла того, кто тебя никогда не забывал.

Тогда бы заплакала ты, и тот миг воскресил бы опять охладевшее мое счастье.

Мое сердце, отвергнутое тобою, мой ангел! Все-таки тебе принадлежит; но сердце, тобою любимое, не будет так постоянно.

Приложение II

Коллективное

Баллада («До рассвета поднявшись, перо очинил...»)

До рассвета поднявшись, перо очинил
Знаменитый Югельский барон,
И кусал он, и рвал, и писал и строчил
Письмецо к своей Сашиньке он.
И он крикнул: «Мой паж! Мой малютка! Скорей!
Подойди – что робеешь ты так!»
И к нему подошел долговязый лакей,
Тридцатипятилетний дурак.
«Вот, возьми письмецо ты к невесте моей
И на почту его отнеси.
И потом пирогов, сухарей, кренделей –
Чего хочешь, в награду проси!»
«Сухарей не хочу и письма не возьму,
Хоть расплачься, высокий барон,
А захочешь узнать, я скажу почему,
Нет!.. Уж лучше смолчать», – и поклон.
«Паж!.. Хочу я узнать!..» – «Нет!.. Позволь мне смолчать!..»
– «Говори!» – «За невестой твоей
Обожателей рать кто бы мог сосчитать?
И в разлуке ты вверился ей!
Не девица ль она?.. И одна ли верна?
Нам ли думать: на севере, там,
Всё вздыхает она, одинока, бледна;
Нам ли веровать женским словам?
Иль один обольщен, изумлен, увлечен
Ты невестою милой своей?
Нет!.. Высокий барон, ты порой мне смешон,
И письма не отправлю я к ней!»
Рассмеялся барон – так уверен был он.
«Ты малютка, мой паж молодой!
Знай!.. Ты сам ослеплен! Знай! У северных жен
Не в размолвке обеты с душой!
Там девица верна, постоянна жена;
Север силой ли только велик?
Жизнь там веры полна, счастья там сторона,
И послушен там сердцу язык!
Мелких птиц, как везде, нет в орлином гнезде,
Там я выбрал невесту себе,
Не изменит нигде; – Ей, как вечной звезде,
Ей вверяюсь, как самой судьбе!

Так!.. Снегов в стороне, будет верною мне!»
Паж невольно барону внимал,
И без слов, в тишине, он сознался в вине
И на почту с письмом побежал!

«О, как прохладно и весело нам...»

*

*О, как прохладно и весело нам
Вечером плыть по заснувшим волнам.
Солнце погасло в туманной дали,
Звезды лампы ночные зажгли.
Резво играя в вершинах холмов,
Ветер приносит дыханье цветов.
О, как чудно, прохладно с песнями плыть
И влажные кудри над морем сушить.
Остался ли кто в морской глубине?
Луна, улыбаясь, глядится в волне.
И звезды, украсив чертог голубой,
Сверкают и гаснут одна за другой.
Радостно, весело поплывем по волне,
Видишь в водах, как дрожат и как гаснут оне.*

Приложение III

Стихотворения, приписываемые Лермонтову

Экспромт

Три грации считались в древнем мире.

Родились вы... Всё три, а не четыре!

«Любить вас долго было б скучно...»

*

*Любить вас долго было б скучно,
Любить до гроба – право, смех,
Пройти ж вас мимо равнодушно –
Перед собою тяжкий грех.*

«Хвала тебе, приют лентяев...»

*

*Хвала тебе, приют лентяев,
Хвала, ученья дивный храм,
Где цвел наш бурный Полежаев
Назло завистливым властям.
Хвала и вам, студенты-братья...*

«Когда легковерен и молод я был...»

*

*Когда легковерен и молод я был,
Браниться и драться я страстно любил.
Обедать однажды сосед меня звал;
Со мною заспорил один генерал.
Я света не взвидел... Стакан зазвенел
И в рожу злодея стрелой полетел.*

.....

*Мой раб, вечером, как свершился удар,
Ко мне, на гауптвахту, принес самовар.*

Экспромты 1841 года

«Очарователен кавказский наш Монако!..»

*

[89]

Танцоров, игроков, бретеров в нем толпы;

В нем лихорадят нас вино, игра и драка,

И жгут днем женщины, а по ночам – клопы,

«В игре, как лев, силен...»

*

В игре, как лев, силен

Наш Пушкин Лев,

Бьет короля бубен,

Бьет даму треф.

Но пусть всех королей

И дам он бьет:

«Ва-банк!» – и туз червей

Мой – банк сорвет!

«Милый Глебов...»

*

*Милый Глебов,
Сродник Фебов,
Улыбнись,
Но на Наде,
Христа ради,
Не женись!*

«Скинь бешмет свой, друг Мартыш...»

*

*Скинь бешмет свой, друг Мартыш,
Распояшься, сбрось кинжалы,
Вздень броню, возьми бердыш
И блюди нас, как хозяин!*

«Смело в пире жизни надо...»

*

*Смело в пире жизни надо
Пить фиал свой до конца.
Но лишь в битве смерть – награда,
Не под стулом, для бойца.*

«Велик князь Ксандр и тонок, гибок он...»

*

*Велик князь Ксандр, и тонок, гибок он,
Как колос молодой,
Луной серебристой ярко освещен,
Но без зерна – пустой.*

«Наш князь Васильчиков...»

*

*Наш князь Василь –
Чиков – по бабушке,
Шеф простофиль,
Глупцов – по дядюшке,
Идя в кадрили,
Шутов – по зятюшке,
В речь вводит стиль
Донцов – по матушке.*

«Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон...»

*

[90]

Но Соломонов сын,

[91]

Умней, чем жидовин.

Тот храм воздвиг и стал известен всем

Гаремом и судом,

А этот храм, и суд, и свой гарем

Несет в себе самом.

«С лишком месяц у Мерлини...»

*

С лишком месяц у Мерлини

Разговор велся один:

Что творится у княгини,

Здрав ли верный паладин.

Но с неделю у Мерлини

Перемена – речь не та,

И вокруг имени княгини

Обвилася клевета.

Пьер обедал у Мерлини,

[92]

Не понравилось княгине,

Вышла ссора за Каррас.

Пьер отрекся... И Мерлини,

Как тигрица, взбешена.

В замке храброй героини,

Как пред штурмом, тишина.

«Он метил в умники, попался в дураки...»

*

*Он метил в умники, попался в дураки,
Ну, стоило ли ехать для того с Оки!*

«Зачем, о счастии мечтая...»

*

Зачем, о счастии мечтая,

Ее зовем мы: гурия?

Она как дева – дева рая,

Как женщина же – фурия.

«Мои друзья вчерашние – враги...»

*

*Мои друзья вчерашние – враги,
Враги – мои друзья,
Но, да простит мне грех господь благий,
Их презираю я...
Вы также знаете вражду друзей
И дружество врага,
Но чем ползущих давите червей?..
Подошвой сапога.*

«Им жизнь нужна моя...»

*

Им жизнь нужна моя, – ну, что же, пусть возьмут,

Не мне жалеть о ней!

В наследие они одно приобретут –

Клуб ядовитых змей.

«Ну, вот теперь у вас для разговоров будет...»

*

Ну, вот теперь у вас для разговоров будет

Дня на три тема,

И, верно, в вас к себе участие возбудит

[93]

«Куда, седой прелюбодей...»

*

*Куда, седой прелюбодей,
Стремишь своей ты мысли беги?
Кругом с арбузами телеги
И нет порядочных людей!*

«За девицей Emilie...»

*

[94]

Молодежь как кобели.

[95]

Был их тоже не один;

[96]

Был лишь Дикий человек.

«Надежда Петровна...»

*

*Надежда Петровна,
Отчего так неровно
Разобран ваш ряд,
И локон небрежный
Над шейкою нежной...
На поясе нож.*

[97]

«Поверю совести присяжного дьяка...»

* * *

*Поверю совести присяжного дьяка,
Поверю доктору, жиду и лицемеру,
Поверю, наконец, я чести игрока,
Но клятве женской не поверю.*

«Винтовка пулю верную послала...»

* * *

*Винтовка пулю верную послала,
Свинцовая запела и пошла.
Она на грудь несчастливца упала
И глубоко в нее вошла.
И забаякала ее, и заласкала,
Без просыпа, без мук страдальцу сон свела,
И возвратила то, что женщина отняла,
Что свадьба глупая взяла...*

«Приветствую тебя я, злое море...»

1

*Приветствую тебя я, злое море,
Широкое, глубокое для дум!
Стою и слушаю: всё тот же шум
И вой валов в твоём просторе,
Всё та же грусть в их грустном разговоре.*

2

*Не изменилось ни в чём ты, злое море,
Но изменился я, но я уж не такой!
С тех пор, как в первый раз твои буруны-горы
Увидел я, – припомнил север свой.
Припомнил я другое злое море
И край другой, и край другой!..*

Примечания

<Т. П. Голованова, И. С. Чистова>

Стихотворения 1828–1841 гг.

Произведения Лермонтова почти во всех собраниях его сочинений открываются лирикой. Лирические стихотворения занимают первое место в литературном наследии поэта и по числу произведений и по их историко-литературному значению. Именно стихотворения Лермонтова принесли ему еще при жизни славу второго после Пушкина поэта.

«Стихотворениями М. Лермонтова» был назван и первый, изданный в 1840 г. сборник его сочинений. Из 28 названий, входящих в этот сборник, 26 принадлежат лирическим пьесам (в собрание вошли также две поэмы).

[98]

В лирике Лермонтова нашли отражение все основные творческие интересы поэта, его идеологические и художественные искания, факты биографии и общественные явления эпохи. По стихотворениям Лермонтова видно, какие друзья и враги его окружали, какие события волновали мир, какие проблемы решались политической, философской и эстетической мыслью, какие литературные авторитеты владели умами современников. Лермонтов не оставил в своем литературном наследии специальных критических статей, рецензий и теоретических трактатов. Но взгляды его на литературу, отдельные критические оценки и эстетические декларации нашли место в самих поэтических произведениях, насыщенных философской и публицистической мыслью. Лирика Лермонтова дает богатый материал для заключений об отношении поэта к творчеству декабристов и к Пушкину, к эстетике русских шеллингианцев и к Байрону, к народному творчеству и к реакционной журналистике в лице Булгарина и Сенковского.

По стихотворениям Лермонтова можно проследить эволюцию его литературных вкусов – от кратковременного интереса к поэзии «в древнем роде» до серьезной склонности к философскому направлению в литературе, от влечения к поэзии героического романтизма до обращения к литературе критического реализма.

По мере идейного и художественного созревания поэта менял свой внутренний облик и его лирический герой. На первых порах – это непосредственно связанный с личностью самого автора искатель высоких гражданских идеалов, напряженно размышляющий о судьбах вселенной, исполненный жертвенных, героических устремлений. Затем «субъективный элемент», по выражению Белинского, стал проявляться в образах, имеющих иные черты и другое эстетическое значение. Порой это сам автор, романтическое мироощущение которого сменяется трезвой, аналитической критикой действительности (стихотворения «Дума», «Пророк», «Родина», «Я к вам пишу случайно; право», «<Из альбома С. Н. Карамзиной>» и многие другие); это и объективированный герой, например старый солдат из «Бородино», вместе с поэтом сокрушающийся о том, что миновало «время богатырей», или участник кавказской войны в «Завещании», увидевший, как и поэт, не парадную, а будничную сторону действительности; это и образы-символы, внешне потерявшие связь с лирическим «я» поэта, но выражающие его мысль и его настроение («Парус», «Утес», «Листок» и другие).

В недрах ранней лирики поэта, богатой наблюдениями над внутренней жизнью человека – историей его сердечных мук и страстей, зарождался новый художественный метод – психологический реализм, основоположником которого в русской литературе стал Лермонтов.

Замысел многих лермонтовских произведений больших форм находил первоначальное выражение в стихотворениях. Так, работе над поэмой «Демон» предшествовало появление стихотворения «Мой демон», из «Думы» вырос «Герой нашего времени», женские образы в поэме «Сашка» были подготовлены серией стихотворений 1832 г. Многие эпизоды поэмы «Измаил-Бей» сложились из предварительных поэтических «заготовок» – ранних стихотворений на кавказскую тему.

Иногда Лермонтов целиком вводит текст стихотворений в другие произведения, например в драмы «Menschen und Leidenschaften», «Станный человек». В новом контексте эти стихотворения теряют свое значение интимных лирических признаний автора и становятся элементом характеристики того или иного действующего лица.

Мысль Лермонтова легко находила воплощение в самых разнообразных стихотворных формах – в лирических медитациях, в стансах, балладах, думах, в сатирах, эпиграммах и ораторских монологах. Претворяя в стих свои мгновенные впечатления, поэт не всегда был экономен в средствах. Поэтические перлы в торопливых первых набросках стихотворений порой терялись среди словесной руды, отбрасывавшейся при повторном обращении к черновым записям. А обращался поэт к ним постоянно.

Его рабочие тетради хранят следы этих обращений: позднейшую выборочную нумерацию стихотворений, позднейшие пометы с оценкой написанного («это вздор», «это мечта» и т. д.), заметки для памяти, позднейшие зачеркивания и правку текста.

Иногда поэт решительно перечеркивал неудавшееся, по его мнению, стихотворение и никогда к нему более не возвращался («Я счастлив! – тайный яд течет в моей крови», баллада «Из ворот выезжают три витязя в ряд» и другие). В других случаях он через несколько лет перерабатывал отвергнутый им ранее текст. Так, зачеркнув первую редакцию перевода «Had we never loved so kindly» («Если б мы не дети были»), сделанного в 1830 г., поэт в 1832 г. создает вторую, более удовлетворившую его редакцию.

Характерна творческая история стихотворения «Стансы» («Я не крушуся о былом»). Первая редакция «Стансов» (1830), записанная в черновой тетради, состоит из 28 стихов. Вторая редакция, сохранившаяся в альбоме М. Д. Жедринской («Мгновенно пробежав умом»; 1831), значительно короче: стихотворение состоит из 16 стихов, причем 8 из них полностью совпадают с первой редакцией, 4 начальных стиха переработаны, а 4 последних написаны заново. Текст завершается в новой редакции энергичной концовкой, подчеркивающей главную мысль стихотворения.

Перед нами – часто наблюдаемый у Лермонтова процесс работы: значительное сокращение текста, устранение абстрактных мотивов и вялых оборотов, отработка острой, ударной концовки. Та же последовательность правки в стихотворениях «Силуэт», «Поток» и многих других.

В основе зрелых стихотворений («Узник», «Памяти А. И. О<доевского>го», «Договор») находятся образы, отдельные строки и даже строфы ранних стихотворений («Желание», «Он был рожден для счастья, для надежд», «Прелестнице»).

Обращаясь к дорогим для него образам, мотивам, темам, варьируя их в различных редакциях текста, Лермонтов добивался наиболее точного выражения мысли, наиболее совершенной отделки стиха. В этом и заключается природа «самоповторений» Лермонтова,

о которых много говорилось в критической литературе.

Собранные воедино, стихотворения Лермонтова наглядно демонстрируют путь его поэтического совершенствования.

Ранняя лирика, как правило, не предназначалась поэтом для печати. Только очень немногие из своих стихотворений он счел достойными увидеть свет. В основном это стихотворения, написанные им после 1836 г. и включенные в сборник «Стихотворения М. Лермонтова» (1840). Отдельные стихотворения публиковались на страницах альманахов и в журнале «Отечественные записки» за 1839–1841 гг. Но и среди не печатавшихся при жизни Лермонтова стихотворений существует явная дифференциация. Несомненный интерес в этом отношении представляет тетрадь XX, которая, по всей видимости, составлялась как первое «избранное» поэта. Туда под определенными номерами писцом переписывались некоторые стихотворения 1830–1832 гг. из других рабочих тетрадей, затем текст этот просматривался и исправлялся автором. Самый характер правки свидетельствует о том, что поэт отбирал и совершенствовал нечто предпочтительное для него из своих творческих накоплений и что этот отбор делался не только для себя, но имел в виду и некую расширенную аудиторию. В ряде исправлений обращает на себя внимание автоцензура – устранение особо острых или особо интимных моментов текста. Но в основном Лермонтовым руководили прежде всего художественные импульсы – и в силу этого тетрадь XX в качестве сборника авторизованных копий, представляющих собой последние редакции стихотворений, является одним из авторитетных источников текста в собрании сочинений поэта.

Другой образец «избранного» представляет собой лирика Лермонтова в литературном альбоме «*Livre de Poésies*» приятельницы и дальней родственницы поэта

А. М. Верещагиной, заполнявшемся в середине 1830-х годов. Альбом этот, оторвавшийся от основного, находившегося долгое время в Германии архива его владелицы, в настоящее время хранится в библиотеке Колумбийского университета в США (New York, Columbia University, Butler Library, Rare Books and Manuscripts Division, Gen. Ms. 118, Wereshchagin Albums (M. Ju. Lermontov). В нем (далее – Альбом А. М. Верещагиной, США) рукой Лермонтова записан беловой текст восьми его стихотворений: «Звезда» («Вверху одна»), «К ***» («Когда к тебе молвы рассказ»), «Ангел», «К *...» («У ног других не забывал»), «К:» («Я не люблю тебя; страстей»), «К *» («Зови надежду – сновиденьем»), «Желанье» («Отворите мне темницу») и «Челнок» («По произволу чудной власти»). Редакция текста в альбоме отличается от других известных вариантов данных стихотворений. В ряде случаев – это последняя редакция, как например в стихотворениях «Звезда» и «К ***» («Когда к тебе молвы рассказ»), по которой они и печатаются. В других случаях вариантность стихотворений позволяет судить об избирательных критериях автора, запечатлевшего предпочтительный текст в альбоме, где, с одной стороны, лирические мотивы как будто бы глубоко личностны, имеют конкретное биографическое звучание, а с другой – связаны определенными ассоциациями со стихотворениями других авторов, со сквозной литературной темой альбома, его ведущим сюжетом, в частности с мотивами любви и разлуки, возникшими как отзыв на произведения Байрона. Стихотворения Лермонтова в альбоме Верещагиной в отличие от многих других альбомных стихотворений не связаны

непосредственно с одним адресатом, например хозяйкой альбома, и являются только весьма опосредованно стихотворениями «на случай». Так, в стихотворении «К *...» («У ног других не забывал»), имеющем в других редакциях подзаголовок «Подражание Байрону», в альбоме сокращена строфа, которая близка к байроновским мотивам, но не соответствует «лирической правде» альбома. Текст сокращенной строфы («Принадлежишь другому ты ~ Корабль умчит меня от ней В безвестную страну»), воспроизводивший весьма значимый для Байрона образ корабля, не соответствовал реальной ситуации. Стихотворение без этой строфы могло подразумевать любого адресата, пожелавшего себя узнать в обращении «К *...». Таким образом, критерии отбора стихотворений для альбома Верещагиной сочетают в себе традиционно альбомный и литературный аспекты, и сами стихотворения в результате существенно отличаются от так называемой дневниковой лирики поэта, хронологически фиксировавшей те или иные моменты внутренней, а иногда и событийной жизни поэта. Стихотворения в альбоме Верещагиной, помещенные среди других записей в альбоме, избраны поэтом как наиболее достойные остаться в памяти современников. Их задача – служить одним из образцов поэзии тех лет. Они включаются в ее эстетическое и смысловое русло и приобретают характер художественного соревнования. Это и делает их прежде всего документом эпохи, а также позволяет судить об особенностях работы Лермонтова над созданием определенного типа лирики.

Сборник «Стихотворения М. Лермонтова» 1840 г. явился как бы завершающим этапом этой многолетней целенаправленной работы Лермонтова по отбору и совершенствованию своих стихотворений. Судя только по сохранившимся текстам, к 1840 г. Лермонтов написал более 400 стихотворений; из них он ввел в книжку 26. На первое место он поставил «объективные» стихи широкого социально-философского звучания и резко понизил удельный вес интимной лирики, занимавшей столь важное место в его раннем творчестве. Открываясь «Песней про царя Ивана Васильевича...» и «Бородином», сборник заключался «Тучами», где был сделан намек на политическое «изгнание» автора.

Первая попытка расширить круг известных по прижизненному сборнику произведений Лермонтова была сделана сразу после его смерти. В журнале «Отечественные записки», в альманахе «Утренняя заря», в первом посмертном собрании сочинений поэта (1842) были впервые опубликованы стихотворения «Я к вам пишу случайно; право», «<Из альбома С. Н. Карамзиной>», «На севере диком», «На светские цепи», «<М. П. Соломирской>» и другие, среди них и ранние произведения – «Парус», «Желанье».

[99]

Иную позицию в вопросе о полноте изданий литературного наследия Лермонтова занял В. Г. Белинский. В статье, опубликованной в «Отечественных записках», он писал: «Такие поэты, как Лермонтов, бывают строже к самим себе, нежели самые строгие и взыскательные их критики. К тому же, перед Лермонтовым лежал длинный и широкий путь будущей славы, и поэт гордо чувствовал в себе прозябание семян великих будущих творений, от этого, естественно, он и не придавал слишком большого значения своим первым опытам. Но неожиданная и преждевременная смерть поэта дала совсем другой оборот делу, и издатели его стихотворений не должны были, скажем более, не имели права не собрать и не сделать известным публике всего написанного Лермонтовым, всего, что

только могли они отыскать...

[100]

В приведенной полемике победила точка зрения Белинского. С тех пор в собрания сочинений Лермонтова включалось по мере обнаружения все, что принадлежит перу Лермонтова.

Первые посмертные публикации больших групп стихотворений по автографам были осуществлены: А. А. Краевским в «Отечественных записках» (1841, начиная с августа; 1842 и 1843), А. Н. Афанасьевым, П. А. Ефремовым, М. П. Полуденским, С. А. Рачинским в «Библиографических записках» (1858, 1859 и 1861), С. С. Дудышкиным в «Отечественных записках» (1859), П. А. Ефремовым, П. А. Висковатовым в «Русской старине» (1872, 1873, 1875, 1877 и 1882), П. А. Висковатовым в «Русской мысли» (1881, 1882, 1883 и 1884), И. М. Болдаковым в «Саратовском справочном листке» (1875, 1876).

Журнальные и газетные публикации затем включались в собрания сочинений Лермонтова.

[101]

[102]

[103]

С точки зрения текстологических требований – правильности прочтения автографов, выбора наиболее авторитетного источника текста, учета черновых редакций и вариантов – издание Висковатова содержит серьезные ошибки и неточности. В отдельных случаях он не только ошибался, но и сознательно «исправлял» текст Лермонтова: сглаживал политически острые места, устранял фливорности.

[104]

[105]

[106]

Текст этого издания (также с некоторыми исправлениями) был положен в основу четырехтомного собрания сочинений 1958–1959 гг. и настоящего собрания сочинений, которое является расширенным переизданием предыдущего. В настоящем издании учтены разысканные за последние годы тексты Лермонтова, а также исследования в области биографии и творчества поэта, закрепленные как в научной литературе, так и в наиболее авторитетных изданиях, вышедших на протяжении 1960–1970-х годов («Избранные произведения в двух томах» в большой серии «Библиотеки поэта», 1964; собрания сочинений в четырех томах 1964–1965 и 1975–1976 гг.). По сравнению с первым изданием четырехтомника в настоящий том введены стихотворения «Один среди людского шума», «Послание», «Ma cousine», а также написанное Лермонтовым совместно с В. А. Соллогубом стихотворение «О, как прохладно и весело нам». В основной корпус перенесена ранняя редакция «Стансов» («Мгновенно пробежав умом») – «Я не крушусь о былом», и – вслед за новейшими авторитетными изданиями – стихотворение «И на театре, как на сцене света», печатавшееся ранее в разделе «Приписываемое Лермонтову». В этот последний раздел также введен один текст – «Любить вас долго было б скучно». С другой стороны, из основного корпуса выведена одна из редакций стихотворения «Тебе, Кавказ, суровый царь земли» (она печатается в томе II настоящего издания как посвящение к «Демону»). Из менее существенных изменений в составе книги укажем на перенесение четверостишия

«Had we never loved so kindly» в группу стихотворений 1832 г. и записи народной песни «Что в воде за пыль пылит» из «Приложений» в примечания к стихотворению «Баллада» («В избушке позднею порою»).

В настоящем издании впервые появляется раздел «Коллективное», включающий шуточную «Балладу» («До рассвета поднявшись, перо очинил»), окончание которой дописано В. Н. Анненковой, и упоминавшееся уже совместное стихотворение Лермонтова и Соллогуба.

Следуя в текстологическом отношении за первым изданием настоящего четырехтомного собрания, редакция считала возможным вносить исправления в текст лишь в исключительных и несомненных случаях; так, в настоящем томе восстановлен эпиграф в тексте «Смерти Поэта».

Основным источником текста для изданий сочинений Лермонтова служат его автографы, собранные в настоящее время в крупнейших архивохранилищах страны.

Наиболее значительная часть рукописных текстов стихотворений Лермонтова сосредоточена в его рабочих, черновых и беловых тетрадях, хранящихся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. Автографы Лермонтова имеются также в альбомах П. А. Бартеневой, А. Д. Боратынской-Абамелек, Н. И. Поливанова, А. О. Смирновой, А. А. Углицкой-Альбрехт, Н. С. Шеншина, 3. И. Юсуповой-Шове (Пушкинский Дом).

Богатейшим собранием автографов располагает также рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград). Здесь хранятся автографы таких значительных стихотворений, как «Смерть Поэта», стихотворений, написанных поэтом в последние годы и месяцы его жизни и находящихся в альбоме М. Ю. Лермонтова и в записной книжке, подаренной Лермонтову В. Ф. Одоевским. Отдельные автографы поэта находятся в его тетради с записью лекций, читавшихся в юнкерской школе (например, стихотворение «Когда надежде недоступный» в тетради «Лекции из географии»), в письмах Лермонтова разным лицам (стихотворения «Парус», «Он был рожден для счастья», «Что толку жить!.. Без приключений» в письмах к М. А. Попухиной).

В Государственном Историческом музее (Москва) хранится так называемая «тетрадь Чертковской библиотеки», которая содержит «собственноручные бумаги Лермонтова» (надпись на переплете), находившиеся у А. П. Шан-Гирея. В этой тетради – автографы и копии стихотворений, написанных в 1834–1837 гг. Там же хранится альбом, принадлежавший М. П. Полуденскому, с автографом стихотворения Лермонтова, посвященного А. О. Смирновой.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства (Москва) находятся альбом кн. П. А. Вяземского с автографом Лермонтова «Мы ждем тебя, спеши, Бухаров» и альбом С. А. Рачинского с автографами стихотворений «Смерть Поэта» (черновик первой части), «Посреди небесных тел», «И скучно и грустно», «Портрет».

Кроме того, автографы Лермонтова имеются в Отделе рукописей Государственной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина (Москва): стихотворения «Я к вам пишу случайно; право», «Спор», «Когда волнуется желтеющая нива» и другие, а также послания 1829 г. «К

П...ну», «К Д...ву», «К друзьям» и одна из эпиграмм того же года – «Дамон, наш врач, о друге прослезился» в тетради А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова.

[107]

Иногда даже при наличии автографов в выборе текста предпочтение оказывается печатным публикациям или копиям, если они дают позднейшую, законченную авторскую редакцию (стихотворения «Ангел», «Стансы» («Мгновенно пробежав умом») и другие).

В отдельных случаях, когда автографы утрачены и отсутствуют авторитетные копии, стихотворения печатаются по посмертным публикациям. Например, стихотворение «Графине Ростопчиной» печатается по сборнику «Русская беседа» (СПб., 1841, т. II); «<А. Г. Хомутовой>» – по украинскому литературному сборнику «Молодик» на 1844 г.; стихотворение «Он был в краю святом» – по «Библиографическим запискам» (1861); группа стихотворений 1830 г. («Благодарю!.. Вчера мое признание», «Передо мной лежит листок», «Итак, прощай! Впервые этот звук», «Свершилось! Полно ожидать») – по текстам, опубликованным Е. А. Сушковой-Хвостовой в «Библиотеке для чтения» (1844), в «Русском вестнике» (1857) и повторенным в двух изданиях ее «Записок» (1870 и 1928).

Большие трудности представляет датировка стихотворений Лермонтова, особенно тех, автографы которых не сохранились.

[108]

В некоторых случаях установление даты написания стихотворений по принципу смежности оказывалось ошибочным. Так, стихотворения, находящиеся в тетради IV после поэмы «Демон», долгое время датировались 1830 г. Лермонтовская помета о годе написания данной редакции поэмы была перенесена и на стихотворения, которые, как теперь установлено, были вписаны в тетрадь значительно позднее, в 1831 и 1832 гг. (см. полное собрание сочинений Лермонтова в изд. «Academia» т. I, с. 417–418).

[109]

Не имеют до сих пор точной даты стихотворения, предположительно относимые к концу 1837 – началу 1838 г. («Гляжу на будущность с боязнью», «Слышу ли голос твой», «Как небеса, твой взор блистает», «Она поет – и звуки тают»). Предположительно датируются и такие значительные стихотворения, как «<Из альбома С. Н. Карамзиной>», «Прощай, немытая Россия», «Договор», «Из-под таинственной холодной полумаски». Большая группа стихотворений входит в раздел «Стихотворения разных годов», с датировкой еще более приблизительной, чем в названных выше стихотворениях.

[110]

Обнаруженный в Германии автограф стихотворения «Посреди небесных тел» с поставленной Лермонтовым датой «16 мая 1840 г.» разрешил сомнение исследователей, датировавших это стихотворение 1833–1834 гг., а затем предположительно – 1840 г.

Текстологические находки последних десятилетий (альбом А. М. Верещагиной с автографами и рисунками Лермонтова) свидетельствуют о том, что процесс собирания первоисточников произведений Лермонтова не завершен. Много еще может измениться в прочтении и объяснении его лирики, если будут обнаружены затерянные автографы и документы, содержащие сведения о тех стихотворениях, которые не поддаются в настоящее время полному комментированию.

* * *

Редактор тома – В. Э. Вацуро. Вступительная статья, подготовка текста – Т. П. Голованова, комментарии к стихотворениям 1828–1832 гг. – Т. П. Голованова, к стихотворениям 1833–1841 гг. – И. С. Чистова.

1828

Осень

В автографе – поставленная Лермонтовым дата: «(1828)».

Заблуждение Купидона

В автографе – поставленная Лермонтовым дата: «(1828)».

Стихотворение написано в период учения Лермонтова в Московском университетском пансионе, где практическими занятиями по словесности руководил С. Е. Раич, поэт и переводчик, знаток античной литературы.

Цевница

В автографе – поставленная Лермонтовым дата: «(1828)».

Поэт

Это стихотворение Лермонтов послал в письме М. А. Шан-Гирей в декабре 1828 г. (см.: наст. изд., т. IV).

Творческую мысль Лермонтова рано стали занимать философско-эстетические проблемы. Этому во многом способствовало идейное направление литературного кружка, которым руководил пансионский преподаватель С. Е. Раич. В альманахе «Цефей» на 1829 г., где печатались произведения членов этого кружка, появилось сходное стихотворение «Видение Рафаэля», подписанное буквой «К» и принадлежавшее Н. Н. Колачевскому. Другой участник кружка Иосиф Грузинов опубликовал позднее (в сборнике «Отблески поэзии», 1849) свое юношеское стихотворение «Поэт»:

*Слыхали ль вы старинное преданье,
Как Рафаэль Мадонну написал?
Ее не смел писать он без призванья,
И для святой он вдохновенья ждал...*

Затем во сне художник видит образ Марии и принимается за картину, горя «восторгом неземным»:

*Окончен труд, и сам он удивился;
Склонился он возвышенным челом,
Перед созданием своим молился
Он сам в благоговении немом!
Таков поэт всегда во всем.
Ждет вдохновенья свыше он.
Вдруг грудь его полна огнем,
Мечтой живой он окрилен... и т. д.*

Сюжет стихотворения восходит, по-видимому, к этюду «Видение Рафаэля» в книге В. Ваккенродера и Л. Тика «Об искусстве и художниках...», вышедшей в русском переводе в 1826 г.

1829

К П...ну

В автографе в первом стихе имя Петерсона написано Лермонтовым с пропуском средних букв.

Обращено к товарищу поэта по пансиону Дмитрию Васильевичу Петерсону.

К Д...ву

Обращено к ближайшему товарищу Лермонтова по пансиону Дмитрию Дмитриевичу Дурнову. Ему же посвящены стихотворения 1829 г.: «Русская мелодия», «К другу», «Романс», по-видимому, пятый набросок в «Портретах» и написанное, по всей вероятности, в начале 1830 г. стихотворение «К Дурнову».

Литературный источник стихотворения – посвящение Рылеева А. А. Бестужеву к поэме «Войнаровский», напечатанное при полном издании поэмы в 1825 г.

Посвящение. N. N.

В автографе – позднейшая помета Лермонтова: «(При случае ссоры с Сабуровым)».

Этим стихотворением открывается тетрадь, озаглавленная Лермонтовым «Мелкие стихотворения. Москва в 1829 году».

Обращено к товарищу Лермонтова по пансиону Михаилу Ивановичу Сабурову.

Пир

В автографе – позднейшая помета Лермонтова: «К Сабурову. (Как он не понимал моего пылкого сердца?)».

По всей вероятности, речь идет об увлечении поэта сестрой М. И. Сабурова С. И. Сабуровой (ср. стихотворение «К ***» («Глядися чаще в зеркала»)).

Веселый час

В подзаголовке указывается на то, что данное стихотворение является переводом с французского. Однако оригинальный источник текста не установлен. Существует предположение, что стихотворение является стилизацией тюремных песен Беранже. В конце 1828 г. в России публиковались материалы о суде над французским поэтом, приговоренным к девятимесячному тюремному заключению за сборник его стихов. Некоторые мотивы стихотворения восходят к традиции русской анакреонтической лирики (в том числе к «Моим пенатам» (1811–1812) К. Н. Батюшкова).

К друзьям

Эпиграмма

Является стихотворным переложением афоризма, напечатанного в альманахе «Цефей» на 1829 г.

Мадригал

Романс

Поводом для создания стихотворения, по-видимому, послужил отъезд в Италию С. П. Шевырева, сотрудника журнала «Московский вестник». Лермонтов был внимательным читателем этого журнала и мог быть осведомлен о его делах через пансионского преподавателя С. Е. Раича.

Портреты

В автографе к первому из портретов Лермонтов сделал позднее следующую приписку: «(Этот портрет был доставлен одной девушке: она в нем думала узнать меня: вот за какого эгоиста принимают обыкновенно поэта)».

Предполагают, что второй портрет списан с одноклассника Лермонтова, члена пансионского литературного кружка поэта Иосифа Романовича Грузинова (см. примечание к стихотворению «Поэт»). В сборнике 1849 г. «Отблески поэзии» И. Грузинов опубликовал юношеское стихотворение «К М... Ю...», связанное по теме с пансионскими стихотворениями Лермонтова «К друзьям», «Пир» и др.:

*Не трать своих блестящих взоров
И к наслажденьям не зови,
Не расточай ты разговоров
Со мной о дружбе и любви.
Я не люблю наш мир преступной
И в нем не верю ничему,
Не верю дружбе неподкупной,
Не верю сердцу и уму.
Не для меня любви обеты;
Нет! В мир любви не улечу,
Я, как визитом, за приветы
Приветом холодно плачу...*

По всей вероятности, и другие портреты посвящены также пансионским товарищам поэта. Например, в пятом портрете такие черты, как «веселая улыбка», «открытен всегда, постоянен», «не знает горячих страстей», совпадают с лермонтовской же характеристикой Дмитрия Дурнова.

В стихотворении «К Д.....ву» упоминается «нежно-постоянная дружба» и «веселые речи» Дурнова. В приписке к автографу стихотворения «Русская мелодия» говорится об его открытой и доброй душе. В «Романсе» («Невинный нежною душою»), адресованном Дурнову, снова говорится о «нежной душе» и о том, что адресат не знает «в юности страстей прилив».

К Гению

12 лет – и поныне люблю

Считалось, что здесь говорится о кузине поэта Анне Григорьевне Столыпиной, впоследствии Философовой, или об Агафье Александровне Столыпиной (см. примечания к стихотворениям «К...» («Не привлекай меня красой») и «Дереву»). Исследования И. Л. Андроникова приводят к новому имени – С. И. Сабуровой (ср. стихотворения «Пир», «К ***» («Глядися чаще в зеркала»)).

Покаяние

Это первое стихотворение на тему, к которой поэт впоследствии возвращается неоднократно, – о любви, не освященной законом. Образ падшей женщины, духовно свободной в самом своем падении, интересовал поэта прежде всего в плане этическом (ср. стихотворения «Девятый час; уж темно; близ заставы», «Прелестнице», «Договор» и поэму «Сашка»). В литературе 40-х годов, в произведениях писателей «натуральной школы», эта

же тема получила прежде всего социальное освещение.

Письмо

В автографе – позднейшая помета Лермонтова: «Это вздор». В стихотворении усматривают следы чтения «Привидения» (перевод из Э. Парни, 1810) К. Н. Батюшкова.

Война

В автографе – позднейшая приписка Лермонтова: «(В пансионе)».

Написано в связи с событиями на Балканском фронте во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

В стихах 2 и 4 – реминисценция из стихотворения Пушкина «Война» (1821).

Русская мелодия

В автографе – позднейшая помета Лермонтова, затем зачеркнутая: («Эту пьесу подавал за свою Раичу Дурнов – друг – которого поныне люблю и уважаю за его открытую и добрую душу – он мой первый и последний»). Имеются в виду литературные занятия пансионеров, которыми руководил С. Е. Раич.

Д. Д. Дурнов – близкий товарищ Лермонтова по пансиону (см. примечание к стихотворению «К Д...ву»).

Песня

К

(А. С.) (Хотя я тогда этого не думал)

А. С. – А. Г. Столыпина (см. примечания к стихотворениям «К Гению» и «Дереву»).

Романс

В автографе – позднейшая помета Лермонтова: «(Дурнову)».

О Д. Д. Дурнове см. примечание к стихотворению «К Д.....ву». В литературе отмечалась близость этого стихотворения к «Стансам» И. И. Дмитриева («Я счастлив был во дни невинности беспечной», 1805).

Три ведьмы

Стихотворение представляет собой неточный перевод отрывка из шиллеровской переделки «Макбета» Шекспира (акт I, явление 4).

К 1829 г. относятся и другие переводы Лермонтова из Шиллера – «К Нине», «Встреча», «Баллада», «Перчатка», «Дитя в люльке», «К *» («Делись со мною тем, что знаешь»).

Увлечение Шиллером характерно для того эстетического направления, которое сформировалось в России в конце 20-х годов под влиянием немецкой философии, в частности Шеллинга. На страницах «Московского вестника» – журнала, внимательно читавшегося Лермонтовым в пансионские годы, – переводы из Шиллера занимали значительное место. В 1828–1829 гг. здесь печатались в отрывках «Смерть Валленштейна», «Дон Карлос», «Вильгельм Телль», «Мессинская невеста».

К Нине

Представляет собой перевод стихотворения Шиллера «An Emma» («К Эмме»).

К N. N.

В автографе – позднейшая помета Лермонтова: «(К Сабурову – наша дружба смешана с столькими разрывами и сплетнями – что воспоминания об ней совсем не веселы. Этот человек имеет женский характер. Я сам не знаю, отчего так дорожил им)».

О М. И. Сабурове см. примечание к стихотворению «Посвящение. N. N.»

Эпиграммы

Эпиграммы 1, 2 и 5 являются стихотворным переложением афоризмов, напечатанных в альманахе «Цефей» на 1829 г. с подписью «N. N.» (см.: Лермонтов, т. VI, с. 396, 398 и 399).

Существует предположение, что эпиграмма 3 относится к поэту и журналисту

П. И. Шаликову, а эпиграмма 4 – к писателю Н. Ф. Павлову.

К Грузинову

О Грузинове см. примечания к стихотворениям «Поэт» и «Портреты».

Наполеон

Это первое из стихотворений Лермонтова, посвященных Наполеону, – «К ***» («Не говори: одним высоким»), «Наполеон» («В неверный час, меж днем и темнотой»), «Эпитафия Наполеона», «Св. Елена», «Воздушный корабль», «Последнее новоселье». В нем уже наметились основные линии, по которым в дальнейшем развивалась наполеоновская тема в творчестве Лермонтова: психологический интерес к трагической судьбе «героя дивного», к «истории страстей» этого великого человека и осмысление исторической роли Наполеона («скипетром стальным короны разбивал», «ты побежден московскими стенами»). В литературе отмечалась близость этого стихотворения к стихотворениям Пушкина «Наполеон на Эльбе» (1815), «Наполеон» (1821) и Тютчева «Могила Наполеона» (1827).

Пан

В автографе – позднейшая помета Лермонтова: «(В Середникове)».

Лето 1829 г. Лермонтов провел в Середникове, подмосковном имении своих родственников со стороны бабушки – Столыпиных.

Подзаголовок («В древнем роде») – см. примечание к стихотворению «Цевница».

Жалобы турка

Острое политическое содержание стихотворения – скорбь об угнетенной родине – вынудило поэта прибегнуть к иносказанию, замаскировать русские впечатления заглавием «Жалобы турка». Турция в 1820-е годы считалась образцом деспотического государства.

Антитурецкие настроения были особенно сильны в период национально-освободительной борьбы греков, вызывавшей сочувствие в русском обществе.

По своей революционно-патриотической устремленности стихотворение Лермонтова отражало традиции декабристов. По содержанию имеет соответствие с пушкинской «Деревней», распространявшейся в то время в списках.

К N. N.***

Черкешенка

Ответ

Два сокола

Стихотворение имитирует поэтику народной песни; в литературе отмечалась близость его к «Шотландской песне» Пушкина (1829), восходящей к балладе В. Скотта «Два ворона».

Грузинская песня

В автографе – позднейшая помета Лермонтова: «(Слышано мною что-то подобное на Кавказе)».

Лермонтов жил на Кавказе в 1825 г. в станице Шелковской, на Тереке, в имении своих родственников Хастатовых, побывал в Пятигорске и Аджи-ауле, где слушал горского народного певца.

Мой демон

Это первое произведение Лермонтова, связанное с образом Демона. В том же 1829 г. поэт делает первый набросок поэмы «Демон», над которой работает до 1839 г. (ср. также стихотворение 1831 г. «Мой демон» и поэмы «Ангел смерти», «Азраил»).

Демоническими чертами наделены и Вадим в одноименном романе и Арбенин в драме «Маскарад». «Демонизм», распространенный в европейской романтической литературе и в русской поэзии 20 – 30-х годов XIX в., получил у Лермонтова не только этическое, но и политическое осмысление, став выражением могучего протеста поэта против окружающей действительности.

Непосредственную связь данное стихотворение имеет со стихотворением Пушкина «Мой демон», опубликованным в 1824 г. в «Мнемозине».

Жена Севера

Имеет точки соприкосновения со стихотворением Пушкина «Портрет» («С своей пылающей душой»), напечатанным в 1829 г. в альманахе «Северные цветы».

К другу

Первоначальное заглавие в автографе – «Эпилог (К Д...ву)» (это стихотворение заканчивает тетрадь «Мелкие стихотворения. Москва в 1829 году»).

О Д. Д. Дурнове см. примечание к стихотворению «К Д...ву».

Полемические интонации стихотворения свидетельствуют о том, что между членами кружка велись серьезные споры по вопросам эстетики – в данном случае о предмете поэзии, о понятиях высокого и низкого в искусстве.

Элегия

«Забывши волнения жизни мятежной»

Набросок представляет собой вольный перевод четырех начальных строк баллады Гете «Der Fischer» («Рыбак»). В автографе он зачеркнут.

К ***

И. Л. Андроников

В день рождения N. N.

Есть предположение, что стихотворение адресовано М. И. Сабурову.

К ***

Кому адресовано – не установлено.

Монолог

Стихи

*«К чему глубокие познания, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?»*

являются полемикой Лермонтова с требованием русских шеллингианцев ограничить задачи искусства самопознанием. В 1827 г. поэт Д. В. Веневитинов, теоретик русских последователей философии Шеллинга, писал в журнале «Московский вестник»: «Всякому

человеку, одаренному энтузиазмом, знакомому с наслаждениями высокими, представлялся естественный вопрос: для чего поселена в нем страсть к познанию и к чему влечет его непреодолимое желание действовать?.. К самопознанию, отвечает нам книга природы». Лермонтов ответил на этот вопрос иначе. Он выступил против общественного бездействия поколения, воспитавшегося в условиях последекабрьской реакции. Поставленная в стихотворении тема получила полное развитие в «Думе» и «Герое нашего времени».

Встреча

Является вольным переводом двух первых строф стихотворения Шиллера «Die Begegnung» («Встреча»).

Баллада

Написано под влиянием двух баллад Шиллера: «Der Taucher» («Водолаз») и «Der Handschuh» («Перчатка»).

Перчатка

Является неполным переводом баллады Шиллера «Der Handschuh» («Перчатка»).

Дитя в люльке

Является переводом стихотворения Шиллера «Das Kind in der Wiege» («Дитя в люльке»).

К *

Это вольный перевод стихотворения Шиллера «An*» («Teile mit mir, was du weisst»).

Молитва

1830

«Один среди людского шума»

В автографе – помета Лермонтова: «1830 года в начале».

Кавказ

Написано весной 1830 г.

Лермонтов был на Кавказе в 1825 г. – за 5 лет до создания данного стихотворения. К этому периоду относится первое увлечение поэта – девятилетней девочкой. Он рассказывает о нем в заметке от 8 июля 1830 г.: «...белокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность... Я никогда так не любил, как в тот раз. Горы Кавказские для меня священные...» (см.: наст. изд., т. IV, «Планы, заметки, сюжеты»).

К ***

Входит в цикл стихотворений, посвященных Наполеону, – см. примечание к стихотворению «Наполеон» («Где бьет волна о брег высокой»).

Опасение

Стансы

Н. Ф. И...вой

Это первое из стихотворений, посвященных Наталии Федоровне Ивановой, в замужестве Обресковой (1813–1875), дочери московского драматурга Ф. Ф. Иванова.

Стихотворения 1830–1832 гг., обращенные к этой женщине, можно рассматривать как лирический дневник, в котором отразилась не только история обманутой любви поэта, но и история его идейных исканий (ср. драму «Станный человек»).

«Ты помнишь ли, как мы с тобою»

Автограф не сохранился.

Относится, по всей вероятности, к 1830 г.

Это перевод стихотворения «The evening gun» («Вечерний выстрел») английского поэта Т. Мура. Как свидетельствует современник Лермонтова В. С. Межевич, учившийся в это время в Московском университете, данный перевод был помещен в одном из изданий университетского пансиона. Таких изданий было в 1830 г. четыре – «Арион», «Улей», «Пчелка», «Маяк» (см.: М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972, с. 81 (далее – Воспоминания)).

Весна

Это первое попавшее в печать произведение поэта. По утверждению Е. А. Сушковой (см. примечание к стихотворению «К Сушковой»), стихотворение написано для нее во время пребывания поэта в подмосковном имении Столыпиных – Середникове в 1830 г. Однако «Весна» написана не позднее 10 мая 1830 г. (дата цензурного разрешения 4-й части «Атенея»), увлечение же Лермонтова Сушковой относится к лету – осени этого года. Нет сомнения, что стихотворение было не написано, а лишь подарено Лермонтовым Сушковой, которая опубликовала его по тексту из своего альбома в 1844 г. в «Библиотеке для чтения» (т. 64, № 6, отд. I, с. 130).

Ночь. I

Летом 1830 г. Лермонтов начал знакомиться с Байроном. К этому времени относится прозаический перевод Лермонтова из Байрона – «Мрак. Тьма», а также заметка:

«Перевесть в прозе: „The Dream, of Lord Byron“» (см.: наст. изд., т. IV). Данное стихотворение и написано под влиянием таких стихотворений Байрона, как «The Dream» («Сон») и «Darkness» («Тьма»).

Разлука

Существует предположение, что стихотворение обращено к М. И. Сабурову.

Ночь. II

Написано под влиянием Байрона (см. примечание к стихотворению «Ночь. I»).

«В старинны годы жили-были»

Стихотворение не закончено.

Незабудка

Это переделка одноименного стихотворения «Vergissmeinnicht» немецкого поэта А. Платена.

В автографе первоначально была следующая концовка (затем зачеркнутая):

*Вы, верно, спросите: девица
Жила, грустила мало дней?
Конечно, ранняя могила
Горючи слезы осушила? –
Нет – беспристрастно посмотрев
На нынешних прелестных дев,
Вы это отгадайте сами:
Они (весь мир тому судья)
В своем характере, друзья,
Не изменяются веками!..*

Совет

Написано под влиянием стихотворения Пушкина «Если жизнь тебя обманет», напечатанного в 1825 г.

Стихотворение включено полностью в трагедию Лермонтова «Menschen und Leidenschaften» (действие I, явление 4).

Одиночество

В альбом

Е. А. Сушкова сообщает, что стихотворение было записано Лермонтовым в ее альбоме, подаренном ей А. М. Верещагиной. В рабочей тетради поэта, относящейся к 1830 г., автограф перечеркнут. Ему предшествует другая редакция этого стихотворения, также зачеркнутая:

В альбом

1

*Прими, хотя и без вниманья,
Моей души печальный бред;
Чудак безумный, в цвете лет,
Я вяну жертвою страданья.*

2

*Пусть эти строки над собой
На миг удержат взор твой милый,
Как близ дороги столбовой
Пришельца памятник могилы.*

Вторая строфа стихотворения представляет собой вольный перевод строфы стихотворения Байрона «Lines written in an Album, at Malta» («Стихи, написанные в альбом на Мальте»). В 1836 г. Лермонтов снова переводит это стихотворение с бóльшим приближением к подлиннику под названием «В альбом. (Из Байрона)».

Гроза

«Гроза шумит в морях с конца в конец»

Звезда

Еврейская мелодия

По названию и отдельным мотивам совпадает с «Еврейскими мелодиями» Байрона.

Вечер после дождя

Наполеон

Стихи «Сей острый взгляд с возвышенным челом И две руки, сложенные крестом» и последние два стиха являются перефразировкой стихов 13–14 строфы XIX главы VII «Евгения Онегина» Пушкина.

Входит в цикл стихотворений Лермонтова, посвященных Наполеону, – см. примечание к стихотворению «Наполеон» («Где бьет волна о брег высокой»).

Эпитафия Наполеона

В автографе стихотворение зачеркнуто.

О теме Наполеона в творчестве Лермонтова см. примечание к стихотворению «Наполеон» («Где бьет волна о брег высокой»).

К глупой красавице

В автографе – позднейшая помета Лермонтова: «(Меня спрашивали, зачем я не говорю с одной девушкой, а только смотрю...)».

Очи. N. N.

Высказывалось предположение, что стихотворение посвящено Е. А. Сушковой.

Кавказу

Написано в связи с военными событиями на Кавказе. В начале 1830 г. вспыхнуло восстание горцев в Чечне, затем в Дагестане. Национально-освободительное движение жестоко подавлялось царскими войсками.

Утро на Кавказе

Интерес Лермонтова к Кавказу (см. примечание к стихотворению «Грузинская песня») обострился в 1830 г., в связи с известиями о национально-освободительном движении горцев (ср. стихотворения «Кавказ» и «Кавказу»).

Стансы

В 1831 г. Лермонтов создал новую редакцию этого стихотворения – см. «Стансы» («Мгновенно пробежав умом»).

«Прости, мой друг!.. Как призрак, я лечу»

Челнок

Отрывок

«Оставленная пустынь предо мной»

В автографе – пометы Лермонтова: «(В Воскресенске. Написано на стенах [пустыни] жилища Никона). 1830 года». Перед второй частью стихотворения помета: «(Там же в монастыре)».

Ново-Иерусалимский монастырь, основанный патриархом Никоном в Воскресенске (ныне г. Истра), находился в 53 верстах от Москвы. В 1941 г. разрушен.

Лермонтов был летом 1830 г. в Середникове (см. примечание к стихотворению «Пан»). По всей вероятности, оттуда и была совершена поездка в монастырь.

К ...

Высказывалось предположение, что стихотворение является переделкой письма Онегина к Татьяне в духе исповедальной лирики.

Ночь. III

В автографе – позднейшая помета Лермонтова: «(Сидя в Середникове у окна)».

Середниково – см. примечание к стихотворению «Пан».

Farewell

В черновом автографе стихотворение озаглавлено «(Прости) из Байрона».

Это перевод стихотворения Байрона «Farewell! If ever fondest prayer» («Прощай! Если когда-либо самая горячая молитва»).

Элегия

Эпитафия

Существует предположение, что стихотворение посвящено поэту и философу Д. В. Веневитинову, умершему в 1827 г. Из его стихотворения «Поэт и друг» цитируется перефразированная строка «Кто жизни не щадил для чувства». О перстне-талисмани, подарке З. А. Волконской, Веневитинов упоминает в стихотворении «К моему перстню» (1827) и в известном Лермонтову «Завещании» (1827) (см. примечание к стихотворению «Настанет день – и миром осужденный»). Вместе с тем подтекстом стихотворения являются личные мотивы, которые варьируются в автобиографической трагедии «Menschen und Leidenschaften» в применении к образу Юрия Волина. Трагедия писалась в том же 1830 г. О простосердечии и свободе – см. в монологе Юрия «Ты правду говоришь, товарищ...» (действие I, явление 5). «Для чувств он жизни не щадил» – основная характеристика Юрия Волина, погибшего в ранней молодости жертвой страстей. «И верные черты природы Он часто списывать любил» – ср. в монологе Юрия слова: «Помнишь ли, как нетерпеливо старался я узнавать сердце человеческое, как пламенно я любил природу...» (действие I, явление 5).

О философских увлечениях Юрия – см. действие II, явление 2. «Он верил темным предсказаниям, И талисманам, и любви» – трагическая любовь Юрия к двоюродной сестре окружена в пьесе мистической атмосферой предчувствий (см. слова Юрия: «...от колыбели какое-то странное предчувствие мучило меня...», действие I, явление 5), предсказаний (см. слова Любви: «Я смутно помню, что когда-то я была у Троицкой лавры – и мне схимник предсказал много горестей. О, святой старик, зачем твое предсказание исполнилось?»),

действие I, явление 6).

О перстне-талисмানে любви см. в монологе Юрия «Наши сердечные связи расторгнуты...» (действие IV, явление 5).

О «неестественных желаньях» – см. в сцене объяснения Юрия и Любви слова последней: «...узы родства, которые связывают нас вместе, разрывают сердца наши... Забудь свои безумные желанья...» (действие II, явление 4).

«Он умер – Он не был создан для людей» – умирая, Юрий Волин произносит: «Мы с тобой не были созданы для людей» (действие V, явление 10). Ср. также стихотворение «К ***» («Когда твой друг с пророческой тоскою»): «...меж людей Он не годился ~ И он погиб во цвете лучших дней».

В той же тетради, где находится данное стихотворение, имеется заметка, первоначальное заглавие которой было: «Моя эпитафия».

Sentenz

Стихотворение связано с предыдущим пометой Лермонтова в автографе: над текстом «Эпитафии» стоит цифра «1», над «Сентенцией» – «2».

Гроб Оссиана

В автографе – позднейшая помета Лермонтова: «(узнав от путешественника описание сей могилы)».

Посвящение

Существует предположение, что это посвящение к трагедии «Испанцы», список действующих лиц которой записан на том же листе, что и автограф стихотворения. Но не исключена также возможность, что стихотворение является первоначальным вариантом посвящения к трагедии «Menschen und Leidenschaften», над которой Лермонтов в это время работал (черновые наброски к ней находятся в той же тетради).

Кладбище

В автографе – помета Лермонтова: «(На кладбище написано)» и дата: «1830».

Посвящение

Моя мольба

В автографе – помета Лермонтова: «(После разговора с одной известной очень мне старухой, которая восхищалась и читала и плакала над Грандисоном)». Имеется в виду сентиментальный роман «История кавалера Грандисона» английского писателя Ричардсона (1689–1761).

К Су<шковой>

В автографе рядом с заглавием – приписка Лермонтова: «(При выезде из Середникова к Miss black-eyes. Шутка – преположенная от М. Корд)».

«Miss black-eyes» («черноокая») – Е. А. Сушкова (в замужестве Хвостова), московская приятельница Лермонтова, автор «Записок», в которых рассказывается история ее отношений с поэтом в годы его учения в Университетском пансионе и в 1834–1835 гг. в Петербурге. К ней и обращено стихотворение.

Свидетельства Сушковой о Лермонтове не всегда объективны и достоверны, однако в ряде случаев ее «Записки» служат единственным дошедшим до нас источником текста стихотворений, автографы которых не сохранились, и сведений о дате их написания.

Е. А. Сушкова-Хвостова

Мистер Корд – гувернер сверстника и двоюродного дяди Лермонтова, Аркадия Столыпина.

Гость

1830. Майя. 16 число

К ***

В черновом автографе – помета Лермонтова: «(Прочитав жизнь Байрона, <написанную> Муром)» и дата: «(1830)».

Письма и дневники Байрона с подробными биографическими примечаниями, изданные английским поэтом Т. Муром, вышли в Лондоне в 1830 г. и в том же году в Париже, в переводе на французский язык.

В поэзии и судьбе Байрона Лермонтов видел для себя высокий идеал. В исторически сходной обстановке (политическая реакция после революционных событий) Лермонтова не могла не привлечь «личность человеческая, возмущившаяся против общего и, в гордом восстании своем, опершаяся на самого себя» (Белинский, т. IV, с. 424). Сочетание глубокой философской мысли и политической активности, поэзия «сердечных мук», борьбы и подвига, характерные для Байрона, были близки и Лермонтову.

Эпитафия

Дереву

В автографе – поставленная Лермонтовым дата: «(1830)».

С данным стихотворением связана по содержанию заметка на следующем листе тетради: «[Моя эпитафия]. Мое завещание (Про дерево, где я сидел с А. С.)» (см.: наст. изд., т. IV). А. С. – А. Г. Столыпина (см. примечание к стихотворению «К Гению»).

Предсказание

В автографе рядом с заглавием – помета Лермонтова: «(Это мечта)».

Написано в связи с крестьянскими восстаниями в России в 1830 г., которые привели Лермонтова к мысли о неизбежности революции.

Мрачный колорит, в котором изображается стихийная народная революция, был характерен для романтической литературы, отражавшей позиции революционного дворянства. Как и у Пушкина, тираноборческие идеи у Лермонтова влекли за собой представление о жестокости народного бунта, о кровавом пире свободы (ср. у Пушкина – «кровавая пелена», «буря мрачная» в стихотворении «Андрей Шенье», 1825; «свобода грозная», «мрачный ужас» в стихотворении «К вельможе», 1830, и др.). Лермонтов посвящает особое произведение волновавшей его теме народного восстания (незаконченный роман о пугачевщине – «Вадим», 1833–1834).

«Всё тихо – полная луна»

«Никто, никто, никто не усладил»

1830 год. Июля 15-го

Булевар

В автографе – заметка Лермонтова: «В следующей сатире всех разругать, и одну грустную строфу. Под конец сказать, что я напрасно писал и что если б это перо в палку обратилось, а какое-нибудь божество новых времен приударило в них, оно – лучше». После текста приписка: «(Продолжение впредь)».

Лермонтов высмеивает в сатире московскую знать, завсегдатаев Тверского бульвара. Сатирические характеристики московских гуляний на Тверском бульваре, Пресненских прудах, в Марьиной роще, в Сокольницком парке были распространены еще в литературе 1810 – 1820-х годов. В сатире Лермонтова есть общие мотивы с очерком К. Н. Батюшкова «Прогулка по Москве» (1811–1812), где дается шаржированное описание завсегдатаев Тверского бульвара (офицер, провинциальный щеголь, кокетливые московские красавицы и женихи, старая вестовщица и т. д.). Описание подобных гуляний имеется и у П. Ф. Вистенгофа, учившегося вместе с Лермонтовым в Московском университете (см. его «Очерки московской жизни», 1842).

В 4-й строфе, по-видимому, имеется в виду князь П. И. Шаликов, издатель «Дамского журнала», объект многочисленных эпиграмм и карикатур в литературе того времени.

Ф. И. Мосолов – генерал, проживавший в Москве на Тверском бульваре.

Адресаты других сатирических портретов не установлены.

Песнь барда

Указывалось на точки соприкосновения этого стихотворения с «Песнью барда во время владычества татар в России» (1823) Н. М. Языкова, где также есть аллюзионный мотив отказа от творчества в поработанной стране.

10 июля. (1830)

Стихотворение не закончено. Отсутствие полного текста не дает возможности окончательно установить, о каком народном восстании говорит поэт. Высказывались предположения, что стихотворение является откликом либо на события Июльской революции 1830 г. во Франции, либо на восстание горцев на Кавказе, либо на восстание 1830 г. в Польше, либо на национально-освободительное движение 1830 г. в Албании. Однако все высказанные гипотезы не вполне согласуются либо с датой, либо с реалиями стихотворения (упоминание Суворова, фраза о поражении царских войск).

Благодарю!

Автограф не сохранился.

Как утверждает Е. А. Сушкова (см. примечание к стихотворению «К Су<шковой>»), стихотворение посвящено ей и написано 12–13 августа 1830 г.

Нищий

По воспоминаниям Е. А. Сушковой, стихотворение посвящено ей и написано в середине августа 1830 г. в Троице-Сергиевой лавре, куда молодежь ходила из Середникова на богомолье. Мемуаристка рассказывает при этом о следующем эпизоде, послужившем сюжетной основой для стихотворения: «На паперти встретили мы слепого нищего. Он дряхлою дрожащею рукою поднес нам свою деревянную чашечку, все мы надавали ему мелких денег; услыша звук монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: „пошли вам бог счастье, добрые господа; а вот намерении приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!“» (Сушкова, с. 114).

К ...

Чума в Саратове

В автографе рядом с заглавием – помета Лермонтова: «(Cholera-morbus)» и дата: «1830 года августа 15 дня».

Написано в связи с эпидемией холеры, распространившейся в Поволжье.

«Плачь! Плачь! Израиля народ»

Это первоначальный набросок «Еврейской мелодии» для драмы «Испанцы». Варьирует темы «Еврейских мелодий» Байрона, восходящих к 136 псалму (популярному и в декабристской поэзии).

30 июля. – (Париж). 1830 года

Стихотворение является откликом на события Июльской революции 1830 г. во Франции. Лермонтов приветствует восстание как торжество вольности над тиранией.

Стансы

В автографе под заглавием – поставленные Лермонтовым даты: «(1830 года)» и «(26 августа)». Рядом с текстом нарисован пером портрет девушки, по всей вероятности, Е. А. Сушковой.

Строки «Я жертвовал другим страстям» и «Я не могу любить другой» варьируют мотивы стихотворения Байрона: «Stanzas to a Lady on leaving England» («Стансы к ***», написанные при отплытии из Англии»).

Чума

В автографе – поставленная Лермонтовым дата: «(1830. Августа)».

Это отрывок какого-то большого произведения, задуманного Лермонтовым в связи с эпидемией холеры, двигавшейся с юга России и распространившейся в Москве в начале сентября 1830 г.

Строфы в автографе пронумерованы. Текст начинается с 79-й строфы. Конец произведения отсутствует. Строфа 85 Лермонтовым зачеркнута:

*Когда ж потом в себя пришел живой
И увидал, что унесен мертвец,
Он завернулся в плащ широкий свой,
Чтоб ожидать бестрепетно конец.
И стал в глазах двоиться луч дневной,
Глава отяжелела как свинец,
И душу рок от тела оторвал –
И будто сноп на землю он упал!*

«Нередко люди и бранили»

Романс

Написаны в августе 1830 г.

Отрывок

Написано в августе 1830 г.

Баллада

Написано в августе 1830 г.

Это незавершенный вольный перевод баллады из песни XVI «Дон-Жуана» Байрона.

Лермонтов перевел 1-ю, 3-ю и половину 4-й строфы, придав повествованию испанский колорит. После текста он сделал приписку: «(Продолжение впредь)», но больше к этому

переводу не возвращался.

Ночь

В автографе рядом с заглавием – поставленная Лермонтовым дата: «(1830 года ночью. Августа 28)».

К ***

Е. А. Сушкова (см. примечание к стихотворению «К Сушковой») утверждает, что стихотворение посвящено ей и написано в сентябре 1830 г.

В тексте варьируются мотивы стихотворения Байрона «Epistle to a friend, in answer to some lines exhorting the author to be cheerful...» («Послание к другу в ответ на стихи, увещающие автора быть веселым»).

«Передо мной лежит листок»

Автограф не сохранился.

Е. А. Сушкова указывает, что стихотворение посвящено ей и написано в сентябре 1830 г.

«Свершилось! Полно ожидать»

Автограф не сохранился.

По словам Е. А. Сушковой, стихотворение написано 1 октября 1830 г. в связи с ее отъездом из Москвы в Петербург.

«Итак, прощай! Впервые этот звук»

Автограф не сохранился.

Написано, по словам Сушковой, одновременно с предыдущим стихотворением.

Новгород

В автографе – поставленная Лермонтовым дата: «3 октября 1830». Стихотворение не завершено и автором зачеркнуто. Заголовок его приписан позднее.

Глупой красавице

В автографе – поставленная Лермонтовым дата «(1830 года – 4 октября)».

Могила бойца

В черновом автографе – поставленная Лермонтовым дата: «1830 год – 5-го октября. Во время холеры-morbus».

Смерть

Автограф не сохранился.

В копии – дата: «1830, октября 9».

В стихотворении отразились настроения поэта в связи с эпидемией холеры в Москве.

Русская песня

В копии – дата: «1830 год».

1831

1831-го января

«Послушай! Вспомни обо мне»

Автограф находится в альбоме Н. И. Поливанова, друга Лермонтова в студенческие годы. К тексту стихотворения Поливанов сделал следующее примечание: «23-го марта 1831 г. Москва. Михайла Юрьевич Лермонтов написал эти строки в моей комнате во флигеле нашего дома на Молчановке, ночью, когда вследствие какой-то университетской шалости он ожидал строгого наказания».

А. И. Герцен

В стихотворении звучит тема, возникшая у Лермонтова еще в 1830 г. (см. «Когда к тебе молвы рассказ») и очень устойчивая в 1831–1832 гг., – это размышления о трагической судьбе поэта, непосредственного участника революционных событий, проецированные на собственную лирическую биографию. Отсюда постоянные пророческие мотивы в его лирике – смерть на плахе, политическое изгнание, гибель в борьбе «за дело общее».

1831-го июня 11 дня

М. Горький

Стихотворение Лермонтова «1831-го июня 11 дня» перекликается с известными высказываниями Белинского и Герцена об активном отношении к жизни (см.: Лермонтов, т. I, с. 417).

Женщина, к которой обращены многие строки стихотворения, – Н. Ф. Иванова, с чьим именем связан ряд стихотворений Лермонтова 1830–1832 гг. (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И...вой»).

Романс к И...

Посвящено Н. Ф. Ивановой.

В измененном виде стихотворение вошло в драму Лермонтова «Странный человек». Обе редакции (в особенности редакция включенная в драму, – «Когда одни воспоминанья») варьируют темы стихотворения Т. Мура «When he who adores thee» («Когда тот, кто обожает тебя») из цикла «Ирландские мелодии».

Завещание

В автографе – помета Лермонтова: «(Середниково: ночью; у окна)».

В авторизованной копии стихотворения имеется подзаголовок «(Из Гете)». Однако у Гете нет похожего стихотворения. Предполагают, что это вольное переложение последней просьбы Вертера (в письме к Лотте) из романа Гете «Страдания молодого Вертера», но сходство обоих «завещаний» – весьма отдаленное.

В Середникове (см. примечание к стихотворению «Пан») Лермонтов жил также летом 1831 г.

«Сижу я в комнате старинной»

В автографе – помета Лермонтова: «(Средниково) (В мыльне) (Ночью, когда мы ходили по па пугать)».

Товарищ, о котором упоминается в стихотворении, – сын помещика Лаптева, имение которого находилось неподалеку от Середникова.

Последние стихи обращены, по всей вероятности, к Н. Ф. Ивановой.

К ***

Стихотворение обращено к Н. Ф. Ивановой. Упоминание о прощальном поцелуе и измене повторяется в ряде других стихотворений, ей адресованных.

Желание

В автографе – помета Лермонтова: «(Средниково. Вечер на бельведере)» и дата: «(29 июля)».

В стихотворении отражены семейные предания о шотландском происхождении рода Лермонтовых.

К деде небесной

Св. Елена

К Другу В. Ш.

Обращено к Владимиру Александровичу Шеншину – другу Лермонтова в период его учения в Московском университете. В стихотворении содержится намек на отношения с Н. Ф. Ивановой.

«Блистая пробегая облака»

Вместо заглавия в автографе – помета Лермонтова: «(7-го августа. В деревне на холме; у забора)».

Стихотворение написано в Средникове (см. примечание к стихотворению «Пан»).

Атаман

Стихотворение написано по мотивам народных легенд и песен о Степане Разине.

Исповедь

Надежда

Предполагается, что в стихотворении развернута и переработана метафора из повести А. А. Бестужева (Марлинского) «Изменник» (впервые – в «Полярной звезде на 1825 год»): «райская птичка-надежда летела передо мной и манила вперед своими блестящими крыльями».

Видение

В автографе после стиха «Но верил он – одной своей любви» Лермонтов зачеркнул следующие строки:

*Не верил он – и как же мог он верить,
В тот самый миг, когда б решился бросить
К ногам любимого предмета жизнь,
Земное счастье и блаженство рая.
Увы! Он был душой далек от неба:
Ужасные кипели страсти в ней,
И гордый ум мятежно восставал
Противу власти бога или рока.*

С изменениями стихотворение вошло в текст драмы «Станный человек».

Отчасти навеянное «Сном» Байрона, стихотворение имеет автобиографический характер. На реке Клязьме, упоминаемой в стихотворении, находился «давно знакомый» (как сказано в черновых вариантах текста) дом – подмосковное имение драматурга Ф. Ф. Иванова.

Лермонтов был увлечен его дочерью, Н. Ф. Ивановой. Ее сестра, также упоминаемая в тексте, – Дарья Федоровна Иванова, которой Лермонтов посвятил в 1832 г. альбомное стихотворение.

Чаша жизни

К Л. –

Мотив разлуки, образ корабля и рефрен «Люблю, люблю одну» восходит к стихотворению Байрона «Stanzas to a Lady on leaving England» («Стансы к ***», написанные при отплытии из Англии»). Известен автограф (Альбом А. М. Верещагиной, США), в котором этот мотив опущен (стихи 9 – 16). Нет там и заглавия «К Л. –».

Написано в августе или в начале сентября 1831 г.

Высказывалось предположение, что под буквой «Л» в заглавии скрыто имя В. А. Лопухиной (впоследствии Бахметевой), но оно не подтвердилось. Е. А. Сушкова считала, что стихотворение обращено к ней. Возможно, что стихотворение посвящено Н. Ф. Ивановой, а буква «Л» в заглавии означает «Любимой».

К Н. И...

Стихотворение адресовано Н. Ф. Ивановой.

А. Д. 3...

Стихотворение с намеренно огрубленным содержанием, пародийно воспроизводящее классическое послание, обращено к Андрею Дмитриевичу Закревскому, товарищу Лермонтова по Московскому университету. Закревский известен был в Москве как автор анонимной книжки «Подарок ученым на MDCCCXXXIV год... О Царе-Горохе...» (1834), в которой вышучивались профессора М. Г. Павлов, М. Т. Каченовский, М. П. Погодин, И. И. Давыдов, журналистские повадки Н. А. Полевого, тематика повестей некоторых тогдашних писателей. Особенно остро высмеивались в памфлете Закревского Булгарин и Греч – главные представители реакционной прессы.

Воля

Заголовок в автографе заключен в скобки.

Написано в подражание народным песням. Стихотворение с некоторыми изменениями вошло в текст романа «Вадим» в качестве песни, которую пели пугачевцы.

Сентября 28

Возможно, что в стихотворении имеются в виду отношения поэта с Н. Ф. Ивановой.

«Зови надежду – сновиденьем»

Первоначальный текст этого стихотворения сохранился в черновом автографе:

*Не верь хвалам и увереньям,
Неправду истиной зови,
Зови надежду сновиденьем...
– Но верь, о, верь моей любви.
Такой любви нельзя не верить,
А взор не скроет ничего;
Ты не способна лицемерить –
Ты слишком ангел для того.*

В другом автографе (Альбом А. М. Верещагиной, США) стихотворение озаглавлено «К *». Первая строфа представляет переложение обращения Гамлета к Офелии из трагедии Шекспира «Гамлет» в переводе М. В. Вронченко (СПб., 1828, с. 55). Вторая строфа вошла в посвящение к «Демону» (третья редакция, 1831).

Е. А. Сушкова в своих «Записках» ошибочно датирует стихотворение 1830 г.

«Прекрасны вы, поля земли родной»

«Метель шумит и снег валит»

Песня

Небо и звезды

Счастливый миг

«Когда б в покорности незнания»

К кн. Л. Г-ой

Существует предположение, что стихотворение обращено к Елизавете Павловне Горчаковой, двоюродной сестре Н. Ф. Ивановой.

«Кто видел Кремль в час утра золотой»

Набросок предвосхищает дальнейшее развитие темы Москвы в творчестве Лермонтова (ср. строфы 6–8 «Сашки», очерк «Панорама Москвы» и др.).

«Я видел тень блаженства; но вполне»

Лермонтов говорит в стихотворении, по-видимому, о любви к Н. Ф. Ивановой.

В начале 5-й строфы – упоминание о смерти отца (см. примечание к стихотворению «Ужасная судьба отца и сына»).

К ***

После первой строфы Лермонтов зачеркнул в автографе следующие стихи:

*Все, все улыбки, виданные мной,
Ничто против одной слезы твоей.
Однако ж плакать я б не смел с тобой,
Хотя б то было о судьбе моей;
О если бы слеза твоя могла
Скатиться на чело мое, в тот час,
Когда луна серебристая плыла
Над нами, – свет не разлучил бы нас!*

Стихотворение посвящено Н. Ф. Ивановой.

К ***

Перед стихотворением записан немецкий оригинал первых четырех стихов:

*Sie ist zu schön um tugendhaft zu sein,
Um treu zu lieben ist zu lieblich sie;
Wohl tausend Herzen könnte sie erfreun,
Doch selbst, – selbst glücklich wird sie nie.*

Автор немецкого текста не установлен.

франц.

«Кто в утро зимнее, когда валит»

Ангел

Известно сравнительно большое число автографов (в тетради XI, на отдельном листке и в Альбоме А. М. Верещагиной, США) и авторизованных копий (в тетрадях XV и XX) этого стихотворения; в одном из ранних автографов оно озаглавлено «Песнь ангела».

Написано поздней осенью 1831 г.

В стихотворении нашло отзвук восходящее к Платону учение о предсуществовании душ и о их «небесной родине». В реальной основе стихотворения – воспоминание поэта о песне, которую ему пела в детстве мать.

Стансы. К Д ***

Кому адресовано стихотворение – не установлено.

«Ужасная судьба отца и сына»

Написано в связи со смертью отца. Ю. П. Лермонтов умер 1 октября 1831 г. в своей деревне Кропотово Тульской губернии. Стихотворение содержит намеки на семейные раздоры, которые привели к разлуке Лермонтова с отцом.

«Пусть я кого-нибудь люблю»

В первоначальной редакции стихотворение состояло из трех строф и было озаглавлено «Стансы».

Приводим зачеркнутый Лермонтовым текст:

Строфа 1:

*Гляжу вперед сквозь сумрак лет,
Сквозь луч надежд, которым нет
Определенья, и они
Мне обещают годы, дни,
Подобные минувшим дням,
Ни мук, ни радостей, а там
Конец – ожидаанный конец:
Какая будущность, творец!*

Строфа 3:

*Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец.
В слезах угасла мать моя;
От них остался только я,
Ненужный член в пиру людском,
Младая ветвь на пне сухом; –
В ней соку нет, хоть зелена, –
Дочь смерти – смерть ей суждена!*

Семейная трагедия, о которой говорится в стихотворении, частично освещена Лермонтовым в драмах «Menschen und Leidenschaften» и «Странный человек».

К другу

Адресат стихотворения не установлен.

«Пора уснуть последним сном»

Из Паткуля

Написано осенью 1831 г.

Иоганн-Рейнгольд Паткуль (1660–1707) – лифляндский политический деятель, возглавивший борьбу против шведского господства в Прибалтике и казненный Карлом XII. В своих письмах, написанных перед казнью (изданы в русском переводе Московским университетом в 1806 г.), Паткуль изображает себя борцом за счастье отчизны и жертвой клеветы. Романтическим ореолом окружено имя Паткуля и в романе Лажечникова «Последний Новик», первые две части которого вышли из печати в августе 1831 г. и были новинкой к моменту создания стихотворения. Все эти литературные факты привлекли внимание Лермонтова. Мысли о Паткуле связываются в представлении поэта с его собственными мечтами о подвиге во имя родины (см. примечание к стихотворению «Настанет день – и миром осужденный»).

«Я не для ангелов и рая»

По смыслу стихотворение является послесловием или одним из вариантов посвящения к поэме «Демон».

Портрет

«Настанет день – и миром осужденный»

Мотивы предчувствия трагической гибели в борьбе «за дело общее», жажды подвига во имя свободы повторяются во многих стихотворениях Лермонтова этого периода («Когда к тебе молвы рассказ», «Послушай! Вспомни обо мне», «1831-го июня 11 дня», «Романс к И...», «Из Андрея Шенье», «Из Паткуля», «Не смейся над моей пророческой тоскою» и др.). В стихотворении имеются реминисценции из стихотворения Т. Мура «When he who adores thee» («Когда тот, кто обожает тебя») из цикла «Ирландские мелодии» (см. примечание к стихотворению «Романс к И...») и из «Завещания» (1827) Д. В. Веневитинова (строки 30–32).

К Д.

Адресат стихотворения не установлен (ср. «Стансы. К Д ***»).

Песня

К Нэере

Нэера («юная») – в греческой мифологии так именуется возлюбленная Гелиоса, бога солнца. В античной литературе этим именем поэты называли ту, которой посвящали свои любовные песни.

Лермонтов мог заимствовать это имя у Тибулла (ср. перевод А. Киреева (1829) с названием «К Нэере»), Горация (ср. это имя в «Опытах перевода Горациевых од» В. Орлова, 1830) и из других источников, в том числе из идиллий А. Шенье, одна из которых озаглавлена «Нэера». В современной Лермонтову литературе имя Нэера встречалось у Мерзлякова (стихотворение «К Нэере»).

Отрывок

Первоначальное заглавие в автографе – «Монолог». Это набросок к задуманной Лермонтовым в 1831 г. исторической поэме о Мстиславе Черном из времен татарского нашествия (см. запись сюжета: наст. изд., т. IV). В монологе Мстислава звучат собственные мечты Лермонтова о «вольности святой», о подвиге ради «спасенья целого народа» (см.

примечание к стихотворению «Настанет день – и миром осужденный»).

Баллада

По содержанию связано с исторической поэмой о Мстиславе Черном и его борьбе с татарами (ср. «Отрывок»). Из сохранившихся планов этой поэмы (см.: наст. изд., т. IV) очевидно, что Лермонтов намечал несколько возможных ситуаций, в которых могла найти себе место колыбельная песня. Одна из таких ситуаций составила содержание «Баллады»; в исторической поэме Лермонтов предполагал использовать народную песню «Что за пыль пылит», записанную им в тетради XX. Эта песня в планах упоминается дважды: после слов «Мстислав проходит мимо деревни; одна женщина поет, баюкая ребенка...» и в другом наброске после слов «Он израненный лежит в хижине, хозяйка-крестьянка баюкает ребенка песнью...». Приводим текст Лермонтова, являющийся оригинальной записью широко распространенной народной песни, известной в нескольких вариантах (впервые эта запись опубликована в 1875 г. в «Саратовском листке», № 256):

Песня

*Что в поле за пыль пылит,
Что за пыль пылит, столбом валит?
Злы татарывья полон делят,
То тому, то сему по добру коню;
А как зятю теща доставалася,
Он заставил ее три дела делать:
А первое дело гусей пасти,
А второе дело бел кужель прясти,
А третье дело дитя качать.
И я глазыньками гусей пасу,
И я рученьками бел кужель пряду,
И я ноженьками дитя качаю;
Ты баю-баю, мило дитятко,
Ты по батюшке злой татарченок,
А по матушке родной внучеток,
У меня ведь есть приметочка,
На белой груди что копеечка.
Как услышала моя доченька,
Закидалася, заметалася;
Ты родная моя матушка,
Ах ты что давно не сказалася?
Ты возьми мои золоты ключи,
Отпирай мои кованые ларцы
И, бери казны, сколько надобно,
Жемчугу да злата-серебра.
Ах ты милое мое дитятко,
Мне не надобно твоей золотой казны,*

*Отпусти меня на святую Русь;
Не слышать здесь петья церковного,
Не слышать звону колокольного*

Силуэт

Сохранились две редакции этого стихотворения – позднейшая, в авторизованной копии, по которой печатается текст, и ранняя, дошедшая до нас в черновом автографе:

*Есть у меня твой силуэт;
На память я его чертил,
И мнится, этот черный цвет –
Родня с моей душою был;
Висит он на груди моей,
И мрачен он, как сердце в ней:
Души в глазах, ланит огня
Не различите вы на нем,
Зато он вечно близ меня
И взор его не на другом;
Он тень твоя, но я люблю,
Как тень блаженства, тень твою.*

Стансы

Ранняя редакция этого стихотворения – см. «Стансы» («Я не крушуся о былом»), 1830.

«Как дух отчаянья и зла»

«Я не люблю тебя; страстей»

Известен автограф (Альбом А. М. Верещагиной, США), в котором стихотворение озаглавлено «К ***».

В 1837 г. Лермонтов значительно переработал это стихотворение (см. «Расстались мы, но твой портрет») и затем включил его в сборник стихотворений, напечатанных в 1840 г.

<Новогодние мадригалы и эпиграммы>

Следующие семнадцать стихотворений написаны Лермонтовым в конце 1831 г. и оглашены им на новогоднем маскараде в Благородном собрании. Друг и родственник поэта А. П. Шан-Гирей рассказывает об этом следующее: «Мне известно, что они были написаны по случаю одного маскарада в Благородном собрании, куда Лермонтов явился в костюме астролога, с огромной книгой судеб под мышкой, в этой книге должность кабалистических знаков исправляли китайские буквы, вырезанные мною из черной бумаги, срисованные в колоссальном виде с чайного ящика и клеенные на каждой странице; под буквами вписаны были... Стихи, назначенные разным знакомым, которых было вероятно встретить в маскараде» (Воспоминания, с. 37).

Н. Ф. И.

Посвящено Наталии Федоровне Ивановой.

Бухариной

Трубецкому

Г<-ну> Павлову

Эпиграмма обращена к писателю Николаю Филипповичу Павлову (1805–1864), который в конце 20 – начале 30-х годов выступал со своими стихами и переводами в журналах «Московский телеграф», «Московский вестник», «Телескоп» и альманахах. Например, в «Мнемозине» и «Драматическом альбоме» печатались отрывки из павловского перевода в стихах французской переделки трагедии Шиллера «Мария Стюарт». Лермонтов пренебрежительно относился к подобному роду литературы (см. письмо Лермонтова к М. А. Шан-Гирей, февраль 1830 г., – наст. изд., т. IV). Возможно, что эпиграмма Лермонтова связана со стихотворением Павлова «К N. N.» («Нет, ты не поняла поэта»), напечатанным в «Телескопе» в 1831 г. (см. примечание к стихотворению «Сабуровой»). По всей вероятности, тому же Павлову адресована 4-я эпиграмма («Г-ну П...») из «Эпиграмм» (1829).

Алябьевой

Стихотворение посвящено известной красавице того времени – Александре Васильевне Алябьевой (1812–1891), которая упомянута в стихотворении Пушкина «К вельможе» (1830).

Нарышкиной

По всей вероятности, стихотворение обращено к Екатерине Ивановне Нарышкиной (род. 1816), дочери статского советника И. В. Нарышкина.

Толстой

Какая Толстая имеется в виду, не установлено.

Бартеневой

Стихотворение посвящено Прасковье Арсеньевне Бартеневой (1811–1872), известной певице.

Мартыновой

Стихотворение обращено к одной из сестер Н. С. Мартынова, убийцы Лермонтова, – Елизавете Соломоновне или Екатерине Соломоновне.

Додо

Башилову

Кропоткиной

Автограф зачеркнут.

К какой Кропоткиной обращается Лермонтов, окончательно не установлено. Возможно, это племянница кн. А. П. Кропоткина, Елизавета Ивановна, тогда невеста, а впоследствии жена Д. П. Тиличеева, товарища Лермонтова по Московскому университету.

Щербатовой

Посвящено Анне Александровне Щербатовой (1808–1870), фрейлине, известной московской красавице.

Булгакову

Обращено к сыну московского почт-директора А. Я. Булгакова – Константину Александровичу Булгакову (1812–1862), с которым Лермонтов учился в Московском университетском пансионе и в школе юнкеров. К. А. Булгаков имел в Москве громкую репутацию гуляки и повесы.

Сабуровой

Посвящено Софье Ивановне Сабуровой, сестре пансионского товарища Лермонтова (ср. стихотворение «К ***» («Глядися чаще в зеркала»)). В мадригале цитируются строчки стихотворения Н. Ф. Павлова «К N. N.» («Нет, ты не поняла поэта»), напечатанного в «Телескопе» в 1831 г. и, возможно, обращенного к тому же адресату. На стихотворение Павлова в 1832 г. (в том же «Телескопе») ответила Е. П. Сушкова («Отринутому поэту»):

Она не поняла поэта!

Но он зачем ее избрал?

Зачем, безумец, в вихре света

Подруги по сердцу искал?

Уваровой

«Вы не знавали князь Петра»

Высказывалось предположение, что адресат этой эпиграммы – князь Петр Андреевич Вяземский, поэт, критик, друг Пушкина. Более вероятно, однако, что она относится к кн. Петру Ивановичу Шаликову, издателю «Дамского журнала» (ср. 3-ю эпигramму в «Эпиграммах» 1829 г. и стихотворение «Булевар»).

1830–1831

Звезда

Стихотворение, по-видимому, относится к Е. А. Сушковой.

Раскаянье

Венеция

Имеется авторизованная копия, в которой две строфы зачеркнуты:

*Случалось, с вихрем и грозой
Носились тучи надо мной;
Хоть я один в челне моем,
Вас не боюсь я, дождь и гром.
Не так с душою! – Если в ней
Кипит опасный бой страстей,
Ты не мечтай, чтоб он затих,
И жалости не жди от них.*

По содержанию связано с поэмой «Джюлио» (1830).

«Я видел раз ее в веселом вихре бала»

Подражание Байрону

Некоторые мотивы стихотворения сходны со стихотворением Байрона «Epistle to a friend, in answer to some lines exhorting the author to be cheerful...» («Послание к другу в ответ на несколько строк, увещающих автора быть веселым»).

К Дурнову

В авторизованной копии текст следует за тремя стихотворениями 1829 г. Одно из них – «К другу» – также адресовано Дурнову. Им завершается тетрадь 1829 г. Не исключена возможность, что данное стихотворение написано в начале 1830 г.

О Д. Д. Дурнове см. в примечаниях к стихотворению «К Д....ву» (1829).

Арфа

«На темной скале над шумящим Днепром»

Песня

Пир Асмодея

Сатира содержит острые политические намеки. На адском пиру главы демонов Асмодея представлен, как можно предполагать, русский царь Павел I, имя которого зашифровано в рукописи четырьмя звездочками. 5-я строфа сатиры является откликом на революционные события 1830 г. во Франции, Бельгии и Польше. В последних двух строфах речь идет о холерной эпидемии в России в 1830 г.

«Распространять сужденья дураков Он средство нам превечное доставил». – Речь идет об изобретении книгопечатания. В европейской и русской литературной традиции (Ф. М. Клингер, Ж. де Сталь, Пушкин в «Сценах из рыцарских времен») доктор Фауст иногда ошибочно отождествлялся с первопечатником Иоганном Фаустом (или Фустом), начавшим печатать книги почти одновременно с Гуттенбергом (около 1447 г.). В стихотворении Лермонтова отразилась эта версия.

Сон

В стихотворении варьируются мотивы стихотворения Байрона «The Dream» («Сон»).

На картину Рембрандта

Высказывались предположения, что Лермонтов имел в виду рембрандтовский «Портрет молодого человека в одежде францисканца», который находился в Москве в Художественной галерее Строгановых, или другую картину – «Молодой монах-капуцин в высоком капюшоне», – однако обе версии убедительно не доказаны. О каком портрете идет речь, пока не установлено.

К ***

Прямых указаний на то, кому посвящено это стихотворение, не имеется. Большинство исследователей склоняется к точке зрения, высказанной еще в 1909 г. А. М. Горьким, который считал, что Лермонтов обратился со словами суровой укоризны к Пушкину. Лермонтова остро волновал вопрос о месте поэта в борьбе за политическую свободу. Эта тема проходит через многие его стихотворения, начиная с 1830 г. В Пушкине – авторе «Вольности», «Деревни», элегии «Андрей Шенье», воспринимавшейся современниками как революционное воззвание, Лермонтов видел идеальный образ поэта-борца, такую же героическую личность, каким был в его представлении другой поэт с судьбой политического изгнанника – Байрон. После того как 26 мая 1830 г. в «Литературной газете» было опубликовано стихотворение Пушкина «К вельможе» (в первой публикации – «Послание к К. Н. Б. Ю ***»), адресованное именитому придворному кн. Н. Б. Юсупову, в критике раздались голоса, обвинявшие Пушкина в низкопоклонстве. Пушкину припомнили и его предыдущие произведения – «Стансы», «Друзьям», поэму «Полтава», в которых некоторые современники увидели стремление пойти на компромисс с самодержавием. Аналогичные упреки звучат и в стихотворении Лермонтова. Ср. также строки в «Посвящении» («Прими, прими мой грустный труд»), расположенном в тетради стихотворений 1830 г. близко от стихов с пометой «Маия, 16 числа» и, по всей вероятности, предназначавшемся для драмы «Menschen und Leidenschaften», резко критической по отношению к дворянскому самовластию:

*Блестит надменный, глупый свет
С своей красивой пустотой!
Ужель я для него писал?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящал,
Являя сердца полноту?
Ценить он только злато мог
И гордых дум не постигал.*

Тема поэта и толпы варьируется Лермонтовым и в окончательном посвящении к драме «Menschen und Leidenschaften» и в «Посвящении» к драме «Испанцы», написанных почти одновременно, в 1830 г. Создавая каждое свое произведение в это время, Лермонтов задумывался над тем, зачем он пишет и для кого. В стихотворении Пушкина «К вельможе» оба этих вопроса решались не так, как хотелось бы Лермонтову, что и могло быть поводом для написания стихотворения «О, полно извинять разврат».

Прощанье

К приятелю

Смерть

Волны и люди

Автограф не сохранился.

В тексте копии, в тетради XX, в стихе 5 ошибочно «не воля» вместо «воля» (см.: М. Ю. Лермонтов. Временник Государственного музея «Домик Лермонтова». Пятигорск, 1947, с. 70–76).

Звуки

Посвящено известному московскому гитаристу М. Т. Высотскому, с которым Лермонтов встречался в 1830 г. и которому преподнес данное стихотворение после одного из концертов.

11 июля

По расположению копии в тетради можно предполагать, что дата 11 июля относится к 1830 г.

Первая любовь

Поле Бородина

Стихотворение является первой попыткой Лермонтова воспроизвести в форме рассказа очевидца события Бородинской битвы, имевшей решающее значение для победы русских войск над Наполеоном. В 1837 г. поэт возвращается к этой теме в «Бородине», где замысел доведен до художественного совершенства.

Мой дом

Смерть

Вторая половина стихотворения повторяет с некоторыми изменениями текст стихотворения 1830 г. «Ночь. I».

Стансы

Солнце осени

Поток

В авторизованной копии последние восемь стихов зачеркнуты:

*Пускай же мчится мой поток,
Неистовый и бурный,
Пускай от берега цветов
Отмоет он лазурный,
И увлечет с собою в путь,
И с ним погибнет где-нибудь
Вдвоем, забыт вселенной
В пустыне отдаленной.*

К ***

Обращено к Н. Ф. Ивановой.

Ночь

Стихотворение входит в лирический цикл, посвященный Н. Ф. Ивановой. Судя по содержанию, написано летом 1831 г. (ср. стихотворения «К ***» («Всевышний произнес свой

приговор»), «К Н. И...» и др.).

К себе

Датируется предположительно 1831 г.

Относится к Н. Ф. Ивановой.

«Душа моя должна прожить в земной неволе»

Датируется предположительно 1831 г.

Стихотворение посвящено отношениям с Н. Ф. Ивановой.

Песня

Датируется предположительно 1831 г.

«Пускай поэта обвиняет»

Датируется предположительно 1831 г.

Слава

Датируется предположительно 1831 г.

Вечер

Датируется предположительно 1831 г.

«Унылый колокола звон»

Датируется предположительно 1831 г.

«Хоть давно изменила мне радость»

Датируется предположительно 1831 г.

В стихотворении варьируются мотивы «Stanzas to Augusta» («Стансов к Августе») Байрона («Though the day of my Destiny's over»).

«Звуки и взор»

Датируется предположительно 1831 г.

Земля и небо

Датируется предположительно 1831 г.

К ***

Датируется предположительно 1831 г.

Из Андрея Шенье

Датируется предположительно 1831 г.

Входит в круг стихотворений, посвященных теме поэта – борца за свободу. Мотивы героического подвига, изгнания, гибели поэта в борьбе «за дело общее» характерны для многих стихотворений Лермонтова 1830–1831 гг. Эти настроения были откликом поэта на современные явления общественной жизни – крестьянские восстания в России, национально-освободительное движение кавказских народов, революционные события в Европе.

Литературным образцом для политической лирики Лермонтова в этот период были поэзия Байрона и декабристские стихотворения Пушкина. На связь с Пушкиным указывает и заголовок стихотворения «Из Андрея Шенье». Элегия Пушкина «Андрей Шенье» (отрывок из которой, не пропущенный цензурой, распространялся в списках с надписью «На 14-е декабря» и вызвал политический процесс 1826–1828 гг.) оказала на лирику Лермонтова сильное влияние. У самого А. Шенье нет стихотворения, которое бы являлось непосредственным источником лермонтовского, хотя вероятно, что поэтический опыт

Шенье, воспринятый через Пушкина, в известной мере определил и жанровую природу стихотворения Лермонтова, соединившего в себе элегическую медитацию, политическую оду и инвективу.

К ***

Сосед

Датируются предположительно 1831 г.

Стансы

Датируется предположительно 1831 г.

Посвящено Н. Ф. Ивановой.

Мой демон

Датируется предположительно 1831 г.

Является новой редакцией одноименного стихотворения, созданного в 1829 г. (совпадают первые четыре стиха). Тема этих стихотворений Лермонтова связана с началом его работы над поэмой «Демон».

Романс

Автограф не сохранился.

В своих «Записках» Сушкова дает противоречивые сведения о времени создания стихотворения, называя то 1830, то 1831 г.

1832

«Люблю я цепи синих гор»

Солнце

«Я счастлив! – тайный яд течет в моей крови»

Прощанье

Стихи «Поверь, отчизна там, где любят нас» и «Побудь еще со мной хоть день, хоть час» повторяются с изменением в строфах 34 и 35 поэмы «Измаил-Бей».

«Она была прекрасна, как мечта»

Первая строфа в измененном виде повторяется в стихотворении «Девятый час; уж темно; близ заставы».

«Время сердцу быть в покое»

В автографе после первой строфы следует зачеркнутый текст:

*Мой проступок перед миром,
Пред людьми моя вина,
Для которых ты кумиром,
Но не другом быть должна;
И поклонников ты встретишь,
И, блистая пред толпой,
Меж рабов ты не заметишь
Для себя души родной.*

Стихи «Слишком знаем мы друг друга, Чтоб друг друга позабыть» с небольшим изменением повторяются в стихотворении «К *» («Я не унижусь пред тобою»), адресованном Н. Ф. Ивановой. По всей вероятности, и данное стихотворение относится к ней же. В черновом автографе стихотворения «К *» первоначально повторялась с небольшим изменением и вся первая строфа данного стихотворения. Начальные четыре стиха этой строфы являются переводом из стихотворения Байрона «Lines, inscribed: On this day I complete my thirty-sixth year» («Стихи, надписанные: В этот день я завершил свой тридцать шестой год»). Мотив последней строфы (утес, расколотый грозой) восходит к поэме С. Т. Кольриджа «Cristabel»; отрывок из нее был использован Байроном в качестве эпиграфа к стихотворению «Fare thee well» («Прощай»), откуда и был заимствован Лермонтовым. Этот же мотив был развернут в стихотворении Лермонтова «Стояла серая скала на берегу морском».

«Склонись ко мне, красавец молодой!»

Последние два стиха третьей строфы повторяются с небольшим изменением в стихотворении «Девятый час; уж темно; близ заставы». Стихотворения эти связаны между собой и по содержанию (ср. также «Прелестнице», «Договор», образ Тирзы в поэме «Сашка»).

Тема «свободной любви» интересовала Лермонтова прежде всего со стороны этической: его героини, так называемые «падшие женщины», по силе и естественности своих чувств, по неприятию общественных предрассудков противопоставлены носителям порочной, но узаконенной морали социальных верхов. Высказывалось предположение, что эротические мотивы этих стихотворений восходят к идиллиям А. Шенье.

«Девятый час; уж темно; близ заставы»

Текстуально и по содержанию связано со стихотворениями «Она была прекрасна, как мечта», «Склонись ко мне, красавец молодой!», «Как луч зари, как розы Леля» (см. примечания). Возможно, что все эти стихотворения являются набросками к поэме «Сашка», где имеются похожие эпизоды.

«Как в ночь звезды падучей пламень»

К *

После стиха «Когда мне ангел изменил» в автографе первоначально следовали строки, сходные с первой строфой стихотворения «Время сердцу быть в покое» (см. примечание):

*Но время сердцу быть в покое
От счастья, муки, от всего,
С того мгновенья, как другое
Не бьется больше для него!
И если снова затрепещет
Оно – то прежнего лишь след:
Так всё волнами море плещет,
Хотя над ним уж бури нет.*

Стихотворение обращено к Н. Ф. Ивановой.

<В альбом Н. Ф. Ивановой>

Автограф не сохранился.

В копии – дата: «1832».

<В альбом Д. Ф. Ивановой>

Автограф не сохранился.

В копии – дата: «1832».

Обращено к Дарье Федоровне Ивановой, сестре Натальи Федоровны. Лермонтов упоминает о ней в стихотворении «Видение».

«Как луч зари, как розы Леля»

Первые четыре стиха повторяют характеристику женского образа в стихотворении «Девятый час; уж темно; близ заставы». Героиня стихотворения в некоторых чертах предвосхищает Тирзу в поэме «Сашка» (см. примечания к стихотворениям «Склонись ко мне, красавец молодой!» и «Девятый час; уж темно; близ заставы»).

«Синие горы Кавказа, приветствую вас!»

В автографе третий абзац («Как я любил твои бури ~ всё в этом крае прекрасно») зачеркнут. В стихотворении Лермонтова отразились воспоминания о пребывании на Кавказе в годы детства. См. также примечание к стихотворению «Не думай, чтоб я был достоин сожаленья».

Отрывок представляет собой опыт ритмической прозы. Текстуально и по содержанию имеет соответствие с первыми строфами поэмы «Измаил-Бей», над которой в это время работал поэт (см. примечание к стихотворению «Прощанье»).

Романс

В стихотворении говорится об отношениях с Н. Ф. Ивановой, но автобиографические мотивы трансформированы литературными ассоциациями (мотив «двух утесов»,

восходящий к С. Т. Кольриджу). Ср. стихотворение «Время сердцу быть в покое».

Прелестнице

По теме близко к стихотворению Пушкина «Когда твои молодые лета» (1829).

Стихотворение переработано Лермонтовым в 1841 г. (см. «Договор»).

«Ты молод. Цвет твоих кудрей»

«Had we never loved so kindly»

Первая редакция стихотворения относится к 1830 г., но Лермонтов был недоволен ею и зачеркнул набросок в тетради.

Это неточный перевод эпиграфа к поэме Байрона «Абидосская невеста», взятого из стихотворения Р. Бернса «Один нежный поцелуй», или, иначе, «Parting song to Clarinda» («Прощальная песнь к Кларинде»). Первая строка в точном переводе: «Если б мы никогда не любили так нежно...».

Эпитафия

В стихотворении имеется в виду смерть отца Лермонтова. Ю. П. Лермонтов умер 1 октября 1831 г.

«Измученный тоскою и недугом»

Обращено к Н. Ф. Ивановой.

«Когда последнее мгновенье»

Стихотворение не закончено. Набросок, по всей вероятности, связан с работой Лермонтова над поэмой «Демон».

«Нет, я не Байрон, я другой»

В автобиографических заметках 1830 г. Лермонтов дважды говорит о своем сходстве с Байроном (см.: наст. изд., т. IV). Во многих произведениях 1830–1832 гг. отразился интерес Лермонтова к жизни и творчеству английского поэта. В поэзии Байрона Лермонтова привлекали сочетание критической и философской мысли, призыв к действию и богатство психологических эмоций. Подражая Байрону, учась у Байрона, Лермонтов, однако, уже в начале 30-х годов вполне осознал себя как поэт национальный, что проявилось и в непосредственных высказываниях поэта, как в данном стихотворении, и в злободневности тем его творчества, и в самом характере исторических, фольклорных и политических интересов Лермонтова.

Романс

В стихотворении использованы мотивы «Ирландских мелодий» Т. Мура, в частности мелодии «Go when glory waits thee» («Иди туда, где ждет тебя слава»), открывающей цикл. Весьма вероятно, что стихотворение связано с работой Лермонтова над поэмой «Измаил-Бей» (см. примечание к стихотворению «Прощанье»).

Сонет

«Болезнь в груди моей, и нет мне исцеленья»

Обращены к Н. Ф. Ивановой.

К *

Автограф не сохранился.

Это первое стихотворение, обращенное к Варваре Александровне Лопухиной (1815–1851), светлое чувство любви к которой поэт пронес через всю жизнь.

Стих «Будь товарищ грозных бурь моих» сходен со стихом «Товарищ бурь моих суровых» в черновом автографе посвящения к поэме «Иамаил-Бей», также относящегося к Лопухиной.

«Поцелуями прежде считал»

«Послушай, быть может, когда мы покинем»

К *

Стихотворение обращено к В. А. Лопухиной. В литературе указывалось на некоторое его сюжетное сходство с «Разуверением» Е. А. Баратынского (1821).

Баллада

Бой

Стихотворение написано под впечатлением грозы (см. автобиографическую запись 1830 г.: «...я один раз ехал в грозу...» – наст. изд., т. IV).

«Я жить хочу! Хочу печали»

Написано в июле 1832 г. Первые восемь стихов приводятся в письме Лермонтова С. А. Бахметевой, помеченном августом 1832 г. (см.: наст. изд., т. IV).

«Смело верь тому, что вечно»

«Приветствую тебя, воинственных славян»

Написано в августе 1832 г.

Лермонтов должен был проезжать через Новгород по пути из Москвы в Петербург. Мысли о Новгороде ассоциировались у Лермонтова с декабристским идеалом политической свободы – древней вольностью новгородцев с их вечевым общественным самоуправлением (ср. стихотворение «Новгород» и поэму «Последний сын вольности»).

Желанье

Существует несколько редакций этого стихотворения. В одной из них, очевидно самой ранней (Альбом А. М. Верещагиной, США), стихи 5–8 читаются:

*Я пущусь по дикой степи
И надменно сброшу я
Образованности цепи
И вериги бытия.*

Вместо заключительных шести стихов, после слов «Чтоб в тени его широкой», в этой редакции следуют стихи:

*Бил жемчужный водопад;
Перед звучными струями
Я лениво растянусь
И над прежними мечтами
Засыпая посмеюсь.*

Автограф второй редакции, состоящей всего из восьми стихов, сохранился в рабочей тетради поэта среди стихотворений 1832 г. Здесь стихи 5–8, завершающие стихотворение, читаются так:

*Чтоб я с ней по синю полю
Ускакал на том коне.
Дайте волю – волю – волю –*

И не надо счастья мне!

Последняя редакция сохранилась в копии. В 1837 г. Лермонтов переработал стихотворение (см. «Узник»).

К *

Обращено, по всей вероятности, к В. А. Лопухиной, как и стихотворение «К *» («Оставь напрасные заботы»).

К *

Обращено, по всей вероятности, к В. А. Лопухиной.

Два великана

В черновом автографе первоначально была еще одна строфа, затем вычеркнутая:

*Страшны миру были оба
С гордым пасмурным челом;
Но в одном кипела злоба,
А презрение в другом.*

Тема Наполеона, появившаяся у Лермонтова еще в 1829 г., приобрела в данном стихотворении, написанном в связи с 20-летием Отечественной войны 1812 г., патриотическое звучание (ср. «Поле Бородина»). В сказочно-аллегорической форме Лермонтов изображает поражение Бонапарта, «трехнедельного удальца», в столкновении с «русским великаном» – Россией. Стихотворение написано в духе народных солдатских песен, предвосхищая «Бородино».

В последних четырех стихах имеется в виду ссылка Наполеона на остров Св. Елены, где он и умер в 1821 г.

Ср. характеристику Наполеона в строфе 7 главы I поэмы «Сашка».

К *

Обращено, по всей вероятности, к Н. Ф. Ивановой. Это прощальное стихотворение Лермонтова перед его отъездом из Москвы в Петербург в начале августа 1832 г. Начало второй строфы повторяется с изменением в стихотворении 1840 г. «Есть речи – значенье».

«Слова разлуки повторяя»

Стихотворение написано перед отъездом Лермонтова из Москвы в Петербург в начале августа 1832 г.

«Безумец я! Вы правы, правы!»

Первоначальное заглавие в автографе – «Толпе».

Лермонтов развивает тему поэта и толпы (ср. стихотворение «Посвящение», 1830, и посвящения к драмам «Испанцы» и «Menschen und Leidenschaften»).

«Она не гордой красотою»

В стихотворении говорится о В. А. Лопухиной.

«Примите дивное посланье»

Автограф находится в письме Лермонтова С. А. Бахметевой, написанном из Петербурга в августе 1832 г. (см.: наст. изд., т. IV).

Петербург, куда переехал Лермонтов в это время из Москвы, оттолкнул поэта своей столичной официальностью.

Челнок

Известна более краткая (без стихов 5–8) редакция стихотворения (Альбом А. М. Верещагиной, США).

послание

«Что толку жить!.. Без приключений»

Первоначальный автограф сохранился в письме Лермонтова М. А. Попухиной от 28 августа 1832 г. Первая строфа в нем отсутствует, а после 32-го стиха следует другой текст:

*С двумя плачевными стихами,
Которых, к счастью, вы сами
Не прочтаете вовек.
Когда ж чиновный человек
Захочет место на кладбище,
То ваше тесное жилище
Разроет заступ похорон
И грубо выкинет вас вон;
И, может быть, из вашей кости,
Подлив воды, подсыпав круп,
Кухмейстер изготовит суп
(Всё это дружески, без злости).
А там голодный аппетит
Хвалить вас будет с восхищеньем;
А там желудок вас сварит,
А там – но с вашим позволеньем
Я здесь окончу мой рассказ;
И этого довольно с вас.*

«Для чего я не родился»

Стихотворение написано 27 августа 1832 г. под впечатлением небольшого наводнения в Петербурге. Поэт рассказывает об этом в письме к М. А. Попухиной от 28 августа 1832 г., где и находится автограф стихотворения (см.: наст. изд., т. IV).

Парус

Стихотворение написано в Петербурге. Первоначальный автограф сохранился в письме Лермонтова М. А. Попухиной от 2 сентября 1832 г. (см.: наст. изд., т. IV).

Первый стих «Белеет парус одинокой» совпадает со стихом 19 в первой главе (строфа XV) поэмы А. А. Бестужева-Марлинского «Андрей, князь Переяславский», напечатанной впервые в 1828 г. анонимно (в 6-м номере «Московского телеграфа» за 1832 г. было обнародовано имя автора).

Лермонтов отразил в стихотворении настроения передовой интеллигенции 30-х годов XIX в. – ее революционные порывы и духовную разобщенность в обстановке последекабрьской реакции. Образ одинокого паруса запечатлен Лермонтовым и в живописном произведении того же периода – в акварельном морском пейзаже. Впоследствии Лермонтов вернулся к этому образу в романе «Герой нашего времени» (завершающие строки повести «Княжна Мери»).

«Он был рожден для счастья, для надежд»

Первые пять стихов почти без изменений вошли в стихотворение «Памяти А. И. О<доевско>го». Следующие четыре стиха варьируются в стихотворении «Дума».

Тростник

Русалка

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано 1836 г. Однако автограф стихотворения находится в тетради, заполнявшейся поэтом в 1832 г.

Баллада

Гусар

Образ гусара с описанием его формы и коня (красный доломан, блистающий золотом ментик, серые кони) воссоздан по личным впечатлениям: это была форма лейб-гвардии гусарского полка, в который Лермонтов был зачислен по вступлении в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

1833

Юнкерская молитва

Автограф не сохранился.

В копии – дата: «1833».

По свидетельству А. Ф. Тирана, учившегося вместе с Лермонтовым в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, стихотворение это, в числе других произведений поэта, было помещено в рукописном журнале «Школьная заря».

1833–1834

«На серебряные шпоры»

Написано во время учения Лермонтова в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

«В рядах стояли безмолвной толпой»

Автограф не сохранился.

Существует предположение, что стихотворение написано в связи со смертью юнкера Егора Сиверса (5 декабря 1833 г.). Литературным образцом Лермонтов избрал перевод И. И. Козлова из ирландского поэта Ч. Вольфа «На погребение английского генерала сира Джона Мура».

1835

«Опять, народные витии»

Кирееву

Веч.

В автографе после стиха «Мы чужды ложного стыда» зачеркнут следующий текст:

*Так нераздельны в деле славы
Народ и царь его всегда.
Веленьям власти благотворной
Мы повинuemся покорно
И верим нашему царю!
И будем все стоять упорно
За честь его как за свою.*

По воспоминаниям А. П. Шан-Гирея, это стихотворение написано «незадолго до смерти Пушкина, по случаю политической тревоги на Западе» (Воспоминания, с. 43). О нем же упоминал С. А. Раевский, давая показания по делу о «Смерти Поэта» в 1837 г. Стремясь отвести от Лермонтова подозрения в политической неблагонадежности, Раевский писал: «Услышав, что в каком-то французском журнале напечатаны клеветы на государя императора, Лермонтов в прекрасных стихах обнаружил русское негодование... Начала стихов не помню – они писаны, кажется, в 1835 году...» (там же, с. 391–392).

Стихотворение представляет собой политическую оду-инвективу, продолжающую тему, начатую А. С. Пушкиным в стихотворениях «Клеветникам России» (1831) и «Бородинская годовщина» (1831).

Весьма вероятно, что обращение Лермонтова к «народным витиям», которые «опять», «шумя», восстали за «дело падшее Литвы» на «славу гордую России», было вызвано антирусскими выступлениями во французской печати. Польский вопрос использовался как повод для усиления антирусских настроений. Действия польско-литовских повстанцев Лермонтов считал инспирированными извне и связывал их с посягательствами западноевропейских держав на территориальную целостность России.

13 (25) января 1834 г. в Брюсселе с речью по случаю трехлетия свержения Николая I с польского престола выступил глава демократического крыла польской эмиграции, историк Иоахим Лелевель. 4 (16) февраля 1834 г. в парижской газете «Le Temps» был напечатан памфлет под названием «Nicolas et ses apologistes», принадлежавший князю Адаму Чарторыскому. В апреле того же года журнал «Revue de Paris» поместил оскорбительную статью Тайо о Николае I («Esquisses historiques: Alexandre et Nicolas»). В ответ на эти выступления в зарубежном органе русского правительства «Journal de Francfort» I (12) апреля 1834 г. появилась передовая статья – с изложением речи Лелевеля. Пушкин в своем дневнике (запись 11 (23) апреля) приводит выдержку из этой статьи, в которой о нем говорилось как о борце с монархией Николая I.

Возможно, что непосредственным поводом для написания стихотворения «Опять, народные витии» явилась эта самая статья о речи Лелевеля в «Journal de Francfort», перепечатанная – полностью или частично – в петербургских и варшавских газетах. Лермонтов, не только знавший, но и разделявший отношение Пушкина к польскому восстанию 1830 г., начинает

свое стихотворение строками, сходными с пушкинским посланием «Клеветникам России», а затем прямо напоминает о нем в стихе «Уж вас казнил могучим словом» и следующих. Обсуждение польского вопроса в европейской печати продолжалось и в 1835 г. В декабре 1835 г. петербургская газета «Journal de S.-Petersbourg» перепечатала октябрьское выступление «Journal des Débats». Высказывалось предположение, что Раевский и Шан-Гирей связывали стихотворение Лермонтова именно с этим последним периодом журнальной борьбы.

<Эпиграмма на Н. Кукольника>

Датируется предположительно 1835 г.

1836

Умирующий гладиатор

Автограф не сохранился.

В авторизованной копии – дата: «2 февраля 1836 г.». Последние две строфы зачеркнуты (возможно, редакцией «Отечественных записок», где стихотворение было опубликовано в 1842 г. без двух последних строф, – т. 21, № 4, отд. 1, с. 378).

Эпиграф к стихотворению взят Лермонтовым из поэмы Байрона «Чайльд-Гарольд» (песнь IV, строфа 110, стих 1). С этой же поэмой связано и содержание стихотворения: начальные 20 стихов являются свободным переложением строф 139–141 песни IV «Чайльд-Гарольда».

Еврейская мелодия

Автограф не сохранился.

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано 1836 г.

Является вольным переводом стихотворения Байрона «My soul is dark» («Моя душа темна») из цикла «Еврейские мелодии».

В альбом

Автограф не сохранился.

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано 1836 г.

Стихотворение является вольным переводом «Lines written in an Album, at Malta» Байрона («Стихи, написанные в альбом на Мальте»). Ранняя редакция этого перевода относится к 1830 г. (см. стихотворение «В альбом» («Нет! – я не требую вниманья»)).

Эпиграмма

Н. В. Гоголь

«Великий муж! Здесь нет награды»

Датируется предположительно 1836 г.

Верхняя часть листа с началом текста и заглавием, в котором мог быть указан адресат стихотворения, оторвана.

Кого имеет в виду Лермонтов в своем обращении, до настоящего времени не установлено. Высказывалось предположение, что это П. Я. Чаадаев (1794–1856), писатель и ученый, друг декабристов и Пушкина. В 1836 г. Чаадаев напечатал «Философическое письмо» острокритического характера, за что подвергся правительственным гонениям.

Более вероятно, что в стихотворении речь идет о русском полковнике М. Б. Барклае-де-Толли (1761–1818), заслуги которого в Отечественной войне 1812 г. долгое время недооценивались современниками. В 1836 г., в связи с подготовкой к двадцатипятилетию Отечественной войны, споры об исторической роли Барклая-де-Толли как главнокомандующего русской армией велись на страницах прессы.

Высказаны были также догадки, касающиеся имен А. П. Ермолова, Н. Н. Раевского и др., но ни одна из них не получила достаточного подтверждения.

1837

Бородино

Автограф не сохранился.

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано 1837 г.

Написано, по всей вероятности, в январе 1837 г., в связи с исполнявшимся в этом году двадцатипятилетием Отечественной войны 1812 г.

Бородинская битва давно привлекала внимание Лермонтова. Среди юношеских произведений поэта (1830–1831) имеется сходное по замыслу стихотворение «Поле Бородина» (рассказ участника событий).

В 1837 г. Лермонтов основательно переработал свое раннее стихотворение.

Повествование, лишенное индивидуальных черт рассказчика, в новой редакции заменено живой, народной, характерной речью старого солдата, образ которого и стал центральным в стихотворении. Ум, беззаветная храбрость, действенный патриотизм русского народа – вот качества, которые, по мысли Лермонтова, обусловили победу над Наполеоном.

Говоря о конкретном историческом событии, которое изображено почти с документальной точностью, Лермонтов проводит идею, имевшую злободневное звучание: он противопоставляет богатырей духа, героев недавнего прошлого дремлющему в бездействии поколению своих современников. Эта же мысль позже с новой силой зазвучала в стихотворении «Дума». В. Г. Белинский в своей рецензии на стихотворения Лермонтова оценил «Бородино» как подлинно народное произведение: «...это стихотворение отличается простотою, безыскусственностью: в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии» (Белинский, т. IV, с. 503–504).

Смерть Поэта

Стихотворение написано на смерть Пушкина (Пушкин умер 29 января 1837 г.).

ред.

Стихотворение имело широкий общественный резонанс. Дуэль и смерть Пушкина, клевета и интриги против поэта в кругах придворной аристократии вызвали глубокое возмущение среди передовой части русского общества. Лермонтов выразил эти настроения в мужественных, исполненных поэтической силы стихах, которые разошлись во множестве списков среди современников.

Имя Лермонтова, как достойного наследника Пушкина, получило всенародное признание. В то же время политическая острота стихотворения вызвала тревогу в правительственных кругах.

По рассказам современников, один из списков с надписью «Воззвание к революции» был доставлен Николаю I. Лермонтова и его друга С. А. Раевского, участвовавшего в распространении стихов, арестовали и привлекли к судебной ответственности. 25 февраля 1837 г. по высочайшему повелению был вынесен приговор: «Л^{ейб}-гв^{ардии} гусарского полка корнета Лермантова... перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк; а губернского секретаря Раевского... выдержать под арестом в течение одного месяца, а потом отправить в Олонецкую губернию для употребления на службу, по усмотрению тамошнего гражданского губернатора». В марте Лермонтов выехал из Петербурга,

направляясь в действующую армию на Кавказ, где в это время находился Нижегородский драгунский полк.

В стихах «Его убийца хладнокровно» и следующих речь идет о Дантесе – убийце Пушкина. Жорж Шарль Дантес (1812–1895) – французский монархист, бежавший в 1833 г. в Россию после вандейского мятежа, был приемным сыном голландского посланника в Петербурге барона Геккерена. Имея доступ в салоны придворной русской аристократии, участвовал в травле поэта, закончившейся роковой дуэлью 27 января 1837 г. После смерти Пушкина выслан во Францию.

В стихах «Как тот певец, неведомый, но милый» и следующих Лермонтов вспоминает Владимира Ленского из романа Пушкина «Евгений Онегин».

«А вы, надменные потомки» и следующие 15 стихов, по свидетельству С. А. Раевского, написаны позднее, чем предшествующий текст. Это отклик Лермонтова на попытку правительственных кругов и космополитически настроенной знати очернить память Пушкина и оправдать Дантеса. Непосредственным поводом для создания последних 16 стихов, по свидетельству Раевского, послужила ссора Лермонтова с родственником, камер-юнкером Н. А. Столыпиным, который, навестив больного поэта, стал излагать ему «невыгодное» мнение придворных лиц о Пушкине и попытался защитить Дантеса.

Аналогичный рассказ содержится в письме А. М. Меринского к П. А. Ефремову, издателю сочинений Лермонтова. Существует список стихотворения, где неизвестный современник Лермонтова назвал ряд фамилий, позволяющих представить себе, о ком идет речь в строках «А вы, надменные потомки Известной подлостью прославленных отцов». Это графы Орловы, Бобринские, Воронцовы, Завадовские, князья Барятинские и Васильчиковы, бароны Энгельгардты и Фредериксы, чьи отцы и деды добились положения при дворе лишь с помощью искательства, интриг, любовных связей.

«Есть грозный суд: он ждет» – этот стих в издании сочинений Лермонтова под редакцией Ефремова (1873) впервые был напечатан с разночтением: «Есть грозный судия: он ждет». Изменение первоначального чтения данного стиха не мотивировано. Глухое упоминание об автографе, который якобы лег в основу полного текста стихотворения в этом издании, вызвано тем, что Ефремов внес ряд поправок в текст по письму А. М. Меринского, у которого хранился список стихотворения, сделанный им с автографа в 1837 г., сразу же после того, как Лермонтов написал его. Письмо Меринского к Ефремову сохранилось, но в нем нет поправки к стиху «Есть грозный суд». Очевидно, Ефремов исправил его произвольно.

В некоторых изданиях сочинений Лермонтова (под редакцией Болдакова в 1891 г., в нескольких советских изданиях начиная с 1924 г.) было повторено чтение Ефремова – «судия» вместо «суд». Между тем во всех дошедших до нас копиях стихотворения и в первых публикациях текста читается «суд», а не «судия». Сохранилось также стихотворение поэта П. Гвоздева, учившегося вместе с Лермонтовым в юнкерской школе. Гвоздев 22 февраля 1837 г. написал ответ Лермонтову, содержащий строки, подтверждающие правильность первоначального чтения спорного стиха:

Не ты ль сказал: «Есть грозный суд!»

И этот суд есть суд потомства...

Ветка Палестины

Автограф не сохранился.

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано 1836 г.

А. Н. Муравьев

Существует и еще одно свидетельство того же А. Н. Муравьева относительно создания стихотворения; оно не связывается с событиями 1837 г., и текст датируется 1836 г. (см.: Описание предметов древности и святыни, собранных путешественником по святым местам. Киев, 1872).

В настоящее время нет оснований отдать предпочтение той или иной версии; традиционно печатается в рубрике 1837 г.

Последняя строфа сходна со следующими стихами из поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан»:

*Лампады свет уединенный,
Кивот, печально озаренный,
Пречистой девы кроткий лик
И крест, любви символ священный.*

В литературе указывалось также на параллелизм образов, интонаций и отдельных строк данного стихотворения и стихотворения Пушкина «Цветок» (напечатано в 1829 г.).

Узник

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано 1837 г.

А. П. Шан-Гирей рассказывает в своих воспоминаниях, что стихотворение написано в феврале 1837 г., когда поэт находился под арестом за стихотворение «Смерть Поэта»:

«Мишель велел завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках с помощью вина, печной сажи и спички написал несколько пьес, а именно:

„Когда волнуется желтеющая нива“; „Я, мать божия, ныне с молитвою“; „Кто б ни был ты, печальный мой сосед“, и переделал старую пьесу „Отворите мне темницу“...»

(Воспоминания, с. 43).

Первые четыре стиха перенесены из стихотворения 1832 г. «Желанье». Заметны следы знакомства со стихотворением Н. М. Языкова «Конь»; в конце варьируется типичный языковский неологизм «звучномерными шагами» (у Языкова: «стройноверными»). В стихотворении нашли отражение реальные черты тюремного быта.

Сосед

Автограф не сохранился.

А. П. Шан-Гирей указывает в своих воспоминаниях, что это стихотворение было написано в феврале 1837 г., когда поэт находился в заключении (см. примечание к стихотворению «Узник»).

«Когда волнуется желтеющая нива»

Автограф не сохранился.

Написано в феврале 1837 г., когда поэт находился в заключении (см. примечание к стихотворению «Узник»).

Молитва

В автографах (их два) стихотворение озаглавлено «Молитва странника».

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано 1837 г.

Возможно, что стихотворение было написано перед отъездом Лермонтова на Кавказ, в ссылку. А. П. Шан-Гирей называет это стихотворение в числе тех, которые создавались поэтом в заключении, во время следствия по делу «О непозволительных стихах...» на смерть Пушкина (см. примечание к стихотворению «Узник»). «Посылаю Вам стихотворение, – писал Лермонтов М. А. Лопухиной 15 февраля 1838 г., – которое случайно нашел в моих дорожных бумагах, оно мне довольно-таки нравится, именно потому, что я совсем его забыл» (наст. изд., т. IV).

Высказывалось предположение, что адресат стихотворения – В. А. Лопухина.

Послание

Относится, так же как две другие записи Лермонтова в указанном альбоме – «стихотворение» (на ломаном русском языке) слуги Лопухиных Ахилла «На смерть Пушкина» и начало баллады «Югельский барон» – к 1837 г.; написано, по-видимому, в марте – апреле.

Адресовано Е. А. Сушковой. «Послание» – насмешливая реплика поэта на выписки Сушковой из св. Августина, сделанные в этом же альбоме на странице голубого цвета.

«Расстались мы; но твой портрет»

Последняя строфа перенесена с изменением первых двух строк из стихотворения 1831 г.

«Я не люблю тебя; страстей», посвященного Е. А. Сушковой,

К истории этого стихотворения непосредственное отношение имеет рассказ Е. А. Сушковой о ее разговоре с Лермонтовым на одном из танцевальных вечеров в 1834 или 1835 г., где М. Л. Яковлев исполнял романс А. А. Алябьева на пушкинский текст «Я вас любил, любовь еще, быть может». Лермонтову нравились эти стихи, хотя не безусловно; он предпочитал им элегию Баратынского «Уверение» («Нет, обманула вас молва»). «Вам, Михаил Юрьевич, нечего завидовать этим стихам, – отвечала Сушкова, – вы еще лучше выразились:

Так храм оставленный – всё храм,

Кумир поверженный – всё бог!

– Вы помните мои стихи, вы сохранили их? Ради бога, отдайте мне их, я некоторые забыл, я переделаю их получше и вам же посвящу.

– Нет, ни за что не отдам, я их предпочитаю какими они есть, с их ошибками, но с свежестью чувства; они, точно, не полны, но если вы их переделаете, они утратят свою неподдельность, оттого-то я и дорожу вашими первыми опытами.

Он настаивал, я защищала свое добро – и отстояла» (Сушкова, с. 176).

В рассказе Сушковой речь идет о стихотворении «Я не люблю тебя; страстей», довольно близком по лирической ситуации к упомянутым стихотворениям Баратынского и Пушкина. Стихотворение «Расстались мы; но твой портрет» возникает на основе его переработки, – об этом своем намерении Лермонтов и рассказывал Сушковой незадолго до создания стихотворения.

«Я не хочу, чтоб свет узнал»

Датируется предположительно, как и стихотворение «Не смейся над моей пророческой тоскою», расположенное на другой стороне того же листа в тетради.

«Не смейся над моей пророческой тоскою»

Стихотворение не закончено.

«Венец певца, венец терновый!» – ср. сходный образ в стихотворении «Смерть Поэта»: «И прежний сняв венок, – они венец терновый, Увитый лаврами, надели на него».

Стихотворение варьирует начальную строфу юношеского стихотворения «К *» («Когда твой друг с пророческой тоскою»). В начале 30-х годов в лирике Лермонтова устойчивы мотивы мечты о подвиге во имя свободы, жажды борьбы и ожидания трагического конца – изгнания, преследований клеветой, ранней гибели (см. стихотворения «Послушай! Вспомни обо мне», «1831-го июня 11 дня», «Из Андрея Шенье», «Из Паткуля», «К *» («Когда твой Круг с пророческой тоскою») и многие другие). Повторяя строки одного из этих стихотворений, Лермонтов как бы напоминал о том, что пророческие предчувствия не обманули его.

<Эпиграммы на Ф. Булгарина, I и II>

Датируются по содержанию апрелем 1837 г.

«Фадей» – Ф. В. Булгарин (1789–1859), реакционный писатель, редактор полуофициозной газеты «Северная пчела», негласный осведомитель III Отделения. В начале 30-х годов с эпиграммами, высмеивающими политическую продажность Булгарина и его бездарное творчество, выступил в печати Пушкин.

Поводом для эпиграмм Лермонтова послужил выход в свет в 1837 г. книги, печатавшейся под именем Булгарина, – «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях...» (подлинный автор Н. А. Иванов). Первая строка эпиграмм имеет двойной смысл и содержит намек не только на продажу книги, но и на предательскую деятельность Булгарина вообще, в частности на то, что в 1812 г. он служил в армии Наполеона.

«Се Маккавей-водопийца»

«Остаться без носу – наш Маккавей боялся»

Написаны на Кавказских водах, где Лермонтов был летом 1837 г.

Адресат эпиграмм не установлен, поэтому смысл этого сравнения неясен.

<А. Петрову>

Автограф не сохранился.

ред.

«Спеша на север издалека»

Написано, вероятно, перед отъездом Лермонтова в Петербург с Кавказа в конце 1837 г.

1837–1838

Кинжал

Написано, по всей вероятности, после отъезда Лермонтова с Кавказа в Петербург, в конце 1837 или в начале 1838 г.

Автограф этого стихотворения, как и стихотворений «Гляжу на будущность с боязнью» и «Она поет – и звуки тают», находится на одном листе с посвящением к поэме «Тамбовская казначейша», относящимся также к этому времени – к концу 1837 или к самому началу 1838 г.

«Гляжу на будущность с боязнью»

Написано, по всей вероятности, после отъезда Лермонтова с Кавказа (см. примечание к стихотворению «Кинжал»).

Первоначальную редакцию этого стихотворения представляет набросок «Мое грядущее в тумане».

«Слышу ли голос твой»

На том же листке, где автограф, имеется запись «Я в Тифлисе...», которую относят к 1837 г. или к началу 1838 г.

По содержанию связано со стихотворениями «Как небеса, твой взор блистает» и «Она поет – и звуки тают», по всей вероятности относящимися к одному лицу и написанными в тот же период. Высказывалось предположение, что названные стихи обращены к известной певице П. А. Бартеневой (1811–1872). В 1838–1841 гг. Бартенева одновременно с Лермонтовым часто бывала у Карамзиных и Смирновой; в августе – сентябре 1838 г. Лермонтов и Бартенева готовились выступить в любительском спектакле, где должны были исполнять главные роли.

«Как небеса, твой взор блистает»

«Она поет – и звуки тают»

Последние четыре стиха перенесены с некоторыми изменениями из стихотворения 1832 г. «Она не гордой красотою».

1838

<К М. И. Цейдлеру>

Это экспромт, посвященный Михаилу Ивановичу Цейдлеру (1816–1892), товарищу Лермонтова по юнкерской школе, служившему в лейб-гвардии Гродненском полку, куда с Кавказа был переведен Лермонтов. Написано на проводах, устроенных в честь отъезда Цейдлера в действующую армию на Кавказ 3 марта 1838 г. (см.: Воспоминания, с. 206).

<К портрету старого гусара>

Автограф не сохранился.

Стихотворение представляет собой подпись к рисунку, на котором изображен скачущий на коне старый гусар, полковник лейб-гвардии гусарского полка Николай Иванович Бухаров (1799–1862), сослуживец Лермонтова по полку. Рисунок сделан товарищем Лермонтова лейб-гусаром А. Н. Долгоруким. Под рисунком – авторизованная копия стихотворения Лермонтова с его подписью и датой – «1838».

<К Н. И. Бухарову>

Адресовано, как и предыдущее стихотворение, Н. И. Бухарову и написано, по всей вероятности, тогда же, в 1838 г.

Дума

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано 1838 г.

Это одно из наиболее значительных стихотворений в гражданской лирике Лермонтова. В нем поэт подытожил мысли, волновавшие его с юности, – о судьбе поколения, которое утратило героические черты, политическую активность, высокие нравственные идеалы. В самой постановке этих вопросов, как и во всей картине идейного состояния общества, нарисованной Лермонтовым, отразились характерные черты эпохи николаевской реакции конца 30-х годов.

«Дума» Лермонтова подготовлена такими стихотворениями, как «Монолог» («Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете»), «Бородино» и многими другими, содержащими отдельные мысли, отдельные стихи, перенесенные затем в «Думу» (ср. «Чаша жизни», «Он был рожден для счастья, для надежд»).

В. Г. Белинский в своей рецензии на стихотворения Лермонтова высоко оценил художественные достоинства и идейное содержание «Думы». Гражданская позиция поэта, выступившего с протестом против общественного зла, была близка передовым современникам Лермонтова и прежде всего Белинскому: «Эти стихи писаны кровью; они вышли из глубины оскорбленного духа: это вопль, это стон человека, для которого отсутствие внутренней жизни есть зло, в тысячу раз ужаснейшее физической смерти!..» (Белинский, т. IV, с. 522).

<А. Г. Хомутовой>

Автограф находился в Берлинской гос. библиотеке в бумагах Фарнгагена фон Энзе. В настоящее время местонахождение автографа неизвестно.

Стихотворение относится, по-видимому, ко времени службы Лермонтова в лейб-гвардии Гродненском полку (1838 г.), которым командовал генерал М. Г. Хомутов. Его сестре, Анне Григорьевне Хомутовой (1784–1856), и адресовано стихотворение.

«Слепец, страданием вдохновенный» – поэт И. И. Козлов, в это время уже совсем больной, разбитый параличом, ослепший. В молодости его связывала тесная дружба с А. Г. Хомутовой, двоюродной сестрой, беззаветно его любившей. В 1838 г. они встретились после более чем двадцатилетней разлуки. Возволнованный этой встречей, Козлов написал стихотворение «Другу весны моей после долгой, долгой разлуки».

Лермонтов, часто бывая в доме Хомутовых, узнал об этом стихотворении и ответил на него своим посланием.

Вид гор из степей Козлова

Автограф не сохранился.

Стихотворение также относится ко времени службы Лермонтова в лейб-гвардии Гродненском полку.

Это вольный перевод одноименного стихотворения Мицкевича из цикла «Крымские сонеты». Стихотворение является единственным переводом Лермонтова из Мицкевича. Литературных фактов, свидетельствующих о влиянии произведений польского поэта на творчество Лермонтова, имеется мало. Романтическая устремленность поэзии Мицкевича, экзотические краски «Крымских сонетов», явно ощутимое поклонение Байрону, мятежная судьба самого поэта – все это должно было очень импонировать молодому Лермонтову. По свидетельству А. И. Арнольди, Лермонтов писал по подстрочнику, сделанному его однополчанином корнетом Краснокутским (см.: Воспоминания, с. 219). Другим не менее важным источником для поэта, не владевшего польским языком, явился перевод стихотворения Мицкевича, сделанный Козловым: Лермонтов обращается к тому же размеру, он близок Козлову в форме передачи сонета (двадцатичетырехстрочным стихотворением) и даже повторяет его ошибку: переводит «зареву» (польск. luna) как «луна». Принадлежащий Козлову перевод сонета Мицкевича «Вид гор из степей Козловских» издавался неоднократно (в 1828, 1829, 1833 и 1834 гг.) как один из лучших переводов,

Казачья колыбельная песня

Автограф не сохранился.

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано этим же годом.

Известен список стихотворения, посланный бабкой Лермонтова в Штутгарт А. М. Верещагиной. Как следует из текста сопроводительного письма, «Казачья колыбельная» не могла быть написана позже конца 1838 г. По преданию, она была создана под впечатлением «баюкашной» песни казачки, услышанной поэтом в одной из терских станиц.

В. Г. Белинский писал о «Казачьей колыбельной песне»: «Ее идея – мать; но поэт умел дать индивидуальное значение этой общей идее: его мать – казачка, и потому содержание ее колыбельной песни выражает собою особенности и оттенки казачьего быта» (Белинский, т. IV, с. 535).

«Ma cousine»

Автограф – приписка поэта к письму Елизаветы Аркадьевны Верещагиной от 16–18 ноября ст. ст. 1838 г. из Петербурга в Штутгарт к дочери Александре Михайловне Верещагиной – «кузине» Лермонтова. Рядом с текстом Лермонтов изобразил фигурку коленапреклоненного

человечка, умоляющего о прощении.

Поэт

Написано, по-видимому, в 1838 г., так как цензурное разрешение на выпуск книжки журнала подписано 1 февраля 1839 г.

Стихотворение является выражением декабристских представлений о высоком назначении поэта – побуждать сердца сограждан к борьбе за политическую свободу. Отсюда такие образы, как «колокол на башне вечевой», – обращение к теме древней новгородской вольности, воспевавшейся декабристами.

1839

«Ребенка милого рожденье»

Стихотворение находилось в письме Лермонтова к А. А. Попухину (конец февраля – первая половина марта 1839 г.). Написано по поводу рождения его сына Александра.

<А. А. Олениной>

Автограф не сохранился.

Стихотворение написано 11 августа 1839 г. в альбом А. А. Олениной по поводу ее дня рождения.

Анна Алексеевна Оленина – дочь директора Публичной библиотеки, президента Академии художеств А. Н. Оленина.

В этом стихотворении Лермонтов впервые употребил макаронический стих (см. примечание к стихотворению «И. П. Мятлеву»).

«Не верь себе»

Автограф не сохранился.

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано 1839 г.

В стихотворении ставится остро волновавший Лермонтова вопрос о взаимоотношении поэта и народа (ср. стихотворения «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал»), «Журналист, читатель и писатель», «Пророк»). Развивая и углубляя темы, поднятые Пушкиным, Лермонтов трагически воспринимал разрыв, существующий между поэтом и народом, который он считал органической болезнью современного общества.

Эпиграф взят из «Пролога» к «Ямбам» французского поэта О. Барбье, с изменением первого стиха. Вместо «Que me font» («Какое мне дело») Лермонтов написал «Que nous font» («Какое нам дело»).

Три пальмы

Автограф не сохранился.

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано 1839 г.

В литературе указывалось на связь этой баллады с IX-м «подражанием Корану» Пушкина («И путник усталый на бога роптал»), напечатанным в 1826 г.

По словам Белинского, «пластицизм и рельефность образов, выпуклость форм и яркий блеск восточных красок – сливаются в этой пьесе поэзию с живописью» (Белинский, т. IV, с. 534).

Молитва

Автограф не сохранился.

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано 1839 г.

А. О. Смирнова-Россет

О Щербатовой см. примечание к стихотворению «На светские цепи».

Дары Терека

Автограф не сохранился.

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано 1839 г.

Автограф не сохранился.

В стихотворении отразилось знакомство Лермонтова с народными песнями и сказками гребенских казаков о Тереке.

третий

Памяти А. И. О<доевско>го

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» напечатано под заглавием «Памяти А. И. О-го» и датировано 1839 г.

Написано в связи со смертью друга Лермонтова, поэта-декабриста Александра Ивановича Одоевского (1802–1839), сосланного после декабрьского восстания в Сибирь, а затем на Кавказ, где он и умер 15 августа 1839 г. от лихорадки. Лермонтов познакомился с Одоевским в 1837 г. во время своей кавказской ссылки. Оба поэта служили в Нижегородском драгунском полку.

Стихи «Он был рожден для них, для тех надежд» и следующие являются повторением в новой редакции 2-й строфы юношеского стихотворения «Когда твой друг с пророческой тоскою» и начала стихотворения 1832 г. «Он был рожден для счастья, для надежд». 3-я, 4-я и 5-я строфы этого стихотворения текстуально сходны со строфами 3, 4, 136 и 137 поэмы «Сашка».

«На буйном пиршестве задумчив он сидел»

Третья строфа в автографе зачеркнута.

Написано на одном листке со стихотворением «Э. К. Мусиной-Пушкиной» и окончанием стихотворения «Памяти А. И. О<доевско>го», датированными 1839 г.

Стихотворение не закончено. В основу его лег вымышленный рассказ французского писателя Ж.-Ф. Лагарпа о том, что в начале 1788 г. на банкете у одного знатного вельможи писатель-монархист Ж. Казот (казненный в 1792 г.) предсказал французскую революцию и судьбу присутствовавших на вечере гостей – в том числе и свою собственную. Рассказ Лагарпа, впервые появившийся в 1806 г., неоднократно перепечатывался в русском переводе. Тема эта была близка Лермонтову, в лирике которого «мечта» о годе, «когда с царей корона упадет», и пророческое предчувствие революционных событий занимают значительное место.

<Э. К. Мусиной-Пушкиной>

Стихотворение относится к известной красавице графине Эмили Карловне Мусиной-Пушкиной, рожденной Шернваль (1810–1846).

1840

«Как часто, пестрою толпою окружен»

Автограф не сохранился.

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано 1 января 1840 г.

Стихотворение написано под впечатлением новогодних празднеств накануне 1840 г. На одном из них, в Дворянском собрании, Лермонтова видел И. С. Тургенев, о чем он рассказывает в своих «Литературных и житейских воспоминаниях»: «На бале Дворянского собрания ему не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества. Быть может, ему приходили в голову те стихи:

*Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки... и т. д.»*

(Воспоминания, с. 229).

И скучно и грустно

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано этим же годом.

В. Г. Белинский писал об этом стихотворении: «„И скучно и грустно“ из всех пьес Лермонтова обратила на себя особенную неприязнь старого поколения. Странные люди! Им все кажется, что поэзия должна выдумывать, а не быть жрицею истины, тешить побрякушками, а не греметь правдою!» (Белинский, т. IV, с. 527).

«Посреди небесных тел»

Написано в альбом поэтессе Каролине Карловне Павловой 16 мая 1840 г.

<М. А. Щербатовой>

Обращено к княгине Марии Александровне Щербатовой (рожденной Штерич), украинке по происхождению, молодой вдове, которой, по свидетельству современников, был увлечен Лермонтов в 1839–1840 гг. Ей посвящено стихотворение «Молитва» («В минуту жизни трудную»). С именем Щербатовой связывалась история дуэли поэта с Барантом, сыном французского посланника в Петербурге. 10 мая 1840 г. А. И. Тургенев, знакомый Лермонтова, записал в дневнике: «Был у кн. Щерб[атовой]. Сквозь слезы смеется. Любит Лермонт[ова]...» (Литературное наследство, т. 45–46. М., 1948, с. 420). Возможно, что импульсом к созданию стихотворения послужило опубликованное во втором номере «Отечественных записок» за 1839 г. стихотворение Е. П. Гребенки «Признание», где Украина изображена в аллегорическом образе женщины.

«Есть речи – значенье»

Тексту первой публикации предшествовала первая редакция стихотворения, написанная 4 сентября 1839 г. в альбом М. А. Бартеневой, сестры П. А. Бартеневой. Текст «Отечественных записок» сохранил первые две строфы альбомного варианта (за исключением 2-го и 6-го стихов), в котором после 8-го стиха следовали строфы:

Надежды в них дышут,

*И жизнь в них играет...
Их многие слышат,
Один понимает.
Лишь сердца родного
Коснутся в день муки
Волшебного слова
Целебные звуки;
Душа их с мольбой,
Как ангела, встретит,
И долгим биеньем
Им сердце ответит.*

В 1846 г. в литературном сборнике «Вчера и сегодня» была опубликована третья редакция стихотворения (под заглавием «Волшебные звуки»). Первые две строфы совпадали с текстом первой публикации (кроме 6-го стиха, который был дан по альбомной записи). В дальнейшем тексте соединились строфы первой и второй редакций:

*Их кратким приветом,
Едва он домчится,
Как Божиим светом
Душа озарится.
Средь шума мирского
И где я ни буду,
Я сердцем то слово
Узнаю повсюду;
Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.
Надежды в них дышат,
И жизнь в них играет, –
Их многие слышат,
Один понимает.
Лишь сердца родного
Коснутся в дни муки
Волшебного слова
Целебные звуки,
Душа их с мольбой,
Как ангела, встретит,
И долгим биеньем
Им сердце ответит.*

Тема стихотворения намечена в стихотворении 1832 г. «К *» («Прости! – мы не встретимся боле...»).

И. И. Панаев

время

время

имя

Журналист, читатель и писатель

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано этим же годом.

Написано 20 марта 1840 г. в Петербурге, когда Лермонтов находился под арестом на Арсенальной гауптвахте за дуэль с Барантом.

Эпиграф – прозаический перевод двустишия из «Sprüche in Reimen» («Изречений в стихах») Гете.

В стихотворении поставлен центральный для поздней лирики Лермонтова вопрос о судьбе поэта в обществе. Следуя Пушкину («Поэт и толпа», «Поэту», «Разговор книгопродавца с поэтом») в постановке этой темы, Лермонтов еще более драматизирует ее, подчеркивая разрыв между творцом, непонятым и отвергнутым поэтом-пророком, и обществом.

Одновременно он подвергает критике пустое и мелочное содержание «массовой» литературы и журналистики, обобщая факты конкретных литературных полемик 30-х годов, прежде всего борьбы Пушкина и его круга, а затем и «Отечественных записок» против Булгарина и Полевого.

В альбоме Лермонтова 1840–1841 гг. есть рисунок, в точности повторяющий экспозиционную ремарку стихотворения; на нем изображен сам Лермонтов в позе Читателя и А. С. Хомяков в позе Писателя. Однако действующих лиц стихотворения невозможно свести к конкретным прототипам.

В. Г. Белинский высоко оценил стихотворение «Журналист, читатель и писатель»:

«Разговорный язык этой пьесы – верх совершенства; резкость суждений, тонкая и едкая насмешка, оригинальность и поразительная верность взглядов и замечаний – изумительны. Исповедь поэта, которою оканчивается пьеса, блестит слезами, горит чувством. Личность поэта является в этой исповеди в высшей степени благородною» (Белинский, т. IV, с. 530).

«Во-первых, серая бумага,

Она, быть может, и чиста;

Да как-то страшно без перчаток...» –

парафраза строк из «Письма А. И. Готовцевой» П. А. Вяземского (1830), которые принял на свой счет Н. А. Полевой.

Воздушный корабль

Автограф не сохранился.

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано этим же годом.

Написано в марте 1840 г., когда Лермонтов находился под арестом за дуэль с Барантом.

В. Г. Белинский в письме В. П. Боткину от 15 марта писал, что Лермонтов, которого он навестил в ордонанс-гаузе, «читает Гофмана, переводит Зейдлица и не унывает» (Белинский, т. XI, с. 496).

Стихотворение является свободным переложением баллады австрийского поэта-романтика Й. К. Цедлица «Geisterschiff» («Корабль призраков»). Лермонтов значительно сократил подлинник и внес в текст сюжетные изменения. В строфах 7 и 12 отразилось знакомство

поэта с другой балладой того же автора «Die nächtliche Heerschau» («Ночной смотр») (в 1836 г. ее перевел В. А. Жуковский). В лирике Лермонтова есть несколько стихотворений, посвященных Наполеону (два стихотворения, имеющих одинаковое название «Наполеон», а также «Эпитафия Наполеона», «Св. Елена», «Последнее новоселье»).

Соседка

Как указывает А. П. Шан-Гирей, стихотворение написано весной 1840 г. в ордонанс-гаузе, когда Лермонтов находился под арестом за дуэль с Барантом. По словам Шан-Гирея, соседка, о которой написано стихотворение, действительно существовала, но «была вовсе не дочь тюремщика, а, вероятно, дочь какого-нибудь чиновника, служащего при ордонанс-гаузе, где и тюремщиков нет, а часовой с ружьем точно стоял у двери» (Воспоминания, с. 48). Имеются свидетельства, что существовал и портрет этой девушки, нарисованный Лермонтовым, с подписью «la jolie fille d'un sous-officier» («хорошенькая дочь унтер-офицера») (см. т. VI собрания сочинений под редакцией Висковатова, с. 330).

Пленный рыцарь

Автограф не сохранился.

Написано, по всей вероятности, во время заключения в ордонанс-гаузе.

<М. П. Соломирской>

Обращено к Марии Петровне Соломирской (1811–1859), жене В. Д. Соломирского, брат которого в 1837 г. командовал лейб-гвардии гусарским полком, где служил Лермонтов. В 1839–1840 гг. поэт встречался с Соломирской на балах.

Отчего

Автограф не сохранился.

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано этим же годом.

Существует предположение, что стихотворение посвящено М. В. Щербатовой (см. примечание к стихотворению «На светские цепи»).

Благодарность

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано этим же годом.

В указанном сборнике местоимение «ты» было написано со строчной буквы, благодаря чему стихотворение воспринималось как обращение к женщине и не вызвало противодействия цензуры. Между тем по прямому смыслу оно обращено к богу: поэт саркастически благодарит его за свои страдания, источник которых – трагический разлад с действительностью. Существует предположение, что стихотворение полемически направлено против напечатанной в «Отечественных записках» за 1839 г. (кн. 12) «Молитвы» В. И. Красова («Благодарю, творец, за все благодарю...»), прославляющей премудрое и благое устройство мира. Белинский характеризовал «Благодарность» как «сарказм обманутого чувством и жизнью сердца» (Белинский, т. IV, с. 532).

Из Гете

Автограф не сохранился.

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано этим же годом.

Поэт и переводчик Гете А. Н. Струговщиков вспоминал о своем разговоре с Лермонтовым по поводу этого стихотворения: «На вопрос его <Лермонтова>: не перевел ли я „Молитву путника“ Гете? – я отвечал, что с первой половиной сладил, а во второй – недостает мне ее

певучести и неуловимого ритма. „А я, напротив, мог только вторую половину перевести“, – сказал Лермонтов и тут же, по просьбе моей, набросал мне на клочке бумаги свои „Горные вершины“» (Русская старина, 1874, № 4, с. 712). Струговщиков относил этот разговор к концу ноября 1840 г., что ошибочно: Лермонтов в это время был уже на Кавказе. Является вольным переводом стихотворения Гете «Über allen Gipfeln» («Над всеми вершинами»).

Ребенку

В автографе – дата рукою В. А. Соллогуба (?): «1838 г.».

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» датировано этим же годом.

Кому адресовано стихотворение – не установлено. Высказывалось предположение, что стихотворение может относиться к дочери В. А. Бахметевой (рожденной Попухиной).

А. О. Смирновой

А. О. Смирнова-Россет

К портрету

В черновом автографе стихотворение озаглавлено «Портрет. Светская женщина».

В. А. Соллогуб

Тучи

Написано перед отъездом Лермонтова в ссылку на Кавказ.

По воспоминаниям В. А. Соллогуба, стихотворение создавалось при следующих обстоятельствах: «Друзья и приятели собрались в квартире Карамзиных проститься с юным другом своим, и тут, растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя в окне и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою, написал стихотворение „Тучки небесные, вечные странники!..“. Софья Карамзина и несколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотворение. Он оглянул всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажные от слез...» (см. т. VI собрания сочинений под редакцией Висковатова, с. 338).

«Я к вам пишу случайно; право»

В черновом автографе заглавие отсутствует; оно имеется в копии из архива Ю. Ф. Самарина и в первопечатном издании.

В стихотворении описан бой на речке Валерик (11 июля 1840 г.), в котором Лермонтов принимал участие.

После стиха «Нам был обещан бой жестокий» в черновом автографе первоначально следовал другой текст:

*Чечня восстала вся кругом;
У нас двух тысяч под ружьем
Не набралось бы. Слава [богу],
Выходит из кустов обоз,
В цепи стрельба; но началось
И в арьергарде понемногу;
Вот жарче, жарче... Крик! Глядим,*

Уж тащат одного, – за ним
Других... и много... ружья носят
И кличут громко лекарей!
Уж им не в мочь – подмоги просят:
«Сюда оружие – скорей
Картечи»... тихо развернулся
Меж тем в поляне весь отряд.
Кругом зеленый лес замкнулся;
Дымится весь. Свистят, жужжат
Над нами пули. – Перед нами
Овраг, река, – по берегам
Валежник, бревна здесь и там –
Но ни души – кусты ветвями
Сплелись – мы ближе подошли,
Орудий восемь навели
На деревья, в овраг без цели.
Гранаты глухо загудели
И лопнули... Ответа нет,
Мы ближе... Что за притча, право!
Вот от ружья как будто свет,
Вот кто-то выбежал направо...
Мелькнул и скрылся враг лукавый.
Мы снова тронулись вперед,
Послали выстрел им прощальный –
И ружей вдруг из семисот
Осыпал нас огонь батальный
И затрещало... по бокам,
И впереди, и здесь, и там
Валятся целыми рядами...
Как птиц нас бьют со всех сторон...
Второй и третий батальон
[В штыки, дружнее, молодцами];

После стиха «Была тепла, была красна» вычеркнуто:

Тогда на самом месте сечи
У батареи я прилег
Без сил и чувств; я изнемог,
Но слышал, как просил картечи
Артиллерист. Он приберег
Один заряд на всякий случай.
Уж раза три чеченцы тучей
Кидали шашки наголо;

Прикрытие всё почти легло.

Я слушал очень равнодушно;

Хотелось спать и было душно.

Послание обращено, по всей вероятности, к В. А. Бахметевой (Лопухиной). Поэт рассказывает в нем о боевых действиях отряда генерал-лейтенанта Галафеева в Чечне. Сражение при Валерике стоило больших жертв той и другой стороне. Лермонтову было поручено наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и держать связь с командиром, что было связано с величайшей опасностью, так как чеченцы скрывались в лесу. С первыми рядами храбрецов поэт ворвался в неприятельские завалы. Как вспоминает К. Х. Мамацев, Лермонтов, «заметив опасное положение артиллерии, подоспел... со своими охотниками. Но едва начался штурм, как он уже бросил орудия и верхом на белом коне, ринувшись вперед, исчез за завалами» (Воспоминания, с. 258–259). За проявленное «отличное мужество» Лермонтов был представлен к ордену. Но высочайшим повелением опальному поэту было отказано в награде.

В «Журнале военных действий» отряда Галафеева подробно описано валерикское сражение. Рассказ Лермонтова в стихотворном послании до деталей совпадает с этими журнальными записями.

Реалистическая простота и точность повествования, ведущегося от лица участника событий, бытовые зарисовки, разговорный язык – все это очень сильно отличало стихотворение Лермонтова от традиционных образцов высокой батальной лирики. Первым опытом поэта в этом направлении было «Бородино». Та же подчеркнутая «сниженность» темы – в стихотворениях «Завещание» и «Родина».

Завещание

Автограф не сохранился.

Написано, по всей вероятности, в конце 1840 г., когда Лермонтов участвовал в военных действиях на Кавказской линии.

1841

Оправдание

Автограф не сохранился.

Является переработкой двух юношеских стихотворений Лермонтова: «Романса к И...» («Когда я унесу в чужбину») и «Когда одни воспоминанья», включенного в драму «Странный человек».

Родина

В автографе стихотворение озаглавлено «Отчизна».

13 марта 1841 г. В. Г. Белинский писал В. П. Боткину: «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его „Родина“ – то, аллах керим, что за вещь – пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских» (Белинский, т. XII, с. 35).

Н. А. Добролюбов

«На севере диком стоит одиноко»

Первая редакция перевода, более близкая к подлиннику, имеет в автографе эпиграф – цитату из немецкого текста стихотворения:

*Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf Kahler Höh.*

Гейне

В переводе:

*Сосна стоит одиноко
На севере, на голой вершине.*

Гейне

Затем следует текст:

*На хладной и голой вершине
Стоит одиноко сосна,
И дремлет... под снегом сыпучим
Качаяся дремлет она.
Ей снится прекрасная пальма
В далекой восточной земле,
Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скале.*

Окончательная редакция создана Лермонтовым вскоре после первой – весной 1841 г., перед отъездом на Кавказ. Эпиграф в ней отсутствует. «Накануне отъезда своего на Кавказ, – вспоминал П. П. Вяземский, – Лермонтов по моей просьбе мне перевел шесть стихов Гейне: „Сосна и пальма“. Немецкого Гейне нам принесла С. Н. Карамзина. Он наскоро, в недоделанных стихах, набросал на клочке бумаги свой перевод. Я подарил его тогда же княгине Юсуповой. Вероятно, это первый набросок, который сделал Лермонтов, уезжая на Кавказ в 1841 году, и который ныне хранится в императорской Публичной библиотеке» (Воспоминания, с. 264).

В обеих редакциях изменен смысл стихотворения Гейне: любовную тему – судьба влюбленных, осужденных на вечную разлуку (сосна в немецком языке – слово мужского рода), – Лермонтов заменил темой одиночества.

Любовь мертвеца

В черновом автографе и в копии – несколько вариантов заглавия: «Новый мертвец», «Живой мертвец», «Влюбленный мертвец».

Написано 10 марта 1841 г. в альбом М. А. Бартеневой. Связано со стихотворением А. Карра «Le mort amoureux» («Влюбленный мертвец»), вписанным в тот же альбом несколько ранее, 14 сентября 1839 г.

В ранней лирике Лермонтова имеется сходное по содержанию стихотворение (см. «Письмо»).

Последнее новоселье

Написано по поводу перенесения праха Наполеона с острова Св. Елены в Париж 15 декабря 1840 г. Наполеон с ранних лет привлекал внимание Лермонтова как сильная личность с трагической судьбой и как фигура политическая. Еще в 1831 г., после Июльской революции во Франции, когда впервые был поднят вопрос о перенесении останков Наполеона в Париж, Лермонтов написал стихотворение «Св. Елена», близкое по оценке событий к «Последнему новоселью».

В творчестве Лермонтова есть и патриотическое осмысление наполеоновской темы. В стихотворениях «Два великана», «Бородино», в поэме «Сашка» французский полководец представлен «трехнедельным удалцом», дерзко посягнувшим на несокрушимую русскую твердыню.

В «Последнем новоселье» поэта интересует иной аспект. Как и в 1831 г., Наполеон изображен здесь трагическим героем, жертвой политического вероломства французов. Новым поводом для таких заключений была кампания во французской печати в связи с переносом останков Наполеона в Париж. В России была известна дипломатическая игра Луи Филиппа и его министров, которые в борьбе с племянником Наполеона, Луи Бонапартом, претендовавшим на французский престол, спекулировали на памяти Наполеона I, пытаясь завоевать поддержку широких кругов населения.

Торжественная церемония похорон Наполеона в Париже вызвала в России ряд поэтических откликов, в том числе славянофильских (стихотворения Хомякова и Тютчева).

«Французоедство» Лермонтова в «Последнем новоселье» было также воспринято некоторыми современниками как проявление славянофильских настроений поэта.

Белинский, например, следующим образом откликнулся на стихотворение в письме к П. Н. Кудрявцеву от 28 июня 1841 г.: «Какую дрянь написал Лермонтов о Наполеоне и французах – жаль думать, что это Лермонтов, а не Хомяков» (Белинский, т. XII, с. 57).

«Из-под таинственной холодной полумаски»

Автограф не сохранился.

Датируется предположительно 1841 г.

И. П. Мятлеву

Иван Петрович Мятлев (1796–1844) – русский поэт, известный своими опытами в области макаронической поэзии, основанной на смешении различных языков. Особой популярностью пользовался шуточный роман в стихах «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границей, дан л'этранже» (1841). Время создания стихотворения связывается обычно с датой публикации книги, однако Мятлев читал роман в салонах

Москвы и Петербурга еще до выхода его в свет.

О стихах «Ишки Мятлева» Лермонтов упоминает в стихотворении «<Из альбома С. Н. Карамзиной>».

<А. А. Углицкой>

Написано в альбом А. А. Углицкой либо между 13 апреля – началом мая 1840 г., либо, что более вероятно, весной 1841 г., во время последнего приезда Лермонтова в Петербург.

Александра Александровна Углицкая – родственница поэта со стороны матери.

Стихотворная шутка Лермонтова написана макароническими стихами (см. примечание к предыдущему стихотворению).

<Из альбома С. Н. Карамзиной>

ред.

альбом,

„что когда все разойдутся, я что-то прочту и скажу ему доброе слово“.

если стихи мне не понравятся, порвать их, и он тогда напишет мне другие.

последней

в укромный уголок

задела его честь»

В стихотворении Лермонтов говорит об изменении своих эстетических воззрений, об отказе от романтических литературных традиций. Аналогичное признание он делает в поэме

«Сказка для детей». Стремление к простоте, подчеркнутое «снижение» традиционно «высоких» тем проявились во всем творчестве Лермонтова последнего периода (см., например, стихотворения «Я к вам пишу случайно; право», «Родина», «Завещание» и др.).

Софья Николаевна Карамзина (1802–1856) – старшая дочь писателя Н. М. Карамзина, хозяйка известного литературного салона. Лермонтов в последние годы жизни часто бывал у Карамзиных, где и встречался с упоминаемыми в стихотворении лицами –

А. О. Смирновой (см. примечание к стихотворению «А. О. Смирновой»), И. П. Мятлевым (см. примечание к стихотворению «И. П. Мятлеву»), А. Н. Карамзиным, братом С. Н. Карамзиной («Саша»).

Имена Смирновой и Мятлева в автографе обозначены первыми буквами.

Графине Ростопчиной

Автограф не сохранился.

Написано в альбом Е. П. Ростопчиной, который Лермонтов подарил ей в апреле 1841 г., перед последним отъездом на Кавказ. Поэтесса рассказывает об этом в примечании к своему стихотворению «Пустой альбом» (Стихотворения графини Ростопчиной, т. II. СПб., 1856, с. 93).

О Ростопчиной см. в примечании к стихотворению «Додо».

Договор

Автограф не сохранился.

Датируется предположительно 1841 г.

Является переработкой юношеского стихотворения «Прелестнице». Примыкает к стихотворениям, посвященным теме «свободной любви» (см. примечание к стихотворению «Покаяние»).

«„Договор“ – чудо как хорошо, – писал Белинский В. П. Боткину 17 марта 1842 г., – и ты прав, говоря, что это глубочайшее стихотворение, до понимания которого не всякий дойдет...» (Белинский, т. XII, с. 84).

«Прощай, немытая Россия»

Автограф не сохранился.

Написано, по свидетельству биографов, в апреле 1841 г., перед отъездом Лермонтова из Петербурга на Кавказ.

До нас дошло несколько вариантов текста этого стихотворения в списках, сделанных в разное время П. И. Бартеневым.

В 1873 г. Бартенев, посылая стихотворение П. А. Ефремову, писал: «Вот еще стихи Лермонтова, списанные с подлинника». При этом сообщался следующий текст:

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.
Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих царей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.*

В 1890 г. Бартенев опубликовал другую редакцию текста (по которой печатается стихотворение в настоящем издании), сопроводив ее примечанием: «Записано со слов поэта современником» (Русский архив, 1890, № 11, стб. 375).

В 1955 г. опубликован еще один вариант текста – список того же Бартенева из архива Н. В. Путьты. В этом списке стих 4 читается: «И ты, покорный им народ». Остальной текст – как в письме Ефремову (подробнее см.: Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка, 1955, т. 14, вып. 4, с. 372–373).

Ту редакцию, где стих 6 читается «Сокроюсь от твоих пашей», есть основание считать наиболее вероятной по смыслу и по форме. Резко обличительное стихотворение Лермонтова, направленное против самодержавно-бюрократического режима России, распространялось в списках и подвергалось многим искажениям.

Утес

Написано в апреле 1841 г.

Спор

Написано в апреле 1841 г. в Москве и через Ю. Ф. Самарина передано редактору «Москвитянина» М. П. Погодину.

В стихотворении, имеющем форму аллегорической баллады, Лермонтов говорит о завоевании Кавказа Россией.

В оценке событий Лермонтов был близок тем кругам грузинской интеллигенции, с которыми он общался во время первой ссылки. Значительная часть этой интеллигенции признавала прогрессивное влияние русской экономики и культуры на жизнь народов Кавказа и видела в России мощного союзника в борьбе против внешних врагов (ср. поэму Н. Бараташвили «Судьба Грузии», 1839, и его же стихотворение «Могила царя Ираклия», 1842).

Однако, показывая историческую неизбежность покорения Кавказа Россией, поэт посвящает сочувственные строки Казбеку, олицетворяющему покоренную вольность.

Сон

Написано между маем и началом июля 1841 г.

L'attente

Беловой автограф находится в письме Лермонтова к С. Н. Карамзиной от 10 мая 1841 г., – по всей вероятности, тогда же и написано стихотворение.

Стихотворение ошибочно связывалось с именем французской поэтессы Оммер де Гелль, жены французского консула в Одессе. В 80-х годах XIX в. П. П. Вяземский, автор вымышленных «Писем и записок» Оммер де Гелль, напечатал переделанный им текст стихотворения «L'attente» – якобы первоначальную его редакцию под названием «A madame Hommaire de Helle» («К мадам Оммер де Гелль»). Сведения П. П. Вяземского опровергнуты советским литературоведением: обнаружены рукописи, изобличавшие подделку (подробнее см.: Литературное наследство, т. 45–46. М., 1948, с. 761–766).

«Лилейной рукой поправляя»

Стихотворение не закончено. Написано между маем и началом июля 1841 г.

«На бурке под тенью чинары»

Стихотворение не закончено. Написано между маем и началом июля 1841 г.

«Они любили друг друга так долго и нежно»

Написано между маем и началом июля 1841 г.

Это вольный перевод стихотворения Г. Гейне «Sie liebten sich beide» из «Книги песен».

Первые строки этого стихотворения взяты в качестве эпиграфа.

В черновом автографе сохранились две предварительные редакции перевода Лермонтова.

Первая из них – не рифмована;

*Они любили друг друга так нежно,
С такой глубокой и страстной тоскою,
Но, как враги, друг друга боялись,
И были речи их пусты и хладны.
Они расстались и только порою
Во сне друг друга видали, – но скоро
Им смерть настала – и встретились в небе,
И что ж? Друг друга они не узнали.*

Вторая черновая редакция ближе к окончательной, но, как и первая, отличается от нее по метрике:

*Они любили друг друга так нежно,
С тоской глубокой и страстью мятежной!
Но, как враги, опасались встречи,
И были пусты и хладны их речи.
Они расстались в безмолвном страданье
И милый образ во сне лишь видали.
Но смерть пришла, им настало свиданье...*

И что ж? Друг друга они не узнали.

Тамара

Написано между маем и началом июля 1841 г.

G. F. Gamba

Образ коварной царицы, предающей смерти своих любовников, был подготовлен «Египетскими ночами» Пушкина.

Свиданье

Написано между маем и началом июля 1841 г.

В стихотворении, по-видимому, отразились впечатления Лермонтова от его пребывания в Тифлисе и путешествия по Военно-Грузинской дороге. В записи «Я в Тифлисе...» намечены детали сюжета этого стихотворения (см.: наст. изд., т. IV).

Листок

Написано между маем и июлем 1841 г.

Символический образ оторванного бурей листка появляется у Лермонтова еще в ранней лирике («Портреты» («Он не красив, он не высок»), «К ***» («Дай руку мне, склонись к груди поэта») и др.).

В литературе указывалось на связь стихотворения «Листок» с элегией французского поэта А. В. Арно, переводившейся на русский язык В. А. Жуковским и Д. В. Давыдовым. В статье Пушкина «Французская Академия», напечатанной в 1836 г. в «Современнике», приводится история шумного успеха этой элегии Арно.

«Выхожу один я на дорогу»

Написано между маем – началом июля 1841 г.

Морская царевна

Написано между маем и началом июля 1841 г.

В литературе отмечалось сходство стихотворения (в некоторых деталях) с «Янышем-королевичем» из цикла «Песни западных славян» Пушкина.

Пророк

Написано между маем и началом июля 1841 г.

Лермонтов продолжает своим стихотворением пушкинскую тему поэта-пророка (ср. стихотворение Пушкина «Пророк», 1826). Но у Лермонтова – трагическое осмысление темы: поэт, обладающий всеведением пророка, подвергается гонениям со стороны общества за проповедь любви и истины.

В. Г. Белинский относил стихотворение «Пророк» к лучшим созданиям Лермонтова: «Какая глубина мысли, какая страшная энергия выражения! Таких стихов долго, долго не дожидаться России!...» (Белинский, т. VIII, с. 117).

«Нет, не тебя так пылко я люблю»

Высказывались предположения, что стихотворение относится к Софье Михайловне Соллогуб, жене писателя В. А. Соллогуба, или я Екатерине Быховец, дальней родственнице Лермонтова, с которой поэт встречался летом 1841 г. в Пятигорске. Лермонтов находил в ней сходство с В. А. Бахметевой (Лопухиной) – «подругой юных дней», горячо любимой поэтом.

Стихотворения разных годов

Крест на скале

Автограф не сохранился.

В копии стихотворения, сделанной В. Х. Хохряковым, имеется надпись: «Mlle Souchkoff». К какой Сушковой могло относиться это стихотворение, – к Е. А. Сушковой (впоследствии Хвостовой), адресату многих стихотворений Лермонтова 1830 г., или к поэтессе Е. П. Сушковой, в замужестве Ростопчиной (предположение П. А. Висковатова), которой в 1831 г. Лермонтов посвятил мадригал («Додо»), – не установлено, как не установлено и время написания стихотворения. Последние два стиха повторяются с изменением в поэме «Боярин Орша» («Забыл печали бытия И бурю братом назвал я») и в поэме «Мцыри» («О, я как брат Обняться с бурей был бы рад!»).

Черны очи

Стихотворение, по всей вероятности, относится к Е. А. Сушковой, которую называли «черноокой» (см. примечание к стихотворению «К Сушковой»). Возможно, что написано оно, как и другие стихотворения, адресованные Сушковой, в 1830 г.

К ***

Автограф находится на оборотной стороне листка со стихотворением «Черны очи».

Возможно, что оба стихотворения написаны в одно время.

Первая строфа сходна с началом стихотворения «Не смейся над моей пророческой тоскою» (1837 (?)), начало второй строфы повторяется в стихотворениях «Он был рожден для счастья, для надежд» и «Памяти А. И. О^{доевско}го».

Гость

Стихотворение, известное по копии, полученной П. А. Висковатовым от наследников А. М. Верещагиной, предположительно датировалось 1832 г. Между тем находящееся в каталоге антикварной мюнхенской фирмы «Karl und Faber» (Мюнхен, 1951) факсимиле лермонтовского автографа (заглавие и 6 первых строк) позволяет думать, что баллада относится к более позднему времени (характер почерка); возможно, она была написана при известии о предстоящем замужестве В. А. Лопухиной. Сюжет стихотворения мог быть подсказан балладой Г. А. Бюргера «Ленора» и ее русскими переводами. Известный фольклорный сюжет о «госте» – призраке погибшего жениха упоминается в романе «Вадим» (см.: наст. изд., т. IV).

«Non, si j'en crois mon espérance»

Стихотворение находилось в архиве А. М. Верещагиной, к ней оно, по-видимому, и обращено; в собрании сочинений под редакцией Висковатова датировалось 1832 г. (т. I, с. 235–236).

<Н. Н. Арсеньеву>

Написано в альбом Николаю Николаевичу Арсеньеву – родственнику Лермонтова по матери, кавалергарду.

«Когда надежде недоступный»

Автограф стихотворения находится в одной тетради с черновыми набросками «Сашки»; возможно, что они писались одновременно.

«Ах! Ныне я не тот совсем»

Автограф не сохранился.

Это вольный перевод пятой песни из поэмы Байрона «Мазепа».

«Расписку просишь ты, гусар»

По утверждению Висковатова, стихотворение обращено к товарищу Лермонтова по лейб-гвардии гусарскому полку А. Л. Потапову.

Написано, по всей вероятности, в период их совместной службы, в 1838–1841 гг.

«Он был в краю святом»

Автограф не сохранился.

Написано, по всей вероятности, между 1832 и 1835 гг.

Набросок представляет собой пародию на традиционную романтическую балладу, воспевающую воинскую доблесть средневекового рыцарства. Пародируемые образцы – баллады В. А. Жуковского «Старый рыцарь» (1832) и И. И. Козлова «Возвращение крестоносца» (1834).

«Никто моим словам не внимлет... Я один»

Написано в Петербурге, по всей вероятности, в 1835 или 1836 г.

Листок с автографом был передан хозяйке литературного салона в Петербурге Е. А. Карлгоф-Драшусовой С. А. Раевским – с запиской следующего содержания: «...как ни была бы глубока, как ни долговременно таилась в душе его мысль, он обнаруживал ее кистью или пером изумительно легко – и я бывал свидетелем, как во время размышлений противника его в шахматной игре Лермантов писал драматические отрывки... Для сохранения воспоминаний об этой отличительной черте Раевский с отличным почтением посылает ее превосходительству Елизавете Алексеевне собственноручный листок Лермантова, согласно желанию ее» (Литературное наследство, т. 19–21. М., 1935, с. 505).

«Мое грядущее в тумане»

Автограф находится на одном листке с предыдущим стихотворением. По-видимому, и написаны они в одно время.

Стихотворение не закончено. Основные мотивы его вошли в стихотворение «Гляжу на будущность с боязнью».

«И на театре, как на сцене света»

Четверостишие вошло в текст драмы «Арбенин» (1836) в несколько измененном виде – как реплика 2-го гостя (действие II, явление 1).

«Это случилось в последние годы могучего Рима»

Автограф не сохранился.

Стихотворение не закончено.

«Тебе, Кавказ, суровый царь земли»

Это стихотворение впоследствии легло в основу посвящения к одной из редакций «Демона» (см. примечание к поэме «Демон» – наст. изд., т. II).

«Не плачь, не плачь, мое дитя»

Автограф не сохранился.

Написано стихотворение, по всей вероятности, в последние годы жизни Лермонтова.

Первый и последний стихи частично совпадают со стихами 312 и 318 поэмы «Демон» (первый монолог Демона).

«Quand je te vois sourire»

Автограф не сохранился.

Приложения

Переводы

Мрак. Тьма

Сделан в 1830 г.

Это перевод стихотворения Байрона «Darkness» («Тьма»). Мотивы его повторяются в лирике Лермонтова этих лет (см. стихотворения «Ночь. I», «Ночь. II»).

The Giaour

Сделан в 1830 г.

Это перевод стихов 1 – 67, 103–167 и 200–223 поэмы Байрона «Гяур», воспроизводящий не сюжетные эпизоды, а описания. Некоторые стихи из «Гяура» Лермонтов впоследствии взял в качестве эпиграфов – к части I «Измаил-Бей» и к главам 2 и 3 «Боярина Орши».

Napoleon's Farewell

Сделан в 1830 г.

Это перевод «Прощания Наполеона» Байрона. Отдельные мотивы ср. в стихотворениях «Св. Елена», «Последнее новоселье».

Верро

Сделан в 1830 г.

Это перевод первой строфы поэмы Байрона «Беппо».

(С немецкого)

Сделан в 1831 г.

Это перевод стихотворения И. Т. Гермеса «Dir folgen meine Thränen» из его повести «История мисс Фанни Уилкс, почти перевод с английского» (1766). Стихотворение Гермеса получило распространение в качестве песни (переводчик Фидлер обнаружил его в одном из старых немецких песенников). Возможно, Лермонтов слышал его в детстве от бонны Х. О. Ремер. Текст оригинала (с некоторыми неточностями) приведен в автографе.

II

Коллективное

Баллада

По свидетельству В. Н. Анненковой, Лермонтов не закончил стихотворение и последние 6 строк принадлежат ей. В 1962 г. И. Л. Андроников обнаружил автограф баллады в ФРГ, в составе архива родственницы и приятельницы Лермонтова А. М. Верещагиной, в одном из альбомов, принадлежащих ныне правнуку Верещагиной, г-ну В. фон Кенигу. Рукою Лермонтова написаны только первые 15 строк, остальные записала В. Н. Анненкова, двоюродная сестра Верещагиной.

франц.

Стихотворение, таким образом, написано по поводу предстоящей свадьбы

А. М. Верещагиной, которая в 1837 г. вышла замуж за вюртембергского министра иностранных дел барона Гюгеля (отсюда название «Югельский барон»).

Является пародией на балладу Жуковского «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» (1822).

Долгое время (до 1964 г.) печаталось в отделе «Dubia».

«О, как прохладно и весело нам»

Написано, по-видимому, в 1839 г. в соавторстве с В. А. Соллогубом.

Черновик первой строфы показывает, что Соллогубу принадлежат две первые строки и двустишие «О, как чудно, прохладно с песнями плыть И влажные кудри над морем сушить».

В приписке Соллогуба на черновом автографе сказано, что это стихотворение – перевод с немецкого. О каком немецком стихотворении идет речь – неизвестно. Стихотворение «О, как прохладно и весело нам» – дань веселому, беспечному настроению. Оно предназначалось для музыкального исполнения (предполагалось, что музыку напишет В. Ф. Одоевский).

III

Стихотворения, приписываемые Лермонтову

Экспромт

По рассказу Е. А. Сушковой, стихотворение адресовано приехавшей в Москву соседке Лермонтова по Чембарской деревне. Не исключена возможность, однако, что Лермонтов вписал в альбом своей знакомой уже известный традиционный мадригал-эпиграмму. В пользу такого предположения говорит, в частности, публикация этого же текста в № 16 московского «Листка» за 1831 г., где он приписан Николаю Максимовичу. В литературе указывалось, что «Экспромт» травестирует строчки из стихотворения поэта XVIII в.

В. П. Петрова «Девиц избранный хор».

«Любить вас долго было б скучно»

Приписывается Лермонтову на основании примечания в копии, сделанного М. А. Веневитиновым: «Неизвестно кому написано. Со слов Вас. Петр. Ушакова, знавшего Лермонтова в детстве, написано Лермонтовым в 15 – 16-летнем возрасте».

«Хвала тебе, приют лентяев»

По словам Г. Головачева, учившегося с Лермонтовым в Московском университете, стихи, из которых он привел несколько строк, ходили между студентами после увольнения поэта из университета. Поэт Александр Иванович Полежаев (1804–1838), будучи студентом Московского университета, написал фривольную и отличающуюся свободомыслием поэму «Сашка» (1825), за которую был сослан на Кавказ и отдан в солдаты.

«Когда легковерен и молод я был»

Записано со слов декабриста В. М. Голицына, встречавшегося с Лермонтовым на Кавказе в 1837 г. По его сообщению, стихотворение это было послано в записке Лермонтова, когда поэт не явился на одну из дружеских вечеринок.

Является пародийной перелицовкой баллады Пушкина «Черная шаль» (1820).

<Экспромты 1841 года>

«Очарователен кавказский наш Монако!»

«В игре, как лев, силен»

«Милый Глебов»

«Скинь бешмет свой, друг Мартыш»

«Смело в пире жизни надо»

Первый из них относится к Льву Сергеевичу Пушкину, брату Александра Сергеевича.

Второй экспромт адресован Михаилу Павловичу Глебову, корнету лейб-гвардии конного полка, впоследствии секунданту на дуэли Лермонтова.

Надя – Надежда Петровна Верзилина, за которой ухаживал Глебов (см. примечание к экспромту «Надежда Петровна»).

Третий экспромт адресован Николаю Соломоновичу Мартынову, впоследствии убийце Лермонтова. Лермонтов в стихах и карикатурах высучивал франтовство и глупость Мартынова.

Мартынов и сам писал эпиграммы на Лермонтова. Известна его стихотворная шутка, относящаяся, по всей вероятности, к 1841 г.; в ней упоминаются три знакомые Лермонтову женщины: Э. А. Клингенберг (по отчиму – Верзилина), Н. А. Реброва и Адель Оммер де

Гелль:

Mon cher Michel! – И вернется снова

Оставь Adel... – К тебе Реброва.

А нет сил, – Рецепт возврати не иной

Пей элексир... – Лишь Эмиль Верзилиной.

Текст эпиграммы известен по рукописи, в начале которой находится «Рецепт. Как составлять жизненный элексир», написанный значительно раньше и другой рукой.

Эпиграмма задела Лермонтова; рядом с текстом сохранилась надпись, сделанная рукою поэта: «Подлец Мартышка».

Четвертый экспромт адресован С. В. Трубецкому.

«Велик князь Ксандр, и тонок, гибок он»

«Наш князь Василь-»

«Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон»

«С лишком месяц у Мерлини»

В экспромте упоминаются княгиня Эристова и П. В. Волков («верный паладин»).

«Он метил в умники, попался в дураки»

«Зачем, о счастья мечтая»

«Мои друзья вчерашние – враги»

«Им жизнь нужна моя, – ну, что же, пусть возьмут»

«Ну, вот теперь у вас для разговоров будет»

«Куда, седой прелюбодей»

«За девицей Emilie»

«Надежда Петровна»

Экспромт был кем-то вписан в альбом уже после гибели Лермонтова. Под текстом дата – 7 декабря 1842 г.

Текст экспромта воспроизводился в ряде воспоминаний, принадлежавших современникам Лермонтова.

«Поверю совести присяжного дьяка»

«Винтовка пулю верную послала»

«Приветствую тебя я, злое море»

Записаны со слов офицера Трофимовича, служившего на Кавказе и якобы обнаружившего при убитом Лермонтове тетрадь, где находились эти стихотворения. В 1844 г. он продиктовал их по памяти Н. Ф. Щербине. Авторство Лермонтова в отношении этих текстов сомнительно.